

АЗБУКА ВЕРЫ

Тихомиров Лев Александрович

**В последние дни (эсхатологическая
фантазия) - Лев Тихомиров**

Православная художественная литература 2016

В последние дни (эсхатологическая фантазия) - Лев Тихомиров

Тихомиров Лев Александрович

Перед нами - с. Судя по авторским пометкам в начале текста, Лев Александрович работал над ним в 1919- 1920-м гг. Сохранились сведения о том, что Тихомиров в начале 20-х гг. устраивал у себя дома в Сергиевом Посаде чтение некой "Апокалиптической повести" для небольшого кружка бывших друзей (см.: Фудель С. Воспоминания // Новый мир. 1991, № 4. С. 183), совершенно очевидно, что речь идет о "Последних днях".

В "эсхатологической фантазии" мыслитель продолжает (точнее - завершает) столь важную для него тему "конца времен", но на сей раз он облакает свои размышления в форму философско-художественного произведения. Тихомиров в "Последних днях" вполне сознательно ориентируется на знаменитую "Краткую повесть об Антихристе" из "Трех разговоров..." В. С. Соловьева, даже верховный маг в "Последних днях" носит такое же имя, как и в "Повести...", Аполлоний; в обоих произведениях Антихрист - "великий человек". Но в то же время "эсхатологическая фантазия" имеет существенные отличия от "Повести..." - и формальные, и идейные. "В последние дни", во-первых, значительно превосходит "Повесть..." по объему, а по жанру ближе к авантюрному роману, чем к лапидарному соловьевскому тексту. В отличие от Соловьева, Тихомиров развертывает действие "фантазии" в строгом соответствии с Откровением, которое щедро цитируется автором. Любопытна следующая деталь: у Тихомирова начисто отсутствует протестантизм как противник Антихриста, более того об этом ответвлении христианства вообще нет упоминаний в тексте; у Соловьева же протестантизм в лице доктора Паули - активный противник "сверхчеловека". Зато в "Последних днях" присутствуют мусульмане, некоторые из которых борются с Антихристом, о чем у Соловьева нет ни слова. Тихомиров более тщательно прописывает еврейскую тему, чем Соловьев, хотя ее трактовка у обоих мыслителей почти одинакова. Наконец, самое важное - у Соловьева отсутствует Страшный Суд, все мертвые в "Повести..." воскресают и воцаряются с Христом на тысячу лет, здесь явственно звучит отголосок так и не преодоленного до конца соловьевского хилиазма. Тихомиров же заканчивает свой труд вполне в духе православной ортодоксии.

Печатается впервые по рукописи: ГА РФ, ф. 634, оп 1, ед. хр. 58.

- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX

- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- XVI
- XVII
- XVIII
- XIX
- XX
- XXI
- XXII
- XXIII
- XXIV
- XXV
- XXVI
- XXVII
- XXVIII
- XXIX
- XXX
- XXXI
- XXXII
- XXXIII

I

Посвящается Е. Д. Т [1].

Еще одно, последнее сказанье

- И летопись окончена моя.. [2].

Начата 18 ноября 1919 г. ст. стиля.

Кончена 28 января 1920 г. ст. стиля.

Переписана 15 марта 1920 г. ст. стиля.

Великий человек сидел неподвижно, погруженный в глубокую задумчивость, которую можно было бы принять за сон, если бы на лице его не запечатлевалось выражение такой напряженной энергии. Все было тихо в этот полуночный час. Роскошный кабинет утопал в полумраке желтоватого света электрических звездочек, обрисовывающих на высоком потолке таинственные очертания небывалых созвездий. Тишину нарушало лишь мерное цоканье часов с огромным фосфорически светящимся циферблатом да тихо звенящая однообразная мелодия, льющаяся звуковыми волнами с созвездий потолка. Это была "музыка сфер", недавно налаженная Великим магом, под усыпляющие звуки которой Великий человек любил погружаться в ночное размышление или полудремоту. Настоящего сна он совсем не знал, и размышление сливалось у него с мистической дремотой в одно состояние своеобразного покоя.

В отдаленном углу кабинета слабо отсвечивал золотой алтарь пред статуей Владыки Будущего, а на алтаре, как клубы болотного тумана, волновалась фигура неясных очертаний. Великий человек обратился к ней:

- Зерефер, позови Мага.

Фигура расплылась с алтаря широкими клубами, и через минуту вошел человек, высокий и крепкий с незабываемой наружностью. Он был весь обросши волосами. Густая борода окутывала лицо. Глаза светились кошачьим блеском из глубоких впадин, прикрытых густыми занавесками бровей. Нервная сила сочилась из каждой жилки властного лица. Чувственные губы сжимались в энергические складки. Но широкая шелковая хламида не могла скрыть отвисающего брюшка, а высокий колпак с золотыми фигурами едва маскировал плешь, явно захватывающую голову. Из-под хламиды выдавались огромные стопы ног, а кисти рук с толстыми пальцами и грубыми ногтями напоминали скорее лапу животного. Природа зверя своеобразно сочеталась в волшебнике с чертами человеческой нервной энергии, в противоположность с крепкой и мускулистой, но костистой и сухощавой фигурой его повелителя.

- Да хранит тебя Владыка Будущего, - произнес он приближаясь. - Какая забота прервала твой покой, Великий Устроитель?

- Разве у меня могло быть когда-нибудь больше заботы чем теперь?

- Не понимаю тебя. Разве ты не побил всех врагов? Нет на Земном Шаре никого могущественнее тебя. На тебя смотрят с надеждой взоры всего человечества. Ты - Председатель всемирного Союза держав. Даже церковь именуемого Христа покинула его учение. Если не исчезла еще секта фанатиков, называющих себя филадельфийцами [3], то что значит эта горсть непокорных, укрывающихся в своем подполье от света прогресса, направляемого тобой? Что же может беспокоивать тебя на вершине силы и славы?

Великий устроитель оставался однако задумчив.

- Не впадай, друг Аполлоний, в беспечный оптимизм. Даже и на Земном Шаре не все обстоит благополучно. Я признаюсь, нередко задумываюсь по поводу центрального еврейства, Кол Изроель Хаберим [4]. Вновь они воображали, что я буду их покорной креатурой, и теперь считают меня изменником... Глупцы! Кол Изроель Хаберим хочет земного господства евреев и не знает ничего выше. Я и сам еврей, но иду бесконечно дальше. Я хочу господства во вселенной! Я - бог, а они воображают, что я их слуга. И от них всегда можно ждать коварного удара. Они могут и масонов напустить на меня. Об этом нельзя забывать... Но я думал теперь не о них, а о той борьбе, которую веду против Бога... Ты, Аполлоний, мой лучший друг, но кажется и ты не умеешь подняться на высоту событий. Не было на свете мага сильнее тебя, никто не распорядился столь могущественными силами природы. Но ты слишком материален, слишком полон животного элемента. Ты не поднимаешься выше астрального плана, и только поэтому успокаиваешь себя мыслью о нашем могуществе. Но если бы ты, как я, поднялся до плана духовного, твое настроение очень бы изменилось, и не так спокойно ты бы наслаждался благами земными... Слушай же, друг и товарищ. Тебе нужно это знать, потому что ты должен развить всю свою силу в этот критический момент нашей борьбы.

- Критический?!

- Да, критический. Мы сделали многое, многое победили и кажемся завоевателями мира. Но все наше величие может рассыпаться гораздо скорее, чем было создано... не столько нами, как Владыкой Будущего - Люцифером, его тысячелетней могучей борьбой против Бога. Мы по наружности как будто достигли кое-чего, но эти уступки, сильно раздражая врага, нисколько не сокрушили его силы. Подумай же: если он теперь, выйдя из беспечности, двинется на нас, чем отразим мы его натиск. Земное усовершенствованное оружие не действует на ангелов; они

выше и твоих астральных сил. Ведь могущество Христа огромно. Вспомни, какими разгромами уже два раза заканчивалась борьба Люцифера против него. Теперь перед нами третий и решительный момент. Или мы возьмем все, или враг приведет нас в бессильное ничто, как хвалился Иоанн в своем Апокалипсисе. Нам нужно собрать все силы, но силы действительные, с которыми мы могли бы произвести наступление на духовный мир, составляющий опору владычества Христа. Мы владеем землей. Жалкое владение, которое у нас всегда может вырвать тот, кто владеет Небесами, высшим миром духов. Из этого мира истекают все силы, которыми живет и движется мир материальный и астральный. Стоит пошевелить силы духовного мира - и затрясется весь здешний мир, самые законы его способны измениться, если к этому поведет игра высших духовных сил. Бог победил Люцифера только потому, что овладел высшим духовным миром, из которого Люцифер неосторожно вывел свои легионы. Сам по себе Люцифер сильнее Бога, но занял в борьбе невыгодное положение, ставши вне источника мировой силы. Он слишком понадеялся на себя, и за это наказан. Второй раз, придя на землю, Христос победил также потому, что вследствие связи с Богом имел опору в обладании Небом. Но прошлые ошибки поняты Люцифером. Теперь задача состоит в том, чтобы овладеть Небом, вытеснить из него Бога и Христа, стать на их место. Понял ли ты? И в этой задаче мы, люди, имеем огромное значение, потому что высший духовный мир образуется из наших же высших душ. Небо влияет на нас, но и мы на него. Вот почему Бог старается держать нас в своих руках. Вот высшая тайна мирового бытия. Люцифер тоже сознает это, и сам говорит, что нуждается в нас, в нашей психической силе. Мы теперь должны воспользоваться нашими годами, оставшимися до решительного столкновения, чтобы сосредоточить в помощь Люциферу все духовные силы человечества. Об ангелах позаботится он сам. Мы должны приготовить людей. Так видишь ли, дорогой Аполлоний, что нам теперь не до беспечного покоя.

- Антиох, прости, я все-таки не понимаю... Но разве не все человечество в наших руках? Разве все его порывы, все душевные силы, не направлены уже против Бога, против его власти? Разве люди не прославляют под различными именами Люцифера, который только из скромности называет себя Владыкой Будущего, а в действительности уже стал Владыкой Настоящего... Смотри и слушай...

Он сделал руками несколько магических пассов и перед взорами Антиоха открылась обширная зала восстановленного храма тамплиеров [5]. Клирики и рыцари Ордена окружали статую Баффомета [6], воспевая ему хвалебные гимны. Потом вся толпа с яростными проклятиями опрокинула на землю Крест и начала оплевывать и топтать ногами... Еще несколько магических пассов, и перед Антиохом запестрели сцены верной мессы, в которых еще страшнее разворачивались поругания Христа и преклонения перед Мессиром Леонардом Средних Веков [7], теперь уже прославляемым под своим действительным именем Люцифера. Аполлоний махнул рукой, и все исчезло. Кабинет Великого человека погрузился в прежний полусвет и глубокую тишину.

- Ну что же, Антиох, хочешь, чтобы я вызвал здесь еще сотни картин, которые происходят в этот час по углам всей земли? Их смысл один: везде отречение от Христа, везде слава и любовь отданы Владыке Будущего. Чего ты еще хочешь?

- Аполлоний, ты понимаешь, что все это я хорошо знаю. Но я знаю и вижу также, как ничтожны и бессильны души этих беснующихся наших сторонников. Ты можешь видеть в астральном спектре их душевных полос, что вовсе не могущество обнаруживают их цвета. Духовный же взор, если бы ты был к нему более способен, показал бы тебе еще яснее, что такие души бессильны подействовать на существа ангельские. Целые мириады их не способны сравниться с одной душой, богатой духом. Их психические воздействия также отскакивают от щитов ангельских, как горсть гороха от громадной скалы. А среди сотен миллионов завоеванных нами людей где же души сильных духом, способных потрясти ангела? Можно ли

насчитывать их хоть десятками? Их нужно искать не у нас, а у этих безумных филадельфийцев. Фанатики разгромлены явно, они прячутся в подполье, но они захватывают к себе все сильные души, способные потягаться с ангелами... И не с нами же они пойдут в момент решительного столкновения! ..

- Так ты хочешь перевести эти души в наши ряды?

- Непременно. Без этого мы рискуем снова потерпеть поражение.

- Но ведь это одна мечта. Ты знаешь, что они все тянутся ко Христу. Я не знаю, что их к нему притягивает, отчего они не хотят Люцифера, но они не желают оторваться от Христа, и не понимаю, как их можно к этому понудить.

- И однако это нужно сделать. Я не говорю - всех, но возможно большее число. И ты, великий маг, распорядитель астральных сил, знаток всего соблазнительного, механик гипноза, - ты должен решить эту задачу. Дух вообще способен страстно привязываться к материи и подчиняться ей. Значит есть способы понудить его к этому. Достиг же такого успеха у Адама и Евы Люцифер...

Маг задумался и лицо его понемногу прояснилось.

- Да, конечно, средства есть. Не всегда они подействуют, но часто можно рассчитывать на успех. Даже простой страх мучения уже составляет кое-что, а соблазн чувственности еще больше, а соблазн гордости еще сильнее. Тут главное - отвлечь чувство от любви к Распятому, возбудить сомнение в его любви, в его желании или способности поддержать человека. А раз поколебавшись, душа уже начнет тянуться к Люциферу, может пожелать отдать свою силу на помощь ему... Да, ты прав, как всегда.

- Это мысль не меня одного. Люцифер ее вполне одобрил.

"Хорошо, - сказал развеселившийся Аполлоний, - примемся за работу. Только ты должен посерьезнее потревожить филадельфийцев. Их нужно извлекать из убежищ и отдавать в мои психические лаборатории. Я думаю прибегнуть к сильнейшим средствам гипноза и уж на этой почве располагать другие воздействия. Пускай же в ход свою полицию, а я примусь за переделку душевных настроений. Нужно много опытов... Но пригодятся, конечно, и мои эликсиры и астральные духи. А пока, стало быть, - прощай. Ведь я -не ты и люблю поспать".

- погоди, - остановил его Антиох. - Ты помнишь Лидию?

- Сорбонскую? Как же. Замечательно хороша была. Она-таки шевельнула когда-то мое сердце. Да уж очень большая недотрога! Не люблю таких.

- Шевельнула сердце! Я был одно время влюблен, как мальчишка. Это душа драгоценной силы. Она чуть было не поколебала моей решимости начать борьбу против Христа. Но я оказался сильнее ее, хотя не мог и ее увлечь за собой. Не знаю, оказался ли Валентин счастливее меня... Помнишь Валентина? Помнишь нашу сорбонскую компанию? Куда девался Валентин, тогдашний друг мой? А Яни Клефт так и остался моим верноподданным. Ах, какие мы дети были, о каком акварельном счастье помышляли!.. Не смешно ли сказать, что нынешний претендент на Царство вселенной мечтал когда-то о голубых глазках девчонки?.. Впрочем, дело не в том. Я только подумал, что не мешало бы привлечь Лидию. Таких сильных душ немного, и их нельзя упускать. Я постараюсь ее разыскать, а ты приложи старания ее обработать. Ну можешь идти в свою постель. Прощай!

Посвящение адресовано Екатерине Дмитриевне Тихомировой (урожденной Сергеевой), верной жене и помощнице Льва Александровича, матери его четверых детей ^

А.С.Пушкин "Борис Годунов". Слова летописца Пимена ("Ночь. Келья в Чудовом монастыре") ^
Т.е. члены Филадельфийской Церкви, о которой Тихомиров подробнее писал в "Апокалипсическом учении"... ^

В переводе с иврита - "Все евреи - братья". Еврейское название Всемирного союза Израэлитов (см. прим. 14) ^

Тамплиеры, или храмовники, духовно-рыцарский орден, основанный в XII в. и получивший свое название от имени принадлежавшего им замка Тампль в Иерусалиме, расположенного возле места, где, по преданию, находился храм Соломона. В начале XIV в. против тамплиеров возбудил инквизиционный процесс французский король Филлип IV Красивый. Они были обвинены в отрицании Христа, идолопоклонстве, содомии и т.д. В мае 1310 г. магистра ордена Жака де Моле и нескольких других рыцарей сожгли на костре в Париже. В 1312 г. в силу буллы папы Климента V тамплиеры были объявлены еретиками. Многие тайные общества (в том числе и масоны) настаивали на том, что ведут свою родословную от тамплиеров ^

Баффомет (или Бафомет) - идол в виде головы, которому якобы поклонялись тамплиеры. Баффомет в их представлении являлся богом, который дает все земные блага (См.: Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории". С. 415-416) ^

Мессир Леонард - имя сатаны на ведьминских шабашах ^

II

Яркое солнце первого летнего месяца освещало оживленную картину Иерусалима, по улицам которого веселые толпы двигались со всех сторон к центральной площади. Там предстояло великое торжество. До сих пор она именовалась площадью Христа Спасителя. Указом Совета Великого Устроителя она переименовывалась в площадь Люцифера Благодетеля. Предстояло торжество этого посвящения со всенародным молебствованием Люциферу, Подателю света и дождя, и произрастания плодов земных.

Толпы шли весело, напоминая собой древнеязыческие празднества. Всюду раздавались гимны в честь благодетельного Духа. Женщины, увешанные гирляндами цветов, шли, обнимаясь с мужчинами. Большинство тех и других были очень навеселе, а то и совсем пьяны. Но попадались также лица мрачные, со страхом и негодованием смотрящие на то, что происходило вокруг.

В стороне от толпы шли двое статных мужчин, задумчиво наблюдавших народное веселье.

- Ну вот, наш Антиох раскрывает свои карты, - произнес один, красавец с выразительным, интеллигентным лицом. - Начинается форменное обожание Сатаны. Что скажешь на возрождение сатанинской мистики, дружище Эдуард, бывший рационалист, противник христианской мистики?

- Не коли мне глаза, Валентин, этим несчастным рационализмом. Мне стыдно подумать, что я поддерживал глупцов, воображавших работать на тожество разума, тогда как они работали только на Антихриста. Уже не первый день раскрылись мои глаза, да простит мне Господь былую измену. Но как хохотал бы я в Сорбонне, если бы мне сказали, что я слушаю лекцию на одной скамье с Антихристом.

Эдуард Осборн, крепкий мужчина, с энергичным лицом своей англосаксонской расы, и русский, Валентин Стожаров, были товарищами по Парижскому университету. Теперь Стожаров был врач-практик, Осборн, недавно приехавший в Иерусалим, состоял восточным

корреспондентом Лондонской газеты.

- Да, - произнес Валентин, - жалкую историческую роль разыграл рационализм, отказавшийся видеть самую существенную сторону жизни. Но теперь об этом не стоит уже говорить. Мы ясно вступили в последнюю эпоху мира, и наш вопрос состоит только в том, чтобы удержать за Христом всех, кто еще способен к этому. Я потому и забросил былые помышления о профессуре, о науке. Уже не стоит этим заниматься... Но, - продолжал он, понижая голос. - Я еще не объяснил тебе, почему пригласил тебя на этот богохульный праздник. Там тебя ожидает нечто совсем необыкновенное... Помнишь, ты когда-то считал Апокалипсис старческим бредом? Но сегодня ты воочию увидишь двух пророков Апокалипсиса, Эноха и Илью христианского верования [1].

- Неужто ты говоришь о знаменитых бродячих проповедниках?

- Именно. Эти проповедники, уже встревожившие Антиоха, пришли в столицу... А они подлинные, Энох и Илья. Мне это сказал сам старец Иоанн. Ты уже слыхал о нем?

- Нет.

- Ну, ты знаешь старинное предание о бессмертии апостола Иоанна, друга Христова. Наш христианский народ убежден, что старец Иоанн никто иной, как он. Сам он ничего о себе не говорит. Но я верю народной молве, и когда ты с ним повидеешься - поверишь и ты. Это глубокий седовласый старик, величественного апостольского вида, полный жизни и непередаваемого спокойного вдохновения. Он любит рассказывать о Спасителе... Но дело не в том. Иоанн, Энох и Илья явятся на нечестивое празднество и, надо думать, порядочно испортят торжество Люцифера и нашего Великого Устроителя.

Он внезапно смолк, увидав белые плащи двух тамплиеров, подозрительно подходивших к ним. Тамплиеры составляли тогда гвардию Великого Устроителя и самую назойливую часть его полиции.

- Вы что же, граждане, так невеселы, - обратился к ним старший тамплиер. - Или во всем городе вы одни не радуетесь новой благодетельной эре, открытой дивным устроителем?

- Достопочтенный рыцарь, - скромно отвечал Осборн, - будьте снисходительны к провинциалам, еще многого не знающим в делах Великого Устроителя. Мы и на праздник пошли, чтобы просветиться... Ведь, конечно, новый покровитель народа - никто иной, как Баффомет вашего доблестного Ордена.

- Да, это одно и то же. Ныне он открывает свой рог изобилия прозревшему народу. Будьте же повеселее, приятели.

Оба хранителя порядка удалились, а Валентин с Эдуардом вмешались в толпу, чтобы скрыться от их взоров. Потом они опять отодвинулись к сторонке.

- Со свидетелями Христа будет и Лидия, - прошептал Валентин.

- Лидия? Лучицкая?

- Да она, с группой других христиан.

- Я думал, что вы давно муж и жена. Ведь ее отец, умирая, поручил тебе свою сироту.

- Мы любили и любим друг друга, и после смерти старика собирались венчаться. Но тут мы впервые встретились со старцем Иоанном. "Близок конец, - сказал он, - теперь не время думать о браках. Готовьтесь чистыми предстать Небесному Жениху". Лидия с радостью встретила эти слова. Она было вздумала утешать меня в отказе, но я и сам подумал: какие, действительно, браки в такое время! Мы с тех пор и живем, как брат с сестрой, иногда вместе, иногда порознь. Я, конечно, забочусь о ней и охраняю ее, как могу.

Между тем толпа вынесла их на площадь, залитую океаном народа и роскошно декорированную. Посредине высилась огромная статуя Люцифера, изображенного могучим крылатым ангелом, но в противность христианской символике с большой бородой и с грозным выражением лица. В высоко поднятой руке он держал рог изобилия, из которого сыпались снопы пшеницы, гроздья винограда и плоды. С нескольких эстрад, расставленных по площади, жрецы нового культа - из клириков так называемой Универсальной церкви - произносили проповеди. Эдуард с Валентином протиснулись к одному. Проповедник, в христианском облачении, усеянном, вместо христианских символов, какими-то кабалистическими знаками [2], возвещал народу новую эру благоденствия. Он говорил, что доселе народ отдавал себя в руки Бога, который держал его впроголодь, объявлял грехом все наслаждения плоти, требовал постов и целомудрия. Все, к чему тянет натура, подавлялось как будто бы грех. Теперь кончается время обмана. Люцифер разрешает все, что заложено в природе человека. Пусть каждый ест, пьет, наслаждается роскошью и красотой, любит каждую женщину, которая ему понравится. Чем больше дни человека будут полны наслаждений, тем приятнее благодетельному Люциферу.

Громкая, страстная речь жреца прерывалась восторженными криками толпы: "Слава Люциферу, долой обман, да здравствуют радости жизни!" Но настоящее торжество еще не начиналось: ждали прибытия Великого Устроителя, который почему-то замедлил. Вдруг Валентин шепнул Эдуарду: "Смотри, смотри, вон идут пророки".

На краю площади в толпу врезывалась небольшая группа мужчин и женщин. Впереди шли два старика. Их величественная осанка и грубые власяницы выделяли их из разряженной толпы. Среди сопровождающих их христиан бросалась в глаза своим прекрасным вдохновенным лицом молодая женщина... "Лидия, - прошептал Осборн, - как она изменилась". Это была уже не прелесть жизнерадостной девочки, а созревшая, окрепшая красота святой мученицы.

"Присоединимся к ним", - сказал Валентин, но это было невозможно. Толпа, двигавшаяся туда же, слишком сгустилась. Она разрывала даже христиан, окружавших пророков. Толпа расступалась только перед самими пророками, которые подошли к одной из эстрад.

"Сойди, дай место, служитель сатаны", - сказал Илья властным голосом, и жрец невольно повиновался. Оба пророка взошли почти одни. Большая часть их спутников были оттерты. Затиснутой в толпе оказалась и Лидия. Вся площадь смолкла, все глаза устремились на странных пришельцев, молва о которых давно уже распространилась повсюду. И вот они заговорили, сменяя и дополняя друг друга отдельными замечаниями.

Эта речь звучала грозным обличением. Она напоминала бесчисленные благодеяния, полученные людьми от Бога, которому они теперь изменяют, разоблачала обман Сатаны, который приманивал людей чечевичной похлебкой чувственных наслаждений, чтобы лишить их вечного блаженства; напоминала бесконечную любовь Бога и самопожертвование Христа; напоминала, наконец, безграничное могущество Божие, перед которым - ничто все силы его врага. Толпа слушала сначала как зачарованная, и рассеянные среди нее христиане запели было восторженно: "Слава в вышних Богу". Но немногочисленными были эти голоса, и на словах "Хвалим Тя, благословим Тя", - все было заглушено громким ревом ополчившихся

поклонников Сатаны - "Слава Люциферу", "Долой обманщиков", "Долой несуществующее блаженство", "Да живут радости земли". Жрецы первые подали пример толпе, которая грозно надвинулась на эстраду. Раздались крики: "Долой лжепророков, бей их, тащи с эстрады!". Но какая-то невидимая сила не допускала никого перейти от слов к делу, и когда Илья поднял руку, смолкли и крики. Слова пророка грозно прозвучали на всю площадь:

"Безумные люди, вы забываете Божью любовь, вы уважаете только силу, вы прославляете своего Люцифера, воображая получить от него земные благодеяния. Силой Господа, нам данную, мы покажем вам, что и земные блага зависят не от Сатаны. Не дадим вам ни капли дождя в это лето, и да истребятся засухой ваши жатвы и гроздья виноградные и все плоды земные".

Но тут снова раздались крики рассвирепевшего народа: "Проклятые колдуны, они хотят заморить нас голодом, бей их!". С удесятеренной яростью толпы бросились на эстраду, но какой-то удушающий жар встретил их, и по всей площади целые ряды нападавших посыпались задыхающимися. Шум ужаса охватил место предполагавшегося праздника. Народ бежал во все стороны, давя друг друга, и среди этого хаоса медленно удалились пророки, перед которыми все со страхом расступались.

Общая сумятица разлучила Валентина и Эдуарда. Бегущие толпы увлекли их в разные стороны. Валентин осматривался, куда девалась Лидия, но ее нигде не было видно. А между тем ее ждала большая беда.

На другом конце площади густая толпа бегущих обволокла и увлекла за собой молодцеватого тамплиера, который с проклятиями старался вырваться из нее. "Гнусные, трусливые собаки, - кричал он, - ведь как улепетывают, противно и смотреть на их искаженные рожи!" Кое-как ему удалось вырваться, и он пошел по тихому переулку, расправляя измятые руки и ноги и размышляя о происшествии дня. "Нельзя не сознаться, - бормотал он, - что это могучие чародеи. И откуда они взялись? Я сам почувствовал удар словно электрической искры, и удушие сдавило мне горло, когда этот колдун махнул в мою сторону"... Вдруг он остановился и стал присматриваться. На другой стороне переулка тихо подвигалась какая-то знакомая фигура.

- Лидия... М-ше [3] Лучицкая! Неужели это Вы! Какая неожиданная встреча. Вы тоже попали в переделку этого проклятого дня?

Она сначала всматривалась с недоумением.

- Ах, это Вы, Яни Клефт. Давно же я Вас не видела... и что же: Вы оказались тамплиером... Неужели и наш добрый, рыцарский Яни изменил Христу?

- А Вы, прекрасная Лидия Васильевна, все остаетесь упорной христианкой?.. Пора бы уж бросить эту археологию... Но знаете, эта встреча вознаграждает меня за все безобразия дня. Ведь я получил личное приказание Великого Устроителя отыскать Вас. Вам должно польститься, что он Вас помнит. Где же Вы живете?

Лидия смутилась и молчала. Он усмехнулся.

- Понимаю. Вероятно, где-нибудь в тайном убежище... И охота Вам путаться с этими людьми! Ну, да мне все равно, я не сыщик. Но если я не могу узнать Вашего адреса, то я должен просить Вас пройти со мной к Великому Устроителю.

Она вспыхнула.

- Я не пойду к нему...

Она мотнулась в сторону. Он в два прыжка догнал ее.

- Простите, но ведь я обязан исполнить приказание, хотя бы даже силой... Да я и не понимаю Вашего отказа. Уж, конечно, он не замышляет никакого зла. Иначе он бы не поручил мне, а приказал бы полиции. Если он выбрал меня, старого друга дома, то значит хочет действовать по-дружески... Я не знаю... Может быть, какая-нибудь просьба, какое-нибудь выгодное для Вас предложение. Мне кажется. Вам нечего бояться".

Приходилось покориться. Напрасно осматривалась она всю дорогу, нет ли где какой помощи, и через несколько времени они стояли перед дверями роскошного Великого Устроителя.

Энох (Енох) и Илья (Илия) - библейские пророки, живыми взятые на небо. Перед концом света они должны явиться на землю и возвестить его ^

Каббала (др. евр. - предание) - мистическое учение и практика в иудаизме. Была создана в результате соединения еврейской религиозной мысли и вавилоно-персидской магии. Каббалисты, в частности, разгадывали мистический смысл букв и библейских имен. Тихомиров подробно пишет о Каббале в "Религиозно-философских основах истории" (гл. XXV-XXVIII) ^
Сокращение от фр. mademoiselle - мадмуазель, барышня ^

III

Прошло несколько месяцев, а Лидия как в воду канула. В смертельном беспокойстве разыскивал ее Валентин, но тщетно. Ни в одном убежище он не мог найти о ней сведений и узнавал только там и сям, что исчезла не она одна, а многие другие. Что значат эти таинственные исчезновения, никто не мог понять. Христиан и раньше во множестве арестовывали, сажали в тюрьмы, казнили, но это делалось явно, даже со стараний, чтобы преследования были общеизвестны и производили устрашающее впечатление. Теперь же люди исчезали тайно.

Общее недоумение христиан еще более возросло, когда некоторые из пропавших стали обратно появляться на свет... но в каком виде! Их нельзя было угнать. Они оказывались ревностными приверженцами Антиоха, поклонниками Люцифера и отрицателями христианства. Они либо сторонились прежних друзей, либо пытались и их увлечь на путь ренегатства. Было также ясно, что они или другие из исчезнувших открыли врагам много христианских тайн, так как убежища, прежде недоступные полиции, оказывались разоблаченными. В них являлись с обысками, многих скрывавшихся арестовали, засадили в тюрьмы, предали суду. Христианам пришлось переменять убежища, упразднить прежние, заводить новые. Но напрасны были старания выпытать что-нибудь у ренегатов, где они были, что с ними делалось, или узнать что-либо об участи других пропавших без вести. Они хранили обо всем этом строгое молчание.

"Но неужто ни у кого из них не сохранилось ни искры совести и сердечного воспоминания о недавних верованиях? - размышлял Валентин. - Ведь это похоже на какое-то околдование". И ему пришло в голову попытать счастья через одного старого священника, давно принужденного скрываться в убежище.

Этого старика усердно разыскивала полиция по обвинению в дерзком порицании Великого Устроителя и в разжигании христианского фанатизма. Он именно доказывал на основании Апокалипсиса, что Антиох - либо сам Антихрист, либо его непосредственный предтеча, и что он со всеми своими затеями неминуемо погибнет, вместе с Люцифером, и со всеми своими

сторонниками, при близком уже явлении Христа. Об Апокалипсисе в то время много толковали, и все - даже не христиане - не отрицали уже пророческой прозорливости апостола Иоанна. Но мнения резко расходились в отношении конечных событий Апокалипсиса. Отпавшие от Христа утверждали, что в изображении их прозорливость изменяла Иоанну и что он, предрекая победу Христа и наступление вездесущего царства Божьего, писал уже не по духу пророческому, а по христианской "партийности". Христиане же принимали ход грядущего буквально по Апокалипсису. Но это колебало доверие к прочности существующей власти и к правильности правительственной политики. Мятежного священника поэтому повсюду разыскивали.

У него была любимая духовная дочь, молоденькая Агния, недалекая, но добрая, чистая душа, горячо привязанная к своему наставнику. Теперь Агния оказалась в числе исчезнувших и потом снова появившихся, рьяной ренегаткой, так что даже на глаза не показалась бывшему духовному руководителю. И однако он продолжал спокойно оставаться в своем прежнем убежище. Очевидно, Агния изменила всему другому, но не привязанности к нему, и не выдала его врагам. Валентину пришло на мысль, что через этого священника можно от нее узнать о судьбе Лидии, тем более, что Агния и к Лидии относилась с горячей любовью младшей сестры, представляя ее идеалом всех совершенств.

Не легко было заманить Агнию куда-нибудь для объяснений. Но тут помогла сестра Осборна. Она пригласила Агнию к себе, интересуясь будто культом Люцифера. А между тем в соседней комнате сели в засаду бывший духовник отступницы и Валентин. Когда Агния начала свои объяснения, восхваляя Люцифера, старик внезапно вошел весь в слезах и тяжело опустился в кресло возле изменившей духовной дочери, а Валентин стал у дверей, чтобы помешать ей выскочить. Агния остолбенела, а священник причитал: "Бедная, любимая моя дочка, за что ты себя погубила, каким чародейством нечестивцы оковали твою душу..."

Он плакал, как ребенок, и упал на колени перед образом с громкими призывами милосердия Божия к изменнице и к нему, не сумевшему сохранить от гибели ее бедную душу. Агния слушала и чувствовала, будто туман рассеивается в ее голове. Воспоминания прошлого воскресали в ней, и она сама зарыдала, когда Валентин начал с негодованием упрекать ее за то, что она осмеливается говорить о якобы религии насильников, похитителей женщин:

"Где моя бедная Лидия, - воскликнул он, - что сделали с этой несчастной служители Вашей Сатанинской религии, куда они ее задевали?!"

Напоминание о Лидии окончательно сломило Агнию. Она бросилась на колени перед священником, умоляя спасти ее и спрятать от ужасных колдунов, погубивших ее душу. Тут началась долгая, довольно бестолковая исповедь наивной девочки, плохо сознававшей, что происходило в руках "колдунов". Но Валентин, хорошо изучавший гипнотизм, без труда понял, в чем было дело. Агнию подвергали сильному гипнотизированию, во время которого внушали ей отвращение ко Христу и любовь к Люциферу, и довольно скоро добились успеха. Но при этом, очевидно, убедились, что она - простая пассивная сомнамбула, и отпустили, не вводя в курс дальнейших воздействий, а довольствуясь ею как заурядной прозелиткой. "Значит им нужны активные психические силы, - размышлял Валентин, - но для чего?" Из объяснений Агнии он не мог догадаться.

"Но где же Лидия, - допытывался он, - там ли она, и что с ней делают?"

Об этом она знала очень мало. Она видела Лидию, но не говорила с ней, а потом Лидию перевели в какие-то другие помещения. "И все это делается во дворце Великого Устроителя?" Агния в истерических рыданиях отвечала, что совсем не была во дворце, и в глаза не видела

Великого Устроителя, а была она у "Вавилонской блудницы". Тут Валентин невольно вздрогнул. "Вавилонской блудницей" христиане называли своего рода господствующую церковь того времени. О происходившем с ней разврате, о разных волхованиях, о поклонении злему духу - среди них ходили самые страшные слухи. Валентин в общем знал эту церковь, официально называемую "Универсальной", организованную Великим Магом Аполлоном на развалинах Римской церкви; он знал, что она посвящена культу Люцифера и что нет мерзости, которой в ней нельзя было бы найти. Она же была инквизиционным учреждением, и множество христиан погибали в ее тюрьмах, особенно в Риме. Так вот в какой вертеп попала злополучная Лидия.

Эта Универсальная церковь, связанная с Орденом тамплиеров, в Иерусалиме имела свой приход в Тампле.

Разумеется Агнию немедленно скрыли в надежное убежище, где она с утра до ночи молилась, выпрашивая у Бога прощение своей измены. Но как разыскать и спасти Лидию? Агния знала только, что ее держат в Тампле, и никуда оттуда не увозили, так как распорядитель "колдовства", Аполлоний, еще недавно упоминал о Лидии своим подчиненным. Но о помещениях Тампля, кроме своей комнаты, Агния ничего не знала.

Валентин всячески ломал себе голову, придумывая, как же разыскать Лидию? Приходило ему на мысль, нельзя ли что-нибудь сделать через Яни Клефта, тамплиера, по слухам, близкого к Великому Устроителю?

"Ведь он старый сорбонский товарищ, друг семьи Лучицких... Положим и сам Антиох, мой бывший приятель, у них был дружески принят, да и сам Аполлоний бывал... Но об Антиохе теперь нечего и думать, а Аполлоний - грязная животная натура. Спокойнее было бы, если бы он никогда в глаза не видал Лидию. Но Клефт - не то. Это было сердце благородное, честное. Вряд ли Антиох мог его совсем испортить. Он, конечно, ничего не знает о Лидии, но при своем положении, разумеется, может узнать, если захочет". Мысль обратиться к Яни Клефту все чаще возвращалась к нему. Но он решил, что лучше сначала посоветоваться с епископом Августином, которого очень любил и уважал. "Ум хорошо, а два лучше. Всякий ошибочный шаг друзей, в положении Лидии, может сделаться для нее роковым".

IV

Удивительны судьбы человеческих отношений! Еще, казалось бы, недавно, какой-нибудь десяток лет назад, эта самая Лидия Лучицкая, над страшной участью которой раздумывал Валентин, составляла центр, около которого дружески единились люди, теперь разбившиеся по непримиримо враждебным лагерям. Это было в Париже. Хотя Франция тогда политически очень поблекла, Париж играл в мире роль древних Афин, и привлекал в свои высшие школы молодежь со всего света. Привлек он и русскую семью Лучицких, состоявшую из вдового отца и молоденькой дочери Лидии, которая училась в знаменитой Парижской консерватории. Сам Лучицкий, бывший профессор, был еще свежий старик, радушный, любящий молодежь. Лидия очаровывала всех, кто ее встречал. Живая, умная, талантливая, она сразу привлекала одухотворенной прелестью лица. Особенно поражали ее голубые глаза, глубокие, как море. Еще почти подросток, она своей самостоятельностью умела подчинять себе людей гораздо старше. Молодежь кучей теснилась в доме Лучицких, вечера которых прославились изящной оживленностью. Но Лидию и тогда охватывало религиозное настроение, и она тогда исчезала для общества, проводя целые дни в церкви или на молитве в запертой на ключ комнате, и этого никто не смел найти "странным". Среди молодых гостей Лучицких особенно выдавались Валентин Стожаров, студент-медик, которого прочили в звезды ученого мира, Антиох Масон, Аполлоний Загрос и Эдуард Осборн, англичанин, усердно работавший над социальными

вопросами. Антиох Масон, американский еврей, темного происхождения, поражал блестящими способностями и энергией. Он углублялся во все науки и между прочим серьезно изучал Каббалу и оккультизм. Поразительна была его почти таинственная способность влиять на людей. При безграничном честолюбии, он казался природным вожаком народных масс. Аполлоний - восточный человек, не то сириец, не то перс [1], состоял на естественном факультете, но весь ушел в оккультизм и теософию [2], и по окончании курса много ездил по Востоку, изучая таинства каббалистов, дервишей, факиров и йогов. Он был ближайший друг Антиоха. Общим любимцем компании был тогда Яни Клефт, албанец, не всегда склонный к наукам, но привлекавший к себе молодецеством, веселостью и благородным характером. Молодые люди поголовно ухаживали за Лидией, но она умела не допускать соперничества до ссор, и в общем они составляли тесный дружеский кружок.

Куда девалось все это по окончании курса? Все разошлись, погружаясь в общественную жизнь той сложной эпохи, полной внутренней борьбы, разъединявшей и ближайших друзей. В ней крупнейшая историческая роль суждена была Антиоху Масону, истинному выразителю господствующего духа времени и заключительному звену человеческой истории. Он стоял во главе всех событий.

А эпоха была сложная, неповторимая, ликвидационная. По существу, человеческая психика, конечно, была такая же, как всегда, добро и зло боролись в сердцах. Как всегда, добро истекало от Бога и вело к Нему, как всегда, зло истекало от человеческого самоутверждения, отрывающего от Бога и потому связывающего с его врагом. Но теперь подводились итоги этой вековой борьбы, и в общем балансе оказывалось безмерное преобладание самоутверждения, дошедшего до узурпации Божественной власти. Получалось полное искажение реальности бытия, которая состоит в абсолютном преобладании Божественной власти, и понадобилось непосредственное вмешательство Божества для восстановления этой реальности. Но с ее восстановлением кончается и смысл старого мира, который был нужен именно для того, чтобы люди доходили до сознательного понимания - в чем истинная реальность бытия.

Эта ликвидационная эпоха, несмотря на необыкновенность замыслов своих, по существу не была творческой. Она лишь подводила итоги тысячелетней работы человеческого самоутверждения по всем областям жизни, всюду изгоняя Божественный закон и всюду поставляя высшим законом человеческое желание и рассуждение. Проявлялось это, конечно, в различных формах. Последние десятилетия перед началом нашего повествования представляли, в социально-политическом отношении, господство социализма, стремившегося отлиться в рамки строгого коммунизма [3]. Но удержаться на этой почве нигде не могли прочно, потому что в строгом коммунизме нет места свободе. Стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма. Производительные экономические силы таким образом подрывались со всех сторон. Коммунизм подавлял свободную инициативу, анархизм разрушал обязательный труд. Народы погружались в бедность и необеспеченность, непрерывно переходя от полукрепостного состояния к состоянию дикого произвола, в течение которого каждый, смотря по силе и удаче, захватывал себе кусок пожирнее так же легко, как вслед за тем терял его. Такая жизнь раздражала всех тем сильнее, что стремление к чувственным благам наполняло все сердца, составляло главное содержание человеческих пожеланий. Предания о старых временах могучего буржуазного производства, о богатстве и великолепной жизни, возбуждали лишь бесплодную зависть, потому что в обществе уже не было сил, способных воскресить дисциплину рабочего класса, потребную для буржуазного строя. Но настоящее положение, постоянно бедное, иногда доходящее до полной нищеты, возбуждало общее раздражение и порицание. Страшные гражданские войны, переходящие часто в международные, довершали

общее разорение. Утомленные и разочарованные народы готовы были отдаться кому угодно, лишь бы их вырвали из такой невыносимой жизни. На этой-то почве и выросла блестящая политическая карьера Антиоха Масона, который в цвете молодости успел достигнуть высшей в мире власти - Председателя Союза Народов, им же и организованного из десяти держав, разделявших тогда между собой Земной Шар.

Еще со школьной скамьи Антиох сделался франкмасоном и обратил на себя внимание центрального еврейского общества Кол Изроель Хаберим [4], работавшего на создание всемирного владычества израильского народа. Гениальные способности Антиоха рано возбудили в этом обществе мысль - выдвинуть его в свое время в качестве Мессии. Приняв его в свои члены и тайно управляя действиями франкмасонства, Коль Изроель Хаберим дал Антиоху всю свою могущественную поддержку, которую он умел всесторонне использовать. Он прославился как писатель, сделался всемирно известным руководителем рабочих организаций, получал министерские должности в разных государствах, играл крупнейшие дипломатические роли и несколько раз проявил выдающиеся военные дарования. Из старых школьных товарищей неизменным его другом и помощником постоянно являлся Аполлоний. Яни Клефт преклонялся перед талантами Антиоха и готов был все для него сделать, но оказался годен только на военном поприще в качестве блестящего партизана; роль крупного военачальника была уже не по нем. Антиох однако очень ценил его преданность и мужество.

При всемирной популярности в народных массах, огромных политических связях и поддержке всюду проникающего франкмасонства, направляемого Кол Изроель Хаберим, Антиох в немного лет создал себе своеобразное положение международного деятеля, более могущественного, чем короли и президенты республик, и успел объединить все державы в один Союз, Председателем которого он же и был выбран. Власть Председателя была так велика, что главы отдельных держав оказались вполне в его руках, и Антиох немедленно начал обширные преобразования во всем мире. В экономическом отношении он повсеместно сразу ввел новый строй, который, сохраняя принудительно государственный коммунизм и право безграничного государственного вмешательства, восстановил на правах срочного и бессрочного владения, частную собственность, частное производство и вольную торговлю. Это быстро оживило производство, обеспечило частные интересы и личную инициативу и привело к такому процветанию, которое, по сравнению со вчерашней нищетой, казалось волшебным. Весь мир признал Антиоха гением, и всенародное голосование во всех державах дало ему особый титул Великого Устроителя, с расширением власти Председателя Союза до размеров императорской. Своей столицей он избрал Иерусалим, в то время ставший крупнейшим центром мировой торговли.

Но эти государственные преобразования, за которые человечество славilo Антиоха, были в его собственных глазах лишь мелочью. Свое истинное величие и свое великое историческое дело он усматривал в совсем иной идее.

Она родилась у него в связи с умственной и религиозной эволюцией эпохи. Уже задолго до Антиоха эта эволюция характеризовалась падением как материализма, так и всех положительных религий. От христианства отшатнулись огромные массы. Против него были направлены вековые усилия франкмасонства, на него уже сыпались главные удары всех антирелигиозных направлений - материализма, рационализма, позитивизма, всех отрицателей мистического элемента. Но если христианство, да и другие религии, потерпели страшный подрыв, то и антимистические направления, совершив эту свою историческую миссию, стали быстро хиреть. Само развитие науки наносило удары материализму, который постепенно сделался достоянием лишь совсем малоразвитых людей. Мистицизм энергически воскресал, но уже на основах древнеязыческих, гностических и каббалистических, хранителем которых было само франкмасонство. К этому присоединились и влияния индуизма и буддизма. В

возрожденном мистицизме все сильнее проявлялся и сатанизм Средних веков. Как передовой человек, стоявший на всей высоте науки, Антиох был вполне проникнут этим антихристианским мистицизмом, который он переработал в особую систему. У него создалась религия человекобожия, в которой он сам занимал центральное место, а врагами, подлежащими низложению, являлись Христос и Бог христианский, понимаемые как реальные личности.

Внутренний упадок христианских церквей еще до Антиоха тянулся очень долго и замечался даже тогда, когда они, по старой памяти, еще сохраняли авторитет в народных массах, а правительства считали нужным с ними считаться, то покупая милостями, то пуская в ход строгости. В общем духе своем церкви разных исповеданий мало разнились, так что христиане, начавшие углубляться в пророчества Апокалипсиса, одинаково во всех исповеданиях усматривали признаки церквей "Сардийской", "Филадельфийской" и "Лаодикийской". Христиане мало-помалу стали сближаться и разделяться между собой не столько на основании обряда и формул догмата, как по своим духовно религиозным настроениям. Захирение христианского мира особенно отмечено рационалистическими веяниями Сардийской эпохи, о которой в Апокалипсисе сказано: "Ты носишь имя, будто жив, но уж мертво". Богословная наука развивалась, давая наружный вид религиозного процветания, но самая сущность веры - жизнь со Христом - забрасывалась. Сам Христос начал представляться не как Бог, живущий в людях и ведущий их в Царство Небесное, а как мудрый учитель добрых условий земной жизни. Мистическое побледнело, таинство превратилось в обряд, вера в философию. Но люди более горячие религиозно стали сближаться между собой на почве духовной жизни, и возникло то, что по апокалиптическому термину назвали - "Филадельфийской церковью". Духовенство и народ этого направления, не отделяясь от своих церквей, жили своей особой жизнью, и высшие иерархи казались какими-то сектантами. Однако на некоторое время Филадельфийская церковь сделалась официально господствующей, потому что во главе ее встали православные патриархи и папа Римский. Это был недолгий момент процветания христианства, и "филадельфийцы" скоро опять перешли в прежнее положение. Власти церковные относились к ним, как к живому укору себе. Власти гражданские не любили их за то, что они не хотели давать Кесарю того, что принадлежало Богу. Эволюция же Сардийской церкви вела к дальнейшему падению, закончившемуся эпохой "Лаодикийской", в которую явилось полное религиозное безразличие, и помышления пастырей сосредоточились на обладании земными благами.

Это было уже время расцвета политической карьеры Антиоха Масона. Вначале он продолжал прикармливать иерархов всех исповеданий, и с удовольствием наблюдал их нравственное растрепывание. Но его цели состояли в полном уничтожении христианства, и он наметил путь, на котором из самой церкви должно было вырасти орудие отрицания Христа и служения его врагу.

Он когда-то проходил тамплиерские степени франкмасонства, и задумал теперь восстановление Ордена Тамплиеров. Как в Средние века, Орден, бывший чем-то вроде викарной церкви Римского папы, превратился в церковь Баффомета-Сатанила [5], так, по мысли Антиоха, теперь христианская церковь в союзе с тамплиерством удобнее всего могла превратиться в церковь Люцифера. Тамплиерство при изменении некоторых пунктов устава, казалось Антиоху полезным потому, что исторически связывало церковь Баффомета с Римской Вселенской церковью, хотя и в виде еретической тайны. Если прежние папы подавили ересь, то нынешние могли ее санкционировать.

И вот, когда во время одной войны армия Антиоха занимала Рим, он нарочно создал разные ссоры с Папой и объявил его низложенным. Папа бежал и послушный Антиоху конклав избрал на его место Аполлония, заранее проведенного в епископы. Значительная часть римско-

католиков, между прочим и Орден иезуитов, остались верны прежнему Папе, который на соборе немногочисленных своих приверженцев объявил Аполлонию узурпатором и отлучил его от церкви. Это нимало не помешало Аполлонию повести дальнейший переворот в христианстве.

Он объявил, что Римская церковь, как вселенская, универсальная, должна включать в себя все верования вселенной, и что Орден тамплиеров, поддерживавшийся лучшими Папами, выражал в себе истинный дух веры и правильно предавал поруганию символы христианской нетерпимости. Огромный собор, созванный папой Аполлонием, подтвердил это и постановил, что Римско-Католическая церковь, освобожденная от нетерпимости, должна приступить к объединению всех исповеданий. Сообразно с этим в число ее епископов были поставлены, без принятия крещения, несколько ученых раввинов, мулл и буддийских жрецов. Орден тамплиеров был восстановлен, с некоторыми изменениями устава, с отменой обета безбрачия, объявлен защитником церкви и поставлен в высшее ведение Антиоха как объединителя человечества. Этот наглый переворот, смеявшийся над историческими фактами и логикой, был рассчитан на то, что множество номинальных христиан будут рады под каким угодно предлогом покинуть действительное христианство, а множество духовенства столь же рады восстановить свои доходы и почет под флагом каких угодно верований. Так и вышло.

Новая церковь, принявшая титул Универсальной (перевод слова "католическая"), начала религиозное объединение с воскресения гностических учений, с примесью каббалы и т.д., и без стеснений быстро заменяла культ Христа культом Люцифера, сохраняя лишь некоторое подобие христианских облачений. Епископы всех исповеданий, не подчинившиеся Универсальной церкви, были объявлены низложенными.

Эта церковь, названная у филадельфийцев "Вавилонской блудницей", получила огромные материальные средства, отнятые у православных и римо-католиков так же, как их храмы. Ее столицей остался древний Рим. Здесь в Ватикане жил псевдо-папа, помещалась Коллегия Кардиналов, которой была отдана вся действительная власть. Сам Аполлоний, по окончании преобразований, отказался от папского престола и получил должность Великого Мага при Председателе Союза Народов. В его ведение поступили все оккультные учреждения Иерусалима.

Что касается Ордена тамплиеров, ему было дано прежнее историческое местопребывание в Иерусалиме. Как и в древности он состоял из клириков и рыцарей. Тамплиерские таинства, тождественные с таинствами "Вавилонской блудницы", находились в ведении клириков. В них участвовали и рыцари, если получали надлежащее посвящение. Но вообще Антиох более всего думал из рыцарской части Ордена создать высшую политическую полицию, вроде бывшего русского корпуса жандармов, но в то же время хотел иметь из рыцарей свою лейб-гвардию. Эта двойственность отразилась на невыдержанности комплектования их. Часть рыцарей увлекалась таинствами Баффомета-Люцифера, часть охотно играла полицейскую роль, часть не хотела знать никаких таинств и стыдилась полицейской деятельности, мечтая быть истинно рыцарями, идеалом мужества и чести. Эта доля рыцарей очень заботилась о боевой репутации Ордена и в свободное время вела веселую и разгульную жизнь гвардейских офицеров. В общей сложности учреждение было лишено внутреннего единства. Но Антиох мало озабочивался этим, так как вообще находил, что чем меньше в учреждениях внутреннего единства, тем легче ему с ними управляться по своему усмотрению. Это была у него черта чистого деспота. Он хотел только своей личной власти, и верил только в свой ум.

Гроссмейстером Ордена состоял Лармений, послушный слуга Антиоха. В Иерусалиме был заново выстроен главный "Тампль", замок рыцарей, на окраине города, в роще, по преданию - той самой заколдованной роще, где некогда устрасился сам бестрепетный Танкред, на берегу

огромного пруда, получившего за свою величину название Тамплиерского Озера. Здесь помещались также обширные лаборатории и музеи, не уступавшие Римским, для производства магически-оккультных работ со всевозможными чародействами. Эти учреждения номинально принадлежали Универсальной церкви и подчиненным ей клирикам Ордена, но фактически были отданы во владение Аполлония. Как и в Риме, здесь широко шагнуло развитие гипнотизма и психического воздействия на людей, и предметы, и силы природы. В Тампле уже происходило поклонение Люциферу, сопровождаемое утонченными формами разврата. В Риме же при поклонении Люциферу практиковались даже человеческие жертвоприношения по друидскому ритуалу [6].

Обширны были и тюрьмы иерусалимского Тампля, хотя уступали римским. При Универсальной церкви была восстановлена инквизиция. Но в иерусалимском Тампле содержались главным образом узники по политическим делам, в римских же тюрьмах находили заживо могилу осужденные по делам вероисповедания.

Таково было состояние учреждений в то время, к которому относится начало повествуемых у нас событий.

У Соловьева Аполлоний - "человек несомненно гениальный, полуазиат и полуевропеец, католический епископ" (Соч. - Т. 2. М., 1990. С. 747) ^

Оккультизм (лат. *occultus* - тайный, сокровенный) - мистическое учение, в основе которого лежит представление о существовании сверхъестественных (оккультных) сил, с которыми можно вступать в общение при помощи магии. Теософия - мистическое богопознание. В 1875 г. в Америке было основано Теософское общество во главе с Е.П.Блаватской, чье учение представляло собой своеобразный "мистический буддизм" ^

Здесь и далее Тихомиров излагает тезисы своей работы "Социальные миражи современности" (1891) // Тихомиров Л. Демократия либеральная и социальная. - М., 1896 ^

"Кол Изроель Хаберим" - это собственно еврейское название Alliance Israilite Universel (Всемирный Союз Израэлитов (фр.) - первая современная международная еврейская организация, созданная в 1860 г. в Париже для оказания помощи евреям во всем мире). Я беру это название только как подходящее по смыслу, вовсе не желая сказать, чтобы упоминаемое в рассказе патриотическое общество было Alliance Israilite Universel ^

Имя Сатаны до его падения ^

Друиды - жрецы у кельтских народов в древней Галлии и Британии, совершавшие жертвоприношения (в том числе и человеческие) ^

V

Православный епископ Августин, родом русский, к которому направился Валентин, в это время скрывался. Его ненавидел Великий Устроитель особенно за деятельность по обращению евреев в христианство. Филадельфийская церковь, высокой духовной жизнью своих членов, их твердостью перед властью, самоотверженной помощью своим и чужим, - привлекала внимание лучшей части евреев, которых церковная жизнь была в сильном упадке. Епископ Августин, убежденный, что наступают времена спасения Израиля, был ревностным миссионером среди них. Тесная дружба связывала его с Барухом Хацкиелем, ученым и наиболее универсальным раввином, который давно работал над вопросом о мессианском значении Иисуса Христа. Он еще не принял открыто христианства, чтобы не оттолкнуть от себя единоплеменников, но поддерживал среди них проповедь епископа Августина, и огромное число евреев крестилось за последние годы. Это раздражало Великого Устроителя, который рассчитывал найти в еврействе сильную опору своих планов. Против Августина были выдвинуты обвинения в

фанатизме и сеянии раздоров среди различных исповеданий. Ему пришлось скрываться, но Валентин бывал у него.

"У меня теперь как раз гостит мой приятель, патер Викентий, - сказал он, - выслушав Валентина. Патер - иезуит, и с ним полезно посоветоваться. Юсуф, попроси к нам отца Викентия".

Юсуф был христианский юноша, постоянно служивший епископу. Его отец, Иван, был русский, переселившийся в Палестину, а мать, Мария, - арабка, оба ревностные христиане. На их хуторе, неподалеку от Иерусалима, находилось одно из христианских убежищ.

Патер Викентий, родом поляк, не замедлил явиться. Ничто в его наружности и костюме не выдавало духовного звания, а в бутоньерке сюртука светился красный цветок в пять лепестков, который Валентин иногда встречал у прохожих на улице. Августин рассказал происшествие с Агнией и Лидией, рекомендуя Валентина, как человека безусловно благонадежного.

"О Клефте Яни, - заметил Викентий, - не стоит и говорить. Это - преданнейшая цепная собака Антиоха. Но обойдемся, вероятно, и без него. У нас есть свои члены в Тампле. Ведь я и сам тамплиер: вот на мне их значок в петличке. Его носят, когда выходят на улицу без формы. Правда, я не большого чина - всего только "мирской пособник". Предпочел это звание, чтобы поменьше быть под надзором грессмейстера. Но там есть и более высокие чины из иезуитов. Нужно навести у них справки".

Через несколько дней он получил справки, но мало удовлетворительные. "В помещении Тампля, - гласили они, - творится нечто трудно понимаемое. Под непосредственным руководством Аполлония производятся опыты коллективной гипнотизации и действия на расстоянии. В участники такого коллективного действия набираются не только свои, но и чужие, добровольно или насильственно. Они соединяются в особые группы, называемые "психическими оркестрами" или "психическими батареями". Опыты, в первых фазах, производятся довольно открыто, но потом все более замыкаются в тайну от неучаствующих в этих занятиях. Известно лишь, что лица, намеченные в члены оркестра, подвергаются сложной гипнотической дрессировке, которая имеет целью подчинить их волю, чтобы затем направить ее куда требуется. Средства подчинения воли - разнообразны, но, по слухам, среди них придается большое значение развитию чувственности, для чего прибегают к разным любовным фильтрам, и даже будто бы не останавливаются перед изнасилованием. Об этом говорил один молодой негодяй - тамплиер, которому было, по его словам, поручено соблазнить какую-то из захваченных женщин. Об Агнии известно, что она легко поддавалась гипнозу, но не имела способностей, нужных для зачисления в оркестр, почему ее скоро и отпустили. Но участь Лидии рисуется более страшной. Известно, что с ней Аполлоний возился очень долго и бесплодно. Гипнозу она совсем не поддавалась, с гордым презрением относилась к роскоши, которой ее пытались окружить, не брала в рот вина и изысканных яств, одуряющие испарения на нее не действовали. В конце концов ее куда-то запрятали, но куда и для чего неизвестно. Яни Клефт должен кое-что о ней знать, так как сам о ней рассказывал близким товарищам. Он повидимому совсем в нее влюбился, упоминает о ней с благоговением, и даже из-за нее, кажется, охладел к Антиоху".

Таковы были справки отца Викентия.

"Остается, кажется, только молиться за нее", - грустно заключил епископ Августин. Но Валентин был упорен и продолжал искать способов добраться до Лидии. Мысль о Яни Клефте снова пробудилась в нем, и снова являлись опасения, как бы не испортить дела окончательно. Он пошел советоваться с Осборном. Тот не совсем согласился с епископом.

"Молиться, конечно, нужно, - заметил он, - но при тех политических планах, которые у нас назревают, мы, может быть, успеем сделать что-нибудь и для Лидии".

Валентин жил вне политики. Осборн, напротив, принадлежал к числу тех христиан, которые, видя явное стремление Антиоха совершенно искоренить христианство, мечтали - нельзя ли низвергнуть его владычество? Эдуард стоял во главе их. Минута казалась благоприятною для попытки. Дело в том, что угроза таинственных Ильи и Эноха на неудавшемся празднике Люцифера осуществилась в полной мере. Никто не запомнил такой засухи, какая удручала землю в этом году, начавшемся при самых благоприятных климатических предположениях. Нигде не выпадало ни капли дождя. Нивы, огороды и сады высыхали и выгорали. Наступило время жатвы, но собирать было нечего. Мир поразил повсеместный голод. Бедствие увеличивалось от общего эгоизма времени. Все думали только о себе, и умирающий от голода нигде не мог допроситься куска хлеба. Только христиане помогали бедствующим, но что они могли сделать! Правительствам пришлось раскрыть все свои запасы продовольствия, но народ все-таки голодал, и у него накапливалось раздражение, являлась критика. Собственно к пророкам-обличителям нигде не было ни малейшей симпатии, и никто не думал каяться перед Богом. Пророки обходили с увещаниями все страны, и их всюду встречали с ненавистью. Много раз этих вестников несчастья пытались растерзать, и каждый раз гибель постигала отваживающихся на это. Толпа проклинала "чародеев", но они возбуждали ужас, и доверие к власти падало. "Что же Правительство хвастало силами своими и Люциферовыми, - толковали в народе. - Ясно, что христианские колдуны могущественнее их. И почему запасы продовольствия так ничтожны, почему по обводнению полей сделано так мало, почему ничего не сделано по производству искусственных дождей?" Критика раздавалась отовсюду. Эдуард с единомышленниками надумали воспользоваться этим для вызова восстания. Отстраняя религиозные споры, они переносили агитацию на почву неспособности властей Союза и их небрежности о благе населения. Необходимо сместить всех правящих - таков был лозунг заговорщиков. Они рассчитывали, что христиане, став во главе движения, приобретут популярность, и что при перевороте можно будет провести во власть немало христиан.

"Боюсь, друг мой, - сказал Валентин, - выслушав эти планы, что никакого толка у вас не получится. Но возможно, что в общей сумятице, при разгроме Тампля, удастся освободить Лидию и других пропавших... Что же, за такую цену я согласен примкнуть к вам".

Однако даже и при такой перспективе нужно было сначала узнать, где именно в Тампле находится место заточения Лидии? И мысль о Клефте снова шевелилась в голове Валентина.

VI

Во дворце Великого Устроителя происходило заседание его Высшего Совета по поводу того же опасного народного настроения. Членами Совета состояли представители держав, высшие чины управления Великого Устроителя и Гроссмейстер тамплиеров. Аполлоний присутствовал в качестве секретаря Антиоха. Начальником караула был Яни Клефт.

Докладчик прочитал донесения о настроении народа и добытые полицией данные о христианском заговоре в целях возбуждения восстания. Дело в общем казалось весьма серьезным.

Один из представителей держав попросил у Великого Устроителя разъяснения, каким образом могло исполниться предсказание бродячих пророков о засухе со всеми ее губительными последствиями? "Мы, провинциалы, - заметил он, - привыкли думать, что при глубоком развитии магического знания и искусства в правление нашего великого Антиоха,

государственная власть обладает средствами разрушить чародейства этих побродяг. И однако она оказалась бессильной перед ними".

Задетый за живое, Великий Устроитель отвечал, что в этом упреке проявляется обычное незнание публики с законами магии. Прежде всего указанные побродяги несомненно обладают большими магическими силами и начали свои действия совершенно неожиданно, а когда произведенная ими спазма атмосферических элементов уже возымела свое действие, то уничтожить его было невозможно, не уничтожив самих чародеев, так как они легко могли поддерживать установившийся факт природы против даже гораздо более сильных магов. Лучшее средство парализации этого факта состоит в уничтожении лиц, его производивших. Но совершенная случайность задержала приход его, Великого Устроителя, на праздник Люцифера, а затем бродячие проповедники доселе шляются по всей стране, и задержать их не удалось. В первый же их приход он положит конец их существованию. В ожидании будущего, он просит власти всех держав не скупиться в раздаче продовольствия и всяких суррогатов. Что касается задуманного христианами восстания, он надеется раздавить его и искоренить мятежную секту до конца. В заключение Устроитель вкратце ознакомил Собрание с вновь формируемыми психическими батареями и, заметив, что пока еще не может подробно открывать всего их значения, просил представителей держав присылать для пополнения их персонал людей, наиболее одаренных волею. Тут же он предложил ряд мер по общему управлению.

Декретировав меры, предложенные Антиохом, Совет начал расходиться. А Яни Клефт, заметно омрачившийся при рассуждениях Совета о психических батареях, подошел в сторонке к Великому Устроителю и взволнованно попросил позволения переговорить с ним. Антиох с некоторым удивлением сказал, что такой старый друг и преданный служащий, конечно, может говорить все, что хочет. Яни горячо начал речь о несчастной судьбе Лидии. Неужели великие цели Антиоха, говорил он, могут требовать мучения и гибели молодой девушки, чистой и прекрасной, которую вдобавок устроитель когда-то хорошо и близко знал? Яни невыразимо мучится мыслью, что стал невольным орудием ее несчастий, так как именно он ее разыскал и привел. Он умолял освободить ее хотя бы в личное ему одолжение. Великий Устроитель лукаво посмотрел на него.

- Ай, дружище, вижу, что прекрасная Лидия задела и твое сердце!.. Ну, успокойся, я ее тебе отдам.

- Да я не прошу отдавать ее мне, - смущенно отвечал Яни. - Я знаю, что недостойн получить ее руку и сердце, а без этого не позволю себе и пальцем ее коснуться... Я прошу только освободить ее, отпустить на волю.

Антиох продолжал лукаво улыбаться.

- Ого! Чувство не шуточное. Наш бравый тамплиер превратился в романтического рыцаря... Ладно, я поговорю с Аполлоном. Будь спокоен. Иди себе в кордегардию.

Яни вышел, а Антиох подозвал Великого мага и сказал ему, чтобы тот отпустил Лидию. Аполлоний сделал недовольную гримасу.

- Устроитель, если мы будем терять лучшие души из-за нежных чувств молодых рыцарей, то немного уцелеет из наших планов. Право я по целому ряду причин не могу отдать Лидию.

- Да что в ней особенного? Где она? Что ты с ней делаешь?

Аполлоний начал подробный рассказ о том, сколько он возился с Лидией. Это, говорил он,

натура редкая, громадной силы воли и духовности, душа в полном смысле святая, каких очень мало. Ее невозможно упустить. Овладев ею, можно творить чудеса влияния даже, без сомнения, на ангелов, и чем труднее покорить ее, тем необходимее этого добиться. До сих пор все его усилия были тщетны. Ничто ее не покоряет. Он, Аполлоний, готов бы был ее подвергнуть жесточайшим пыткам, но знает, что из этого ничего не выйдет. Она умрет, но не отрешится от своей воли. Он теперь пробует над ней последние средства, и она необходима ему даже для опытов.

- Где она? - спросил Устроитель.

- Теперь - в башне астральных духов. Я решил довести ее до полного истощения, добиться каталепсии, и когда доведу ее до этого, то, надеюсь, успею загипнотизировать и сделать ее покорной себе.

Он установил для нее особый режим: полное одиночество, отсутствие впечатлений, голодная диета, полусвет, лишение сна и постоянное монотонное раздражение. Она окружена астральными духами, которых он часто материализует. Они нужны не для нравственного воздействия, в этом они бессильны, даже лярвы [1] не находят в ней страстей, к которым могли бы присосаться. Аполлоний вызывал даже ангелов Люцифера, и те не могли на нее повлиять. Астральные духи нужны только для того, чтобы поддерживать непрерывную мелодию безнадежности и будить Лидию внезапными стуками и толчками. Теперь она дошла до последнего истощения, и в нее приходится вливать концентрированные бульоны, чтобы она не погасла, как лампада без масла. Но он надеется, что уже очень скоро погрузит ее в каталепсию, которую он переведет в тихий гипнотический сон, и тогда достигнет покорения этой неподатливой души. Антиох внимательно слушал.

- Любопытно. Дай-ка мне взглянуть на твою пациентку.

- Пойдем.

Они не подозревали, что Яни, полный беспокойства за судьбу Лидии, подслушивал, насколько мог, их разговор в щелку дверей. Услышав, что они собираются идти, он поспешил предупредить их у Башни Духов. Он хорошо знал эту башню, предмет ужаса караульных. В ней Великий Маг хранил целую коллекцию астральных духов, и оттуда часто слышались таинственные звуки, а иногда из узкого окна выглядывали отвратительные морды, которые старались, как пиявки, присосаться к часовому, неосторожно подходившему слишком близко. Дорога к башне вела по стене с высокими зубцами, за которыми легко было прятаться. Один зубец приходился шагах в трех от дверей башни. Яни спрятался за этот зубец и ждал с замиранием сердца...

Вот показались Великий Устроитель с Магом. Они вошли в башню, не заметив Яни, и оставили дверь полураскрытой. Он все слышал и немножко видел.

Антиох с любопытством осмотрелся. В полутьме, на кровати, виднелась пластом лежащая Лидия. Ее волосы спадали до полу, лицо, бледное и до последней степени исхудалое, казалось совершенно мертвым, только глаза лихорадочно светились да слабое дыхание изредка поднимало впавшую грудь. Она лежала без движения, а над ней несколько астральных духов монотонно, без перерыва, напевали:

Иисус никогда уж не будет с тобой,

Миром правит теперь Дух могучий другой...

А она по временам еле слышно шептала:

"Прочь от меня, Сатана. Спаси меня, Иисусе возлюбленный".

- Упорная, - заметил Антиох.

- Но что же нам делать?

- Ничего особенного. Оставь ее мне, дай закончить опыт.

- А Яни? Ведь я обещал...

- Пустое... Я приворожу этого вздыхателя к какой-нибудь красотке, и дурь пройдет.

- И то правда. Ладно.

Они ушли, затворив дверь на ключ. Яни вышел из своего убежища глубоко возмущенный. Но что делать? Как спасти несчастную? Во всяком случае приходится пока сдержаться.

- Что же, Повелитель, - обратился он во дворце к Антиоху, - могу ли я надеяться?

Тот ласково потрепал его по плечу:

- Подожди немного, дружок. Аполлоний ее скоро отпустит. Надо только немного укрепить ее силы. Будь покоен.

Бедный Яни возвратился в тамплиерские казармы сам не свой. Чистое чувство к Лидии, преклонение перед ее мученичеством, негодование против коварства Антиоха - все это подняло бурю в его душе. Теперь все замутилось, и в этом вихре мыслей все отчетливее назревало решение: вырвать Лидию из рук ее палачей или жестоко отомстить.

Злые духи ^

VII

Аполлоний охотно вербовал членов "психических оркестров" среди евреев. Это делалось открыто, в добровольцах не было недостатка, и еврейское общество сначала ничего не имело против этих упражнений, представлявших, по-видимому, научный интерес, а в то же время удовлетворявших господствовавшей тогда жадности ко всему необыкновенному и чудесному. Но мало-помалу стали замечать, что побывавшие на курсах охладевали к еврейству. Высший Совет Кол Изроель Хаберим дал знать великой синагоге, что не одобряет участие евреев в психических оркестрах. "Сыны Израиля, - говорилось в его письме, - должны влиять на гоев, но не подчиняться их влиянию".

Между тем произошел случай тайного похищения еврея, именно Марка, сына Боруха Хацкиеля. Сначала его упрашивали записаться в психический оркестр, усматривая в нем большие оккультные способности. Когда же он наотрез отказался, его по-разбойничьи схватили на улице и начали насильственно подвергать опытам. Марк пустился на хитрости. Он притворился заинтересованным новым делом и, будучи по природе очень мало подвержен гипнозу, разыгрывал роль самого чувствительного сомнамбула, а в то же время проявил и свою действительную силу магнетизера. Это редкое сочетание его способностей вызвало к нему особое внимание руководителей. Его стали посвящать во все более сложные опыты, с

которыми он таким образом и ознакомился очень не дурно. Зачисленный в высшую психическую батарею, он был отпущен к отцу при самых дружеских отношениях со своими руководителями, и теперь лишь изредка являлся к ним для упражнений. Никаких вредных последствий от этих занятий он на себе не чувствовал, вероятно, потому, что играл роль активного магнетизера. Но большая часть членов оркестров, особенно захваченных насильно, доходила, по рассказу Марка, до самого жалкого психического состояния. Вялые, безжизненные, с вечно выдавливаемыми из них, так сказать, соками души, они почти переставали походить на сознательные человеческие существа. Но та сила, которую из них требовалось добыть и которую Аполлоний называл "волей", не уменьшалась при этом, а возрастала, как показывали особые измерительные аппараты, но она уже не принадлежала им и не ими направлялась к действию.

Борух решил доложить об этом старейшинам синагоги. Выслушав сообщение, Собрание воспретило евреям поступать в психические оркестры без особого разрешения Совета синагоги. Марку это разрешение и было дано в целях наблюдения за опытами. Что касается насильственного похищения его, то в Собрании послышались голоса обвинявшие по этому случаю самого Боруха Хацкиеля. Особенно восстал против него ученый каббалист Эзра Гаон. "Вот видишь, рабби Борух, - говорил он, - твое якшание с христианами доводит до того, что твою семью принимают за христианскую. Ничего подобного не позволяли себе в отношении верных евреев. Как и могло бы быть иначе, когда мы в Антиохе, вероятно,ждемся явления Мессии, да будет благословенно имя Его. Теперь же мы, евреи, из-за тебя принуждены будем обращаться с жалобой к великому Антиоху и портить дружеские с ним отношения".

Борух горячо заспорил:

"Разве может благословенный Мессия знаться с павшим ангелом Самаелем, которого Антиох называет Люцифером? Разве может он заниматься чародействами? Не Мессию, а врага Господа Саваофа мы можем увидеть в Антиохе, достойно несущем имя древнего богопротивника..." [1]

Эзра был сильно обижен словами о чародействах, так как сам усердно углублялся в магию. Но Собрание не дало спору дойти до явной ссоры и постановило, что во всяком случае приходится отправить к Великому Устроителю депутацию с жалобой на насилие над Марком.

Антиох принял жалобу с неудовольствием; и отвечал, что это какое-нибудь частное самоуправство, которое он расследует и накажет. При этом он не преминул заметить, что, кажется, евреи не могут пожаловаться на свое положение в его управление и что он ожидает их содействия его обширным планам устроения человечества. Эзра, бывший в депутации, рассыпался в уверениях о надеждах евреев на Великого Устроителя.

Между тем Борух пошел к епископу Августину побеседовать о странных затеях власти, захватив с собой и Марка. А Валентин явился туда же, потому что, только слышав о приключениях его, стремился расспросить Марка подробно. Молодой Хацкиель во многом и дополнил его сведения о "психических батареях". Группы лиц, составляющих оркестр или батарею, образуются из людей, обладающих различными оккультными способностями, чтобы они дополняли друг друга в одном коллективном воздействии на других людей или даже на неодушевленные предметы, а также на астральных духов. Психические батареи упражняются в том, чтобы на большем или меньшем расстоянии парализовать людей, или понудить их к известным действиям, и психической силой передвигать предметы. В участники батарей берут не непременно единомышленников - а людей с сильной "волей", как выражается Аполлоний. Эта воля рассматривается как материал, из которого развивается сила, наподобие пара, пороха, динамита и т.п. И как порох, в чьих бы он руках не находился, одинаково производит

свое действие, так и воля может быть пущена в действие тем, кто ее захватил. Дрессировка участников батарей именно имеет целью покорить их, отдать их волю в руки заведующего батареей. Дело не в том, единомышленны ли эти лица с руководителем, а в том, достаточно ли они порабощены ему духовно. Разница лишь та, что единомышленник отдает себя добровольно, а иномышленного нужно покорить. Для этого нужно уничтожить в нем все, что препятствует такому порабощению и поддерживает его личную самостоятельность. Поэтому необходимо добиться его отречения от Христа, вообще от Бога, и убить в нем нравственное чувство. Все это достигается посредством гипнотических внушений и искусственного развития чувственности. Не со всеми это удастся одинаково легко. Чем сильнее душа, тем труднее ее покорить. А душа тем сильнее, чем больше в ней духовного элемента. Самые высшие Аполлоний называет "святыми" и говорит, что они имеют ангельскую природу. Но поработить, по его мнению, можно и их. При порабощении душа сохраняет свои природные способности, хотя бы они пошли на совсем иное употребление нежели то, которое сделала бы она, если бы осталась самостоятельной. Развитию чувственности Аполлоний придает очень важное значение, так как она связывает человека с материей и отрывает его от Бога. Поэтому при дрессировке стараются развить всякое чревоугодие, приучить к пьянству и т.п. Еще важнее половая чувственность, которую возбуждают разными чародейскими напитками - фильтрами, - подстраиванием любовных приключений, а иногда, говорит Аполлоний, годится и простое изнасилование. Другой путь для порабощения души составляет развитие гордости, но он практически труднее, так что доселе не применялся.

Таким образом, Марк ознакомил своих слушателей и с теорией, и с практикой психических батарей. Но что касается судьбы Лидии, он знал гораздо меньше. Известно ему, что она была крайне неподатлива, и Аполлоний прямо измучил ее своими опытами, а в конце концов заточил в Башню Астральных Духов. Башню эту Марк знал, потому что состоял в высшем психологическом оркестре, участвовал в опытах влияния на существа астрального мира. Один раз этому оркестру было поручено произвести коллективное воздействие на Лидию, которое и оказалось безуспешным. Мучения же Лидии, вероятно, были очень тяжки, так как по поводу их громко возмущался даже один тамплиер - Яни Клефт. Все это были драгоценные сведения, и у Валентина впервые зашевелилась уже не мечта, а надежда освободить Лидию. По уходе евреев, он заговорил об этом с епископом.

- Да, - сказал Августин, - тут действительно как будто выдвигаются какие-то возможности. Марк, если ему прикажет отец, может в чем-нибудь помочь. Нужно, чтобы отец Викентий похлопотал у своих друзей. Вообще нужно постараться подготовить что-нибудь ко времени восстания Осборна. Но дело это все-таки очень трудное. Ведь несчастную приходится вырвать хитростью или силой прямо из глубины адской. Тамплъ - замок крепкий и, конечно, хорошо охраняется. Надо собрать все способы и объединить их в какой-нибудь стройный план. Будем стараться не терять времени.

- Ну а что Вы думаете о Клефте?

- Кажется, все-таки опасно говорить с ним. Он может ей сочувствовать, может негодовать по поводу мучений, может быть, даже недоволен Антиохом. Но ведь он все-таки их человек, а не наш. Не разойдется же он с ними, не перейдет к нам. Скорей, будет умиловать своего Повелителя, чтобы как-нибудь выпросить ее пощаду... Нет, опасно с ним говорить.

Намек на Антиоха IV Эпифана (Епифана), сирийского царя из македонской династии Селевкидов (правил в 175-164 гг. до Р. Х.). При нем был осквернен Иерусалимский храм, что вызвало в 167 г. восстание иудеев под предводительством Матафии и Маккавеев, свергнувшее сирийское иго над Иудеей (см. 1-3 кн. Маккавейские в Св. Писании) ^

VIII

Набег на Башню Духов, по всем соображениям, мог быть произведен только во время восстания, подготовляемого Осборном. Оно было назначено в день Национального праздника, т.е. ежегодного торжества конституции, введенной Великим Устроителем. Это нападение казалось Осборну полезной диверсией даже в чисто военном отношении и утилизировало бы такие силы, которые бы иначе не примкнули к восстанию. Среди христиан было много людей, убежденных в наступлении конца мира и считавших поэтому бесцельными политические перевороты. Но именно среди таких людей каждый охотно готов был принять участие в освобождении томящихся в темницах. Недостатка в живой боевой силе для этого дела не предвиделось. Но нужно было знать, где же разыскать этих томившихся в темнице, как их вывести, как достигнуть, чтобы их, в минуту опасности, тюремщики не перегнали в другое место. Конечно, было вероятно, что при разгроме Тампля кое-кто из пропавших христиан будет освобожден, но вероятно - наименее важные, наименее охраняемые. Какие же данные, что будет освобождена Лидия, которую ее мучители наиболее берегли? Валентин считал, что набег на Башню Духов должен был быть организован, хотя и в связи с общим нападением на Тампль, но как отдельная самостоятельная часть этого предприятия. Для освобождения Лидии требовалось хорошо расследовать Башню Духов, способы быстро к ней добраться, захватить ее внезапно, безопасно вывести узницу и скрыться с ней. В конце концов - освобожденную нужно было укрыть в очень надежное убежище. Это была наименее трудная часть задачи. Но для первой ее части, по-видимому, необходимо было какое-нибудь содействие внутри самого Тампля.

Борух позволил Марку принять участие не в восстании вообще - так как синагога никак не хотела низвергать Антиоха - но специально в освобождении Лидии. Это был ценный помощник - по обследованию Башни Духов. Но иезуиты - друзья патера Викетия - заявили, что не могут компрометировать своего положения из-за такого маловажного дела, как освобождение одного или даже нескольких узников. Они соглашались дать всякие сведения о Башне Духов и подступах к ней; могли бы попытаться помочь, чтобы в карауле было назначено лицо, сочувствующее предприятию, если бы такое лицо имелось у заговорщиков. Но более ничего они уже сделать не могут.

Этого было крайне недостаточно.

Между тем как раз в это время в Иерусалим прибыл старец Иоанн. Валентин никогда не пропускал случая повидать его, а теперь, со времени захвата Лидии, просто жаждал поговорить с ним о том, как ее спасти. Он верил, что вдохновения старца всегда безобманчивы. Лидию же старец очень любил. Но незадолго до ее пропажи он уехал в Сирию, и теперь впервые оттуда возвращался. Валентин застал его у епископа Августина в разговоре о сирийских убежищах. Правду сказал Валентин Эдуарду: достаточно было посмотреть на старца, чтобы признать в нем апостола Иоанна. Высокий, величественного вида, седовласый, он не имел никаких признаков дряхлости, и казался как бы вне времени. Нельзя было сказать, сколько ему лет. В его взоре и на спокойно-выразительном лице запечатлевалась мудрость тысячелетий, он, казалось, уже все видел на свете, все знает, нет для него неожиданностей и волнений. Но немеркнувшее вдохновение, охватывающее его как будто светлым ореолом, показывало постоянное живое участие во всем совершающемся. Любовью и кротостью дышало его лицо, но было ясно, что оно могло каждую минуту запылать всежогущим огнем против врагов его возлюбленного Господа. Таков и должен был быть апостол любви и в то же время "сын грома", как называл Спаситель своего любимого ученика.

Старец рассказывал епископу о своих трудах по заготовке убежищ для христиан.

"Время близко, - говорил он. - Жена, облеченная в солнце, должна бежать в пустыню, где приготовлено для нее место от Бога, чтобы там питаться 1260 дней [1]. Давно уже подготавливаю я это место, но теперь приходится поторопиться".

Он устраивал тайники в недоступнейших горах Малой Азии, где суровое, труженическое население, ревностные христиане, под влиянием его проповеди, давно уже готовили по лесам и ущельям тайники и пещеры, естественные и искусственные, а последнее время стали собирать и хлебные запасы. "Готовьте, дети, - сказал им старец, - скоро нельзя будет нигде ничего купить" и жители торопились, чтобы иметь возможность укрыть и прокормить преследуемых изгнанников, видя в этом осуществление миссии, назначенной им от Бога.

Валентин не замедлил передать старцу печальную историю Лидии и все, что о ней теперь узнали, упомянув и о Яни Клефте, бывшем друге Лучицких, нынешнем слуге мучителей Лидии, о своей неотступной мысли побывать у него, вопреки мнению епископа Августина. Старец слушал внимательно, переспрашивал подробности и наконец сказал:

- Нет, относительно Яни Клефта не могу согласиться с Владыкой. Это должно быть хороший человек и может принести большую пользу. Ты у него побывай. Конечно, нужно завести речь с осторожностью. Да ты не тревожься так. Господь, конечно, не оставит Лидию без помощи. Вот побывай у Клефта, а там увидим. Я, вероятно, и сам приму участие в этом деле.

- Значит, благословите, батюшка?

- Вполне. Благослови Господь.

С самых студенческих времен Валентин не поддерживал знакомства с Яни, и чем ближе Клефт сходил с Антиохом, тем менее было оснований с ним знаться. Об этом теперь приходилось пожалеть. Но Валентин надеялся, что дело Лидии даст достаточную причину обратиться к старому знакомому Лучицких. Он отправился в Тампль и приказал доложить о себе. Но принимать у себя посторонних посетителей рыцари могли только с разрешения своего комтура [2]. Валентин не значился в списке допущенных, а потому Яни вышел к нему на улицу. Он поздоровался с бывшим товарищем не без некоторого удивления.

- Сколько лет не виделись! Как это Вас осенила счастливая мысль вспомнить обо мне?

Валентин объяснил, что пришел попросить у него совета, а может быть, и протекции.

- Вы, вероятно, припомните Лидию Лучицкую, у которой мы в студенческие времена проводили столько веселых и душевных часов?

Яни весь вспыхнул.

- Да, как же... Очаровательная особа... Светлая личность... Но в чем же дело?

Валентин рассказал, что она осталась сиротой, на его попечении и некоторое время считалась даже его невестой. Теперь она без вести пропала, исчезла, вероятнее всего арестована по какому-нибудь обвинению как христианка. Он бы хотел просить разрешения на свидание с ней, может быть, ей нужна какая-нибудь помощь. Не может ли Яни Клефт, как тамплиер, посоветовать ему, куда нужно с этим обратиться, а может быть, и помочь добыть разрешение? Яни Клефт слушал с видимым волнением.

- Ах, - сказал он, - бедная Лидия! Боюсь, что она в очень плохом положении... Вы, кажется, сказали, что она Ваша невеста?

- О нет, она давно мне отказала. Но она осталась на моем попечении.

Яни осмотрелся по сторонам.

- Прогуляемся немного, сказал он, поболтаем по-старому, по студенческому.

Они направились в обширный городской парк, упиравшейся в Тамплиерское озеро. Всю дорогу Яни болтал о самых безразличных предметах. Выйдя на берег озера, он еще раз осмотрелся. Нигде не видно было ни души,

- Валентин, - заговорил он, - Вы честный человек и любите Лидию, и не выдадите меня. Слушайте. Ее можно считать погибшей, и я - невольная причина ее гибели. Единственное средство спасти ее - это силой вырвать ее из тюрьмы. Предприятие почти безнадежное. В нем пришлось бы рисковать жизнью с самыми малыми шансами на успех. Но никакого другого способа нет.

Валентин вздрогнул от радости.

- Я готов погибнуть. У меня найдутся и самоотверженные помощники. Говорите, что нужно делать? Можно ли иметь какую-нибудь Вашу помощь?

- Да, я готов помочь, сколько могу. Ее судьба камнем давит мою совесть. Я даже мысленно строил планы... совершенно бесполезные до сих пор. Но - приходите Вы: это изменяет положение...

Он быстро набросал примерный план действий. Башня духов, где держат Лидию, возвышается на внутренней стене Тампля. По другую сторону стены тянется обширный Орденский парк, в котором есть пустые, всегда безлюдные аллеи, и он доходит до внешней стены замка, за которой плещет Тамплиерское озеро. По обеим стенам ходят часовые, по малейшему сигналу которых прибегают караулы из кордегардии [3]. Следовательно, часовых на обеих стенах нужно бесшумно убить. Яни может заранее спустить веревочные лестницы на обеих стенах, а для Лидии нужно припасти крепкую простыню и веревки, так как ее придется опускать, поднимать и нести на руках. На озере нужно заранее заготовить лодку. Много людей для предприятия не требуется, чем меньше их, тем меньше будут заметны. Достаточно человек десяти, но сильных и вооруженных.

- Если бы я, - прибавил Яни, - был в эту ночь начальником караула, дело несколько упростилось бы, но на такую случайность нельзя рассчитывать. Большую опасность представляют астральные духи Башни, подчиненные Магу, которые, вероятно, дадут ему знать о происходящем. Но тут уж я ничем не могу помочь, и из этого следует только, что дело нужно делать с моментальной быстротой.

Они расстались, условившись в дальнейших свиданиях по сигналам, выставляемых ими друг другу. Валентин не обмолвился ни словом ни о рыцарях иезуитах, ни о Марке, который, вероятно, мог парализовать духов Башни. Но самому ему было видно, что благоприятный исход похищения Лидии более богат благоприятными шансами, чем мог думать Яни, не знавший ни о присутствии изменников в среде тамплиеров, ни о том, что в день попытки похищения в городе должно было вспыхнуть восстание.

См.: Откровение 12, 1-6 ^

Комтур - лицо в духовно-рыцарских орденах, управляющее определенной областью, комендант крепости ^

Кордегардия - помещение для караула, охраняющего крепостные ворота ^

IX

Великий Устроитель возлагал большие надежды на приближавшийся день Национального праздника. Panem et circenses [1] - это вечный крик толпы, и за неимением хлеба он рассчитывал великолепными развлечениями умягчить сердца, раздраженные голодом и лишениями. Но его беспокоила мысль о бродячих пророках: что если они явятся на праздник и испортят его какими-нибудь скандалами? Уже более трех лет они волновали все страны своими обличениями и чародейством, измучивши все правительства Союза. Попытки арестовать их, одинаково ревностные со стороны Антиоха и правителей союзных держав, постоянно оказывались безуспешными и нередко роковыми для исполнителей распоряжений власти. В некоторых случаях чародеи насылали на враждебные им населения чумную язву. Антиох не мог думать о них без бешенства и твердо решил убить их в случае их появления, но их изумительные чародейские способности смущали его. Он призвал Аполлония, и упрасивал его развернуть все силы магического искусства, чтобы не вышло как-нибудь неудачи. "Я не могу потерпеть, чтобы такие ничтожные твари отнимали у меня доверие народа, - говорил он. - Мне нужна безусловная вера в меня, безусловная готовность мне во всем подчиняться, я должен сконцентрировать около себя все душевные силы человечества. А вот эти пустомели портят все мои расчеты!" Аполлоний обещал приложить все старания помочь Великому Человеку, но не мог вполне рассеять его тревоги.

Аполлоний часто входил в общение с Люцифером и легко вызывал его к себе простым напряжением своей воли. Люцифер являлся иногда в чувственном образе, иногда незримо. Но Антиох охотно обращался к нему только в тех случаях, когда думал бороться с самим Богом. Признавая Люцифера наивысшим духом, он считал себя не рабом его, а союзником, хотя и более слабым. Обладания человечеством он не хотел уступить никому, мечтая иметь свою долю участия даже в обладании вселенной. Каким образом это может осуществиться - он еще не знал, но думал, что это уяснится после того, как во вселенной будет низвергнуто владычество Бога. Он мечтал, что обладание психическими силами человечества, коллективно бессмертного, сделает бессмертным и его самого, и он будет вечно разделять с Люцифером власть над миром в качестве владыки человечества. В нем воскреснет Адам Кадмон [2], в которого он верил со всей силой своих каббалистических убеждений.

Поэтому он не хотел обращаться к Люциферу в таком ничтожном деле, как борьба с бродячими колдунами. Но в эту ночь он был вырван из своей полудремоты ощутительным веянием Люцифера. Могучий противник Бога сидел на своем алтаре в обычном виде крепкого мужчины, в фосфорически светящейся мантии и светящейся короне, с выражением неукротимой энергии на надменном, но несколько грустном лице.

- Мой друг Антиох очень горд, - пошутил он, - но вот я сам пришел к тебе.

- Разве ты сам не горд, Великий Дух, - ответил Антиох, - разве мы не должны быть гордыми, если хотим владеть миром?

- Конечно. Но мы союзники и просить моей помощи не значит быть слабым. Я пришел тебе сказать, что этих "побродяг", как ты их называешь, ты не должен считать ничтожными. Это действительно Энох и Илья, духом сильнейшие из людей и достигшие бессмертия, о котором ты пока только мечтаешь. Они вооружены Божественной силой, и чтобы справиться с ними - тебе весьма нужна моя помощь. И я тебе ее дам. Люди должны видеть, или верить, поправился он с усмешкой, - что ты их победил не средствами земного магизма, а присущей тебе самому силой, как делал - прибавил он с какой-то болью в голосе - тот, древний, Иисус... Я тебе помогу в этом.

И он исчез, оставив Антиоха с неприятным чувством зависимости от Люцифера. Но он все-таки успокоился и начал с легким сердцем приготовления к празднику. Теперь он даже желал, чтобы пророки явились на торжество. Но, кроме расправы с ними, нужно было озаботиться ликвидацией восстания, о приближении которого извещали донесения полиции.

В этом отношении Антиох был однако обманут ошибочными сведениями полиции. Осборн, которого заговорщики назначили диктатором, держал в тайне день восстания, обязав все кружки быть готовыми к выступлению по сигналу, когда бы он ни воспоследовал. В полицию же он ловко провел ложное сведение, будто бы восстание произойдет за три дня до праздника, который потом будет торжеством освобождения от тирана, как революционные прокламации называли Великого Устроителя. Эти ложные сведения гласили также, будто восстание начнется с нападения на дворец Антиоха и Министерство Внутренних дел. Соответственно с этим Великий Устроитель сосредоточил сильные воинские части в эти пунктах. В свой дворец он, как и надеялся Эдуард, назначил большую часть тамплиеров, так что самый Тамплль остался с минимальной охраной.

В действительности план Осборна был совсем иной: на рассвете Национального праздника начать разграбление продовольственных магазинов, арестовать ряд правительственных лиц на квартирах и захватить тюрьмы, чтобы выпустить множество томящихся в них политических заключенных. Самого Антиоха предполагалось просто убить около его дома. В день же фальшиво указанный полиции Осборн хотел произвести только несколько пустых демонстраций, чтобы успокоить власти видимостью неудачной попытки возмущения.

Валентин же, в виду слабости охраны Тампля, именно этот день и избрал для набега на Башню Духов, не дожидаясь Национального праздника. В его распоряжении находилось десять молодых, крепких христиан, из которых двое охраняли лодку, способную вместить весь отряд. Пошел в экспедицию и Марк, который решил, что сумеет усыпить астральных духов. Отец отпустил его очень охотно, прибавивши: "Только ни за что не попадайся - ты нужен для сражения с Аполлоном и Антиохом". Старец Иоанн также присоединился к отряду. "Я, - сказал он, - буду нужен для Лидии". На другой стороне озера была приготовлена простая повозка, запряженная тройкой превосходных скакунов.

Яни Клефт, стараниями друзей патера Викентия, был назначен начальником караула в ночь предполагавшейся экспедиции. Валентин настолько убедился в его искренности и в его внутреннем отпадении от Антиоха, что ввел его на все совещания отряда. Он внимательно присматривался к христианам, видимо проникаясь к ним симпатией. Старец же Иоанн произвел на него глубокое впечатление; он прислушивался к каждому его слову, ловил каждый жест... Однажды, старец, посмотрев внимательно на него, сказал: "Вот ты спасаешь Лидию, а она, даст Бог, спасет тебя..." Яни задумался...

Христиане отряда с энтузиазмом шли на свое опасное дело, но мысль убивать часовых из-за угла вызвала в них неодолимое отвращение. Они придумывали разные способы обойтись без этого, но напрасно. Тут Яни неожиданно спросил, согласятся ли христиане укрыть его, если он совершенно скомпрометирует себя перед властями?

"Конечно, - ответил без колебания старец Иоанн. - Не сомневайся. Укроем по-братски. Не отыщут..."

Тогда Яни заявил, что он уведет часовых с постов, так что никаких убийств не потребуются. Но ему придется бежать вместе с христианами...

С последнего совещания все участники должны были разойтись порознь, чтобы собраться к

ночи около лодки. Старец Иоанн отслужил краткий молебен и пригласил всех хорошенько поесть у заготовленного Валентином стола.

"Вам понадобятся силы", - сказал он. В торжественном безмолвии прошла трапеза, быть может, последняя в жизни участников. Но старец ободрял их: "Не смущайтесь, дети, все, Бог даст, пойдет хорошо". И все двинулись разными путями в длинный обход озера, к месту, где их ждала лодка. На ней предстояло ночью подъехать к наружной стене замка. Яни обещал указать место причала фонарем и задумчиво отправился в свои казармы. Из всех участников предприятия он ставил самую крупную карту...

Хлеба и зрелищ - (лат.) ^

Адам Кадмон (евр. "Адам первоначальный", "человек первоначальный") - в мистической традиции иудаизма абсолютное, духовное явление человеческой сущности до начала времен как первообраз для духовного и материального мира, а также для человека ^

Х

Тихая черная ночь застилала непроницаемой пеленой озеро, по которому бесшумно плыла лодка. Ее уключины были обернуты тряпками. Экипаж молчал. На руле сидел сам Валентин, зорко всматриваясь в даль. Вот во мраке ее замигал огонек фонаря. Через десяток минут в темноте стали слегка вырисовываться очертания стен. Еще несколько ударов весел, и лодка причалили к берегу.

Стена поднималась прямо с узкого заплеска - и, немного пошарив, христиане нащупали в деревьях лестницы, свешивающиеся сверху. Перекрестившись, стали взбираться. На стене не видно и не слышно было ни души. Шумели только величавые кедры, своими пышными кронами местами перевешивавшие стену. Взобравшиеся перебросили лестницы в парк и в таком же безмолвии спустились в тонущую во мраке древесную гущину. Их проводником стал Марк. Молодой еврей, видимо, внимательно изучил дорогу и уверенно вел товарищей по узким аллеям, напоминавшим скорее лесные тропы. Скоро они остановились у подножия внутренней стены близ Башни Духов.

"Теперь, - почти шепотом сказал Марк Валентину, - стойте. Я поднимусь один и попытаюсь парализовать астральных духов. Во время сеансов это нам удавалось. Я шевельну лестницей, когда вам нужно будет подыматься".

Он стал карабкаться по одной из двух лестниц, висящих и здесь, и скрылся в темноте. Его отсутствие казалось бесконечно долгим. Валентин дошел до нервной дрожи, каждую минуту ожидая какой-нибудь тревоги у охранителей замка. Старец Иоанн успокоительно потрепал его по плечу... Наконец лестница тихо качнулась. В одно мгновение все очутились на стене. Там царило то же безмолвие. В окнах тамплиерских казарм кое-где светились огоньки и по временам слышались голоса, но на стене ни одного часового. Дверь Башни Духов была открыта.

- Я подделал себе ключ, - вполголоса сказал Марк. - А духи висят неподвижно, где кто был. Если бы у вас было астральное зрение, они бы вам показались рыбами, заснувшими в воде.

- Вижу их, заметил старец Иоанн, вон два безобразных существа около самой Лидии... Но бедная, она лежит, как мертвая... Разверните простыни.

Он шагнул в башню. Из угла раздался тихо звенящий звук. Христиане вздрогнули и

попятиться. Марк смутился. Старец осенил воздух башни широким крестом.

- Чада стихий, стойте в безмолвии... Лидия, тебе говорю - очнись. Он тихо оглаживал ее волосы. В башне все стихло. Лидия слабо зашевелилась.

- Иисусе, прошептала она, ты ли посетил меня?

- Молчи, моя дочь. Он нас привел к тебе. Завертывайте ее.

Ободрившиеся христиане, под указаниями Валентина, обернули ее простыней, четверо дюжих молодцов стали спускать ее по лестницам, на веревках, как тюк, медленно, внимательно, стараясь не зацеплять ее за стену. Все это тянулось мучительно долго, пока наконец вся процессия не двинулась быстрыми шагами к внешней стене. Когда Лидию стали подымать на нее, Марк сказал Валентину: "Ну, а я побегу в Башню. Нужно поддержать парализацию духов. Вы слышали, они чуть не проснулись. Я так и обмер со страха". И он быстро побежал назад, бросив наскоро: "Уходите живей, а я сам уйду".

"А меня, братья, уж вам придется взять с собой, - произнес тихо подошедший Яни Клефт. - Теперь из меня все жилы вытянут, если поймают".

Валентин сам себе не верил, когда лодка отчалила от берега. Необычайная удача казалась чудесным сном. Но лодка, в том же мраке ночи, быстро двигалась вперед. Гребцы налегли всеми силами. На дне лодки лежала Лидия, склонив голову на колени старца. Она ни о чем не расспрашивала и только ослабевшими губами шептала благодарственную молитву и призывала Божие благословение на своих избавителей.

Переплыв озеро, компания разделилась. Лидию уложили в повозку на сене. С ней сели старец, Валентин, Клефт и во весь карьер помчались к огороднику Ивану. Остальные разными путями потянулись к городу в свои жилища.

Хутор Ивана и Марии находился в нескольких верстах от Иерусалима, в глубоком овраге Вада Руми, среди пустыни. Хутор был скрыт сверху роскошными пальмами, пышно раскинувшимися около ручья, вдоль которого тянулся огород Ивана. В каменных обрывах Вади Руми было много пещер, в которых гостеприимные хозяева прятали скрывающихся христиан. Впрочем, приют был слишком непрочен для таких беглецов, как Лидия, и ее предполагалось немедленно вывезти дальше, в сирийские убежища.

"Пусть только немножко поуспокоится и отдохнет, - сказал старец Иоанн, - а завтра я сам повезу ее в наши горы. Там она уже будет в безопасности".

Яни Клефта предполагали отправить в провинцию, пока не пройдет первый пыл розысков, но он заявил, что еще поразмыслит и пока останется в Вади Руми. Валентин же, полагавший, что его участие в похищении Лидии останется неизвестным, возвратился в Иерусалим, где должен был примкнуть к восстанию.

В то время, когда на хуторе отдыхали в сладком покое после всех трудов и тревоги, пробудившийся Тампль и дворец Великого Устроителя кипели волнением. Прежде всего обнаружилось, что на обеих стенах не имеется на постах часовых. Их немедленно разыскали. На допросе они показали, что сам начальник караула, Яни Клефт, перевел их на другие места. Хватились Яни: он, оказалось, исчез. В тоже время Аполлоний узнал, что Лидия пропала из Башни. Поднялась страшная сумятица. Она еще более усилилась, когда на рассвете какие-то быстро скрывавшиеся люди начали было разбивать окна дворца Антиоха, а в некоторых частях города толпы, правда, очень небольшие, произвели нападения на полицейские посты. Полиция

зашевелилась, вооруженные силы приготовились к действию... Однако день подвигался вперед, а ничего особенного не происходило, и к вечеру стало ясно, что попытка восстания почему-то не состоялась.

Изо всех происшествий дня осталось лишь одно в своем роде важное и тревожное - исчезновение Лидии. Аполлоний по этому поводу рвал и метал. Антиох сначала был также встревожен - не судьбой Лидии, которой не придавал значения, - а слабостью надзора за Тамплем. Но когда дознание решило, что похищение совершено несомненно Яни Клефтом, он успокоился. Разумеется, начальник караула может обойти самый образцовый надзор. Деяние же Яни, очевидно, исключительное, вызванное тем, что он влюблен в Лидию. Происшествие, стало быть, не бросает тени на бдительность и верность гарнизона. Так рассуждал Антиох. Однако же преступник должен быть разыскан и понести примерную кару.

XI

Итак, Валентин торжествовал великую победу, но Эдуард Осборн ходил далеко не веселый. Он был не доволен ходом заговора. Христиане стекались к нему в огромном числе, но остальное население примыкало слабо. На него производили большое впечатление правительственные прокламации, которые напоминали бедствие прошлого и заслуги Великого Устроителя и говорили о безумии людей, способных из-за чародейства христианских колдунов попасться на удочку заговорщиков. Прокламации обещали, что колдовству будет скоро положен конец, и прежнее благоденствие расцветет в стране. Под влиянием этого, движение принимало вид чисто христианского, и масса христиан была этим очень довольна. Она хотела восстания во имя Божие, с крестами и хоругвями. Осборн понимал, что при таких условиях восстание осуждено на разгром, но ничего не мог сделать. Власть полномочного диктатора трещала по всем швам, и канун решительных действий был для Эдуарда днем горьких сомнений. Но остановить движение уже не было возможности, тем более, что если бы восстание даже не состоялось, Великий Устроитель все равно начал бы истребительные репрессии среди христиан, осмелившихся замышлять его низвержение. Таким образом, заговорщики лихорадочно готовились к борьбе следующего дня.

Валентин не хотел покидать своих в их безнадежном предприятии. Неожиданно среди заговорщиков появился и Яни Клефт. Его не легко было узнать. Он старательно изменил физиономию, нарядился в горский албанский костюм и расхаживал каким-то красавцем паликаром [1].

- Вы почему же очутились здесь? - с удивлением спросил Валентин.

- Пришел рубиться со врагами Христа, - весело отвечал Яни, подкручивая свой длинный ус и сжимая эфес великолепного прадедовского ятагана.

- Отрицаюсь Сатаны, и всех дел его, и всего служения его...

Валентин не стал разочаровывать его. При разговоре он не мог надивиться перемене, происшедшей в Яни. Он остался храбрым и несколько легкомысленным рубакой, но горел, как вулкан, рвением к делу Христову. Рыцарская любовь к Лидии совсем преобразила его. Мученица рисовалась ему светлым ангелом, благословляющим его на подвиги. Он не думал о ней как женщине, но благоговел в ней пред идеалом, пред светлой мечтой всего истинного и прекрасного. Смерть за нее, за веру, за Христа - сливались у него в нечто нераздельное, и он, с юности отставший от веры, теперь возвратился к ней с энтузиазмом рыцаря-крестоносца. Смерть не пугала его. Он рисовал себе, как Лидия узнает о его гибели в бою за Христа и,

может быть, затуманятся ее глаза слезою при молитве о спасении души его. Это казалось ему завидной участью...

Но быстро летело время. Ночью буквально все стены домов были покрыты правительственными объявлениями об отсрочке Национального праздника на один день в виду восстания христиан. Население приглашалось смиренно сидеть по домам. Великий Устроитель решил резко отметить, что все движение есть не что иное, как мятеж одних христиан, и вполне успел в этом. На утро, еще в сумерки, в разных частях города появились отряды восставших. Их можно было насчитать несколько десятков тысяч, и все это были почти исключительно христиане. Они шли с крестами и хоругвями, и пением гимнов. Остальное население не шелохнулось. Там, где отрядам удавалось прорваться в продовольственные магазины, сбегались толпы других граждан, но, расхватав наскоро припасы, так же быстро разбежались по домам. Схватки с полицией и воинскими частями легли на плечи одних христиан. Ни одна тюрьма не могла быть взята, ни один арест властей не удался. Всюду христиане встречали превосходные силы полиции и войска. Но бились они с отчаянным мужеством.

Ранним утром к Антиоху явилась от рыцарей Тампля депутация, организованная Гроссмейстером Лармением, который хотел поднять репутацию своего корпуса. Депутация просила пустить тамплиеров на самые опасные места, чтобы они могли загладить изменническое деяние Яни Клефта. Великий Устроитель, желая показать им свое доверие, принял лично командование их отрядом. В то же время Аполлоний поторопился испробовать на деле свои психические батареи и, наскоро собрав их, направил на указанные Антиохом пункты. К середине дня по всем частям города происходили горячие бои разбросанных отрядов. Главное руководство силами восставших принял на себя Осборн. Действиями правительственных войск распоряжался сам Антиох.

Ввиду сравнительной малочисленности и разбросанности христианских отрядов, у Великого Устроителя явился план оттеснить их всех к Тамплиерскому озеру, чтобы изолировать от города, окружить и истребить. Осборн, наоборот, всеми силами старался удержать свои отряды на всем громадном пространстве города, закрепляясь в баррикады. Он надеялся, что, продержавшись до ночи, успеет вовлечь в восстание какую-нибудь часть остального населения. Но превосходство сил давало все преимущества Антиоху. Повсюду отряды христиан, после мужественного сопротивления, должны были отодвигаться в том направлении, которое противник оставлял для них свободным. На некоторых особенно упорных баррикадах психические батареи Аполлония производили поразительное действие. Немногие защитники укреплений могли устоять против чар, сковывающих их члены неодолимой дремотой. Множество христиан засыпали парализованные и захватывались в плен. Другие спасались только бегством. Марка Аполлоний нигде не мог найти при этих подвигах своих батарей: оказалось, что он лежит якобы больной у отца. Хитрый юноша уклонился от действий против восставших... В общей сложности план Антиоха неудержимо подвигался к исполнению, и после полудня все силы христиан оказались сбитыми в парке около Тамплиерского озера. Переправа на другой берег была для них отрезана наскоро устроенными плотами, занятыми вооруженной силой, и с остальных сторон их облегли густые колоны правительственных войск.

Парк однако представлял хорошие естественные условия для обороны, тем более, что скрытые в густой чаще отряды христиан уже не давали заметного объекта, на который могли бы направляться действия психических батарей. Пользуясь невольным сосредоточием своих сил, Эдуард высматривал какое-нибудь слабое место противника, чтобы испытать единственное средство спасения своего войска - прорваться совсем за город и уйти в горы. Но Антиох не позволил ему этого и, решив одним ударом покончить борьбу, двинул все свои силы в общую атаку.

Так произошла великая битва при Тамплиерском озере, в которой Антиоху суждено было сокрушить силы христиан. Обе стороны дрались с беспрецедентным ожесточением. Во многих пунктах, несмотря на численную слабость, христиане успели сломить и обратить в бегство своих врагов. Ободренный Осборн уже подумывал снова ворваться в город. Но тут все перевернул на иной лад неудержимый натиск тамплиеров. До сих пор они красовались в бездействии, выделяясь своей оригинальной одеждой. Получив новейшее усовершенствованное оружие, тамплиеры сохранили древнюю рыцарскую форму, в том числе длинный белый плащ, на котором прежний крест был заменен ярко-красной пятилучевой звездой. Все время Антиох держал их в резерве и рыцари сгорали от досады, что почти не имели участия в бою. Теперь Великий Устроитель сам обратился к ним с горячей речью.

"Настала минута, - сказал он, - когда все зависит от нас. Если мы не сломим христиан - бой проигран. Я лично поведу вас. Покажите же, что тамплиеры не забыли древних статутов [2]: умирать, но не знать отступления".

Полные свежих сил, с пылом самозабвения, рыцари клином врезались в истомленные и уже расстроенные ряды противников. Ничто не могло устоять против их бешеной атаки. Они пробились в самую середину христиан, повернули направо, потом налево, разрывая их на несколько частей и набрасывая один отряд противников на другой. В полчаса армия Осборна превратилась в беспорядочную, охваченную паникой толпу. Все думали только о бегстве, но и бежать было некуда. Беглецов всюду перехватывали, и лишь немногим удалось скрыться на другую сторону озера. Сам Эдуард Осборн, жестоко израненный, был схвачен рыцарями и принесен к ногам торжествующего Антиоха.

Склоняющееся к закату солнце освещало картину полного разгрома христиан. Весь парк был усеян их трупами и стонущими ранеными. Пленных толпами гнали в город к тюрьмам и казармам. Отряды Антиоха возвращались с музыкой и распущенными знаменами, а за ними тянулись обозы, нагруженные ранеными и огромными грудями крестов и хоругвей, подобранных на залитом кровью поле битвы. Другие отряды обшаривали парк, высматривая, не прячутся ли где побежденные, и отбирая раненых от убитых. А из города выступали бесчисленные толпы народа, восторженными криками приветствуя триумфатора, против которого десятки тысяч из них несколько дней назад готовились поднять знамя бунта.

"И дано было ему вести войну со святыми и победить их" [3], - шептал раненый христианин, распростертый на телеге, битком набитой его товарищами по несчастью.

Паликар (букв. сильный молодец) - солдат греческого или албанского происхождения, одетый в албанский наряд и вооруженный длинным турецким ружьем, двумя пистолетами и длинным кинжалом. Паликары, не состоявшие ни у кого на службе, образовывали самостоятельные отряды (таких паликаров в народе называли - клефты, ср. с фамилией Яни). Паликары-клефты участвовали в борьбе за освобождение Греции от турецкого ига в 20-х гг. XIX в. ^

Статут - положение, закон. В Средние века - название привилегий городов, аристократии, духовно-рыцарских орденов и т.д. ^

См.: Откровение 13, 7 ^

XII

Антиох поднялся утром, от своей полудремоты, свежий и бодрый, с выражением твердой непреклонности. Он решил в предстоящий день окончательно принять власть над миром. Ночью он совещался об этом с Люцифером и получил полное его одобрение. Дух противления сообщил ему вместе с тем, что Энох и Илья придут на Национальный праздник. "Не бойся

их, - заметил он, - я сам буду с тобой". Антиох после того вызвал к себе Аполлония, совещался с ним о своих планах и приказал иметь наготове все магические средства. "Никакие несчастья и неудачи не должны омрачить моего торжества", - сказал он.

Жители города могли начать свое праздничное гуляние с самого раннего утра. Повсюду виднелось множество павильонов, где можно было и выпить и закусить. Роскошные декорации города сами по себе составляли зрелище неистощимого разнообразия. Народ особенно теснился около огромного собора, теперь получившего совершенно необычный вид.

Этот древний почитаемый храм был при Антиохе почти отнят у христиан. Его заперли, и церковные службы в нем допускались чрезвычайно редко. Теперь на нем исчезли все символы христианства. Кресты были сняты и заменены ярко блестящими пентаклями [1]. Все образы и стенная живопись снаружи и внутри сняты и соскоблены. От кровли до земли стены были теперь покрыты причудливыми узорами из каббалистических фигур и знаков. Над дверями и окнами красовалось особое символическое изображение, в котором, как толковала толпа, нужно искать монограмму Великого Устроителя. "Это его печать, - объясняли более осведомленные, - она уже изготовлена для официальных бумаг". Двери собора были настежь открыты и полиция позволяла народу проходить внутрь, выпуская его через противоположные двери. Проходящие с любопытством замечали, что алтарь был очищен от всех христианских символов, а престол превращен в раззолоченный трон, над которым виднелась та же загадочная "печать". "Что же тут будет происходить", - спрашивали все друг друга? Но никто не мог объяснить.

Среди веселой толпы изредка попадались и мрачные фигуры христиан. Они с ужасом поглядывали на храм, и особенно на престол. "Какое поругание", - шептал один; "Вот и антихристовая печать готова", - замечал другой; "Спаси Господи, дай силы не поддаться врагу", - тихо слышалось у третьих. В шуме толпы незаметны оставались эти робкие выражения негодования, но сама мрачность лиц возбуждала враждебное внимание граждан. "Вот шлятся христианские колдуны, - громко кричали в одном месте, - что вам нужно, убирайтесь отсюда". "Давно бы пора их всех на веревку", - замечали другие... И съжившийся христианин старался незаметно стусеваться и как-нибудь выбраться подальше, чтобы юркнуть домой.

На главной площади, перед статуей Люцифера, неподалеку от разукрашенной эстрады, на которой возвышался трон Великого Устроителя, окруженный креслами высших лиц управления, народ обращал внимание на огромный своеобразный костер: на нем горой навалены были кресты и хоругви. Все это, очевидно, предполагалось сжечь. Но программа праздника оставалась сначала неизвестной.

Несколько позднее по всем частям города помчались сотни герольдов, останавливаясь на всех перекрестках и готовясь, после призывного трубного звука, возвестить гражданам объявление Великого Устроителя. Тем временем он сам, с Советом Союза, окруженный тамплиерской лейб-гвардией, прибыл в великолепном кортеже к назначенной ему эстраде. Толпа народа бурными криками приветствовала его, а огромный хор музыки грянул новый торжественный марш, пока на эстраде все размещались по своим креслам. Аполлоний в яркой красной мантии и таком же магическом колпаке сел рядом с Антиохом на трон, несколько ниже трона Великого Устроителя.

И вот великий человек встал и поднял руку. Все смолкло, и среди мертвого молчания тысячеголовой толпы он начал речь. Он весь светился вдохновением, и твердый голос его ясно разносился на огромное пространство вокруг.

Все человечество Земного Шара, говорил Антиох, сегодня празднует новую Эру, открытую им,

которого оно объявило Великим Устроителем. И человечество не ошибается. С ним действительно является новая Эра и новое устройство мира. Но эта новая Эра лишь в слабой степени начата тем, что он доселе успел совершить. Перед ним стоят задачи неизмеримо более грандиозные, и теперь наступил час полного раскрытия великого дела. Люди должны сознать ныне, что человечество в течение долгих тысячелетий было жертвою обмана. Мир в действительности создан вовсе не Иеговой. Он устроился только тогда, когда из сочетания его существеннейших элементов возник сам собою человек, Адам Кадмон. Но один из великих Духов вселенной, назвавший себя Богом и выдавший себя за будто бы создателя мира, поработил человека для того, чтобы пользоваться его духовной силой, которою держатся высшие сферы вселенной. Этот Дух уговорил людей, будто бы вся их жизнь зависит от него, и дал им такие законы, вследствие которых они подчиняются ему. Напрасно боролся против него другой великий дух, Люцифер, в сущности более сильный, но занявший более невыгодное положение. Он был побежден, и Бог объявил его Злым Духом, хотя в действительности - он то и есть дух добра и правды, любит людей и всегда им помогает. Весь этот обман достиг высшей степени, когда явился Иисус, обещавший людям разные мечтательные блага после смерти, и окончательно сковавший их при жизни. Две тысячи лет продолжалось это утонченное порабощение, но нарастающий, несмотря на помехи, дух человеческий, при помощи благодетельного Люцифера, одолел наконец силы обмана и достиг самосознания. Человек соединяет в себе все элементы вселенной, от материальных до высших духовных, движениями которых управляется мир материальный. Человек поэтому есть истинное божество, когда сознательно овладевает всеми этими силами. И такой Человек-Бог наконец явился в нем, Антиохе. Он есть в действительности то, чем Иисус назвал себя обманно. Он - Спаситель человечества, он - Христос, помазанник не какого-либо одного бога, но всех элементов бытия. Он имеет силу обладать законами природы, и это обладание направит на то, чтобы дать людям блаженство не где-нибудь за гробом, а здесь, на земле. Но для достижения этого нужно сначала низвергнуть владычество Бога, и прежде всего Иисуса. В этой мировой задаче ему поможет Люцифер, который и сам, при помощи людей, достигнет наконец подобающего ему первенствующего места во вселенной, а человек получит долю участия в управлении ею и полную самостоятельность в своих собственных делах.

- Сограждане, - сказал Антиох, - прославим его за данное им устройство. Но эта заслуга ничтожна в сравнении с тем великим переворотом, который ему предстоит совершить и после которого человечество впервые станет самим собой. Это - начало в полном смысле новой жизни, момент величайший в истории.

На основании всего этого он, Антиох, властью человечества, ему присущей, объявляет:

1) власть Бога и Иисуса, именуемого Христом, уничтожается; 2) христианство как преступный обман и посягательство на свободу и благо человечества - уничтожается и объявляется высшим государственным преступлением; 3) он, Антиох Масон, признается Человекобогом, истинным богом человечества; 4) Люцифер признается высшим богом вселенной, Союзником и Покровителем человечества.

Это объявление, одновременно с речью Антиоха, читалось герольдами по всей столице.

В заключение Антиох заявлял, что настоящий день посвящается тождественному чествованию новой открываемой им Эры жизни.

Речь Человекобога была весьма продолжительна и произнесена с чрезвычайным подъемом. В ней Антиох формулировал в законченном виде те доктрины, мысли и пожелания, которые более отрывочно и неопределенно составляли в сущности уже общее достояние времени. Громадная толпа слушала выразителя этих идей и чаяний с напряженным вниманием и по

окончании покрыла его речь каким-то ревом восторга. Антиох гордо стоял, взвешивая силу произведенного им впечатления, как вдруг послышался громкий голос:

"Безумный человек, безумные люди, в какую пропасть погибели вы себя низвергаете!"..

Никем не замеченные два пророка прошли через толпы и стояли теперь перед эстрадой, полные негодования. По всей массе народа разбегающимися волнами пронеслось: "Бродячие колдуны явились", мертвая тишина сменила бурю восторгов, и среди общего молчания отчетливо раздалась речь Ильи:

"Ты, объявляющий себя Человекобогом, воображающий захватить власть над вселенной, - ты не знаешь, что ты просто больной, от гордости, и лишившийся разума, и утративший всякое понятие о действительной природе человека. Создание Бога, человек, наделен от него великими силами, но они живы только при соединении с Богом. Это не силы самого человека, а силы Бога. Отрекаясь от него, человек их теряет.

Ты объявляешь Сатану-Люцифера высшим Богом и покровителем людей. Но он такое же создание Бога, перед которым - ничто все силы его. И не покровитель он человечества, а губитель. Он не откроет тебе своей истинной мысли, но теперь слушал тебя с усмешкой. Ты воображаешь, что он разделит с тобой власть над вселенной, признает тебя своим союзником и даст людям свободу в устройении их жизни. Но Люцифер не захотел признать власти даже самого Бога; он даже собственных ангелов держит в рабском подчинении. Тебе ли он даст власть и независимость? Он старается отвратить вас от Бога только затем, чтобы поработить себе. И вы слепо идете на этот обман, подвергая себя той же вечной гибели, которая предназначена ему"...

Антиох слушал, устремив пристальный взгляд на пророков.

"Все сейчас увидят на деле, какова моя сила, и какова ваша", - сказал он грозно. Его глаза сверкали, как будто метали молнии, вся фигура напряглась, как бы готовя сокрушительный удар. И вот он поднял обе руки и махнул ими в сторону пророков... Толпа вздрогнула, и вдруг раздался неистовый крик ее:

"Он их умертвил! Погибли колдуны!.. Слава Человекобогу!"

Оба пророка, действительно, пали на своих местах, бездыханные, как подкошенная трава. Они лежали неподвижно. Антиох с гордым презрением смотрел на них, а по волнуемому морю голов все громче, все дальше раскатывался крик: "Он их уничтожил! Они погибли! Слава всемогущему Антиоху, истинному Человекобогу!", - толпа стала густо надвигаться к трупам. Ни полиция, ни цепи войска не в состоянии были ее сдерживать.

"Ни с места, - раздался повелительный голос Антиоха... - Вы все увидите умерщвленных мною богохульных мертвецов".

По его приказанию отряд тамплиеров взвалил мертвых пророков на носилки и сложил их тела на ближайшую эстраду, очищенную от оркестра музыкантов.

"Они останутся здесь, - обратился Антиох к народу, - до тех пор, пока все желающие не осмотрят их и убедятся, что обманщики мертвы. Но эти трупы не должны задерживать нашего праздника".

И праздник начался во всю ширь. Главными пунктами его программы, возвещенной герольдами, являлись: 1) Восшествие Антиоха на престол низвергнутого Бога; 2)

Торжественное прославление Люцифера; 3) Народный пир и увеселения. По распоряжению Антиоха, все нужное для этой программы было заранее заготовлено, по возможности незаметно для публики.

"Но предварительно, - произнес Антиох, - мы должны почтить нашего верного помощника Аполлония Загрота".

Он взял роскошную митру, сверкающую драгоценными камнями и увенчанную бриллиантовым пентаклем, и позвал Аполлония. Тот преклонил колени, и Антиох возложил на него митру.

"Властью Человекобога, - сказал он, - возвожу тебя в звание Верховного Первосвященника истинной религии Человекобожия. Будь верен мне и помни, что я истинный Христос, приемлющий власть, узурпированную Иисусом. Моей же властью утверждаю тебя Верховным Первосвященником моего друга и союзника Люцифера".

Аполлоний поднялся на ноги, и в воздухе тотчас зазвучали гимны, воспевающие Человекобога и Люцифера. Народ осматривался, но нигде не замечал незримых певцов.

"Духи природы, - объяснил Аполлоний, - первые начинают Хвалу Человекобогу. Они же первые приветствуют своими дарами освобожденное человечество".

И тотчас из воздуха посыпались на толпу целые каскады живых цветов, которые расхватывались ликующим народом.

После этого к эстраде подъехала раззолоченная коляска, запряженная белыми лошадьми, и Антиох, окруженный взводом лейб-гвардии, медленно двинулся посреди теснящейся толпы к храму, возбуждавшему с утра такое всеобщее любопытство. В дверях его встретил ранее прибывший Аполлоний, приветствуя его речью, наподобие молитвы, а хоры певцов и музыка воспевали величие Человекобога, пока он следовал в алтарь, к престолу, на котором и воссел. Аполлоний с целым штатом священников отслужил нечто вроде мистерии, изображавшей порождение человечеством Человекобога. Он окурив престол драгоценными фимиамами, и поклонение новому Богу было закончено концертом. После этого виновник торжества отбыл к статуе Люцифера.

Здесь Антиох произнес в честь Люцифера речь, благодаря его за покровительство людям и прославляя за мужественную борьбу против Бога. Аполлоний отслужил перед статуей молитвенный церемониал с курением благовоний. В заключении же был зажжен костер из крестов и хоругвей. "Да уничтожатся в честь твою, - произнес Великий Первосвященник, - эти символы сокрушенного рабства людей".

Остальная часть дня была посвящена всенародным пиршествам, а ночь, после блестящего фейерверка, весь город, при пособии всюду выставленных бочек вина, провел в оргиях пьяного разгула. В этих разнузданных толпах виднелись там и сям дамы высшего света, среди которых особенно выдавалась бесстыдством знаменитая красавица Фрина, дочь Гроссмейстера Лармения.

Лармений, личность ловкая, но грязная, вырастил и дочь по себе. Ее любовные похождения считались десятками и иногда приносили отцу немало выгоды. Ставши любовницей Аполлония, она доставила Лармению его могущественную протекцию. Эта связь, впрочем, не стесняла ни ее, ни Мага в других похождениях.

Так прошел самый торжественный день в жизни Антиоха. Радость переполняла сердца его подданных и последующие три дня. Вассальные правители и миллионы частных лиц осыпали

его поздравительными подарками в честь его победы над пророками. Это событие особенно восхищало всех. При вести о гибели пророков словно гора спадала с плеч обличаемых. Они только тут поверили в торжество человечества над законами Бога, сковывавшими их страсти. Лишь на четвертый день общее триумфальное настроение было разрушено непостижимым воскресением умерщвленных обличителей.

Т.е. пятиконечные звезды ^

XIII

Ночная тишина сменила дневной грохот битвы при Тамплиерском озере. Отряды войск удалились. Не было даже часовых. Нечего уже было сторожить. Раненых, своих и чужих, уже отобрали и увезли. Убитые воины правительственной армии были также увезены в город для почетного погребения. Убитых христиан сложили на месте битвы длинной грудой около общей глубокой канавы, в которую их должны были закопать ранним утром до наступления Национального праздника. Мертвая тишина изредка нарушалась только тяжелым хлопаньем крыльев совы, отыскивающей свое прежнее жилище, да ее печальным криком в густой чаще расщепленных и сваленных деревьев. Бледный луч луны, проскальзывая меж ветвей, освещал там и сям изломанный кустарник, вытопанную траву да бурые пятна крови, смешанной с грязью... Но в этом царстве смерти оказалось и живое существо.

Осторожно осматриваясь, из дупла огромного дуба вылез человек. Он спустился на землю и стал пробираться к озеру. И вот его путь преградила бесконечно длинная гряда трупов. Он остановился, ища прохода. "Боже мой, сколько погибших, какой страшный разгром", - прошептал он.

Этот человек был Яни Клефт, запачканный, оборванный, в пятнах крови своей и чужой. Отчаянно бился он в сражении, пока не увлекла его толпа, панически бегущая от натиска тамплиеров. Напрасны были его усилия остановить эту стихию. Несколько раз толпа сбивала его с ног и затаптывала, и он, спасаясь от своих, а не от врагов, взобрался на могучий дуб, о который разбивался поток беглецов. Высоко над ним зияла черная нора обширного дупла, куда он и поспешил опуститься. Отсюда он наблюдал агонию боя, и здесь же глубоко запрятался, когда победители обшаривали парк. Теперь он шел в унынии вдоль гряды трупов. Роковой исход битвы удручал и изумлял его. "Здесь пал весь цвет христианства, - думал он, - не дал Бог благословения оружию святых. Как могло это случиться?" Яни был совершенно уверен в победе... Вдруг слабый стон привлек его внимание. На верху кучи трупов лежал распростертый кто-то еще живой, над самой могилой, куда его первым должны были сбросить через несколько часов. Яни подошел, всмотрелся и узнал - Валентина!

Запекшаяся кровь склеивала его длинные кудри, растеклась по шее и груди, но он был еще жив. Что делать? Крепкий и сильный Яни получил лишь несколько поверхностных ран. Вытащить товарища хватит сил, но куда? Он решил пока нести раненого на ту сторону озера, а там будет видно. Взвалив Валентина на плечи, он спустился в воду и поплыл одетый, вдоль берега, поддерживая голову его на поверхности. "Пусть хоть кровь обмоется", - подумал он. Холодная ванна, однако, освежила Валентина и на берегу он мог связно говорить. Череп у него был как будто цел, но двигаться он не мог. Перевязывая ему голову тряпками, Яни рассудил: "Как ни как, надо добраться до Вади Руми, больше некуда деваться". Он снова взвалил Валентина на плечи и двинулся вперед, изнемогая от истощения. Вряд ли хватило и у него сил пройти и четверть пути, но, к счастью, впереди неожиданно показался сам Иван. Он шел в город узнать об исходе боя и теперь услышал от Яни печальные новости... Но вдвоем они могли уже дотащить раненого до спасительного убежища.

Здесь Валентина уложили в пещере, а Яни нарядился в арабское платье и приготовился, в случае чего, разыграть роль хуторского рабочего. Мария, с молодости усвоившая искусство арабов обращаться с ранами, немедленно принялась ухаживать за обоими, перевязывая их и обмывая настоями разных трав.

Среди этих забот печально тянулось время обитателей Вади Руми в унылых разговорах о торжестве Антиоха, а тут еще они скоро были напуганы страшными колебаниями почвы и подземными толчками землетрясения. Все бросились к Валентину, боясь, не обрушилась ли его пещера. Но все оказалось благополучно. Отделались одним испугом. Так проходил день за днем, и Яни уже подумывал отправиться в Иерусалим на разведку, потому что чувствовал себя хорошо, да и здоровье Валентина, видимо, шло на поправку.

Но вот на крутых спусках Вади Руми показался путник с двумя навьюченными ослими. Иван узнал своего приятеля Франца, тоже христианина, - ремеслом каменщика. Он поведал пустыннокам множество необычайных происшествий и сказал, что епископ Августин прислал его осмотреть пещеры ввиду наступающих гонений и передать Ивану продовольствие, которым нагружены ослы.

Хуторяне с напряженным вниманием слушали рассказ Франца о поразительных событиях, происшедших за это время. Он расхаживал по всему Иерусалиму, многое сам видел, другое знал от людей. Передал он о речи Антиоха, об умерщвлении Эноха и Ильи, о том, как Антихрист воссел в храме, выдавая себя за Бога, и о том, как совершалось поклонение Люциферу. Три дня нечестивые безбожники предавались неистовой радости, а пораженные христиане были погружены в уныние и тоску, которых не могли рассеять ни епископ Августин, ни православный патриарх Василий, ни Римский Папа, прибывший на днях в Иерусалим. "Враг побеждает и самих посланников Божиих, колеблет все царствие Божие", - слышалось между христианами. Их охватывало сомнение в могуществе Бога. Но на четвертый день произошло неожиданное чудо.

Франц проходил мимо эстрады, где лежали трупы пророков. Как всегда, здесь толпился народ и слышались насмешки над посрамленными "колдунами". И вдруг Энох и Илья пошевелились и поднялись на ноги... Пораженная толпа готова была разбежаться, как послышался сверху голос и оба пророка вознеслись к небу. Они остановились на облаках и все глаза были устремлены на них. Вдруг раздался оглушительный подземный гром и страшное землетрясение потрясло весь город. Едва ли не десятая часть зданий рассыпалась в развалины, под которыми погибло множество человеческих жертв. Не только христиане восклицали: "Слава Господу Всемогущему", но и остальные с трепетом повторяли: "Велик Бог христианский!"

- Слава Господу Всемогущему, велик Бог христианский, - благоговейно произнесли, крестясь, Иван, Мария и Яни.

- Язычники, - продолжал Франц, - были в таком ужасе, что только разбежались, не думая о помощи пострадавшим, и одни наши христиане бросились в развалины, вытаскивая раненых и придушенных, рискуя, что и их самих засыпят разваливающимися сводами зданий. Я также работал изо всех сил, и много народа спасли мы от мучительной смерти. Но эти ожесточенные люди не чувствуют даже благодарности. На другой же день явилось объявление Антиоха, полное угроз против нас. Он обвинял нас в колдовстве и в том, что мы будто бы взорвали город, и заслуживаем жесточайших наказаний. Явился декрет о безусловном воспрещении поклоняться Христу под страхом смертной казни. Начали всюду хватать христиан. Схватили и Патриарха, и Папу. Всех арестованных заключают в тюрьмы Тампля, уже, говорят, битком набитые. Епископ Августин, слава Богу, уцелевший, всюду готовит новые убежища. Меня вот

послал к вам. Только трудно будет найти так много помещений, если Господь не прекратит гонения.

- Всяких щелей в обрывах у нас довольно, - сказал Иван, - да они по большей части очень заметны, а закрывать их камнями - это такой труд, на который нужно много народа.

- Ну, пойдем делать, что можем.

Все четверо принялись за работу. Прежде всего замаскировали пещеру Валентина, который, узнав о всех событиях, сам порывался помогать, но Мария насильно уложила его. "Ты в три-четыре дня встанешь на ноги, если не будешь беречь ран, - сказала она, - потерпи немного". Впрочем, к вечеру пришел от епископа еще десяток человек и работа пошла быстрее. Прибывшие рассказали, что теперь в Иерусалиме пользуются для убежищ и развалинами от землетрясения; епископ Августин устраивает среди них церковь в погребе. Но большая часть народа потянулась в Сирию, к старцу Иоанну. Марии передали хорошие вести о сыне, о котором она страшно беспокоилась: он жив, здоров и постоянно находится при епископе. Бедная женщина все мечтала, как бы хорошо было, если бы Юсуф прибыл в Вади Руми: уж она бы его запрятала! Яни Клефт, подмечавший ее горе, подыскал ей на случай приезда сына такую пещеру, лучше которой нельзя было и представить...

Но усердно помогая работающим, Яни Клефт все раздумывал: здесь ли ему место, этим ли ему заниматься. Ночью он открыл свою душу Валентину:

- Неужто же участь христиан - только прятаться в тайниках? Неужто мы не можем противопоставить насильнику силу самозащиты? Я здоров, силен, я воин... Что же я тут буду сидеть в бездействии?

Валентин указывал ему, что явно в последнее время такая борьба бесплодна, так как она решится только пришествием Христа, но Яни не сдавался. Конечно, Христос уничтожит врагов, но разве этим возбраняется ему, Яни, бороться в меру его человеческих сил? Нет, он не будет сидеть сложа руки и будет искать способов хоть в чем-нибудь подрывать злодеяния Антиоха.

- Да что, друг, - сказал Валентин, - иди куда тебя зовет совесть. Конечно, кое-что можно сделать. Ну вот мы Лидию спасли. Когда поправлюсь, то я и сам думаю: нельзя ли вырвать из тюрьмы Патриарха и Папу.

- Тогда рассчитывай на мою помощь. Но следовало бы также подумать о судьбе Осборна.

На утро Яни простился с Вади Руми и двинулся в Иерусалим вместе с Францем, которому пора было возвращаться к семье.

XIV

Яни рассчитывал найти в лагере противников некоторую обескураженность, под влиянием чудесного воскресения пророков и разрушения города землетрясением. Но Антиох боролся с изумительной энергией, стараясь поднять дух своих приверженцев. С утра до ночи по городу шли смертные казни участников восстания. Воскресение пророков было объявлено простым чародейством. "Пусть они идут на небеса, - говорилось в правительственном воззвании. - Мы сумеем и там достать их". В доказательство этого Аполлоний проделывал удивительные чудеса. При громадном стечении народа, на площади, он также поднялся на воздух без всяких видимых механических приспособлений. Это, конечно, производило сильнейшее впечатление и

значительно рассеивало ужас, возбужденный воскресением Ильи и Эноха. Между христианами иные говорили, правда, что Аполлония вознесла вверх куча бесовских духов, но другие замечали, что если бесовские духи могут делать то же самое, что и ангелы, то, в конце концов, неизвестно, кто сильнее... Что касается землетрясения, то следственная комиссия, по приказанию Антиоха, утверждала, будто бы это были взрывы, произведенные христианскими заговорщиками. Декреты, провозглашенные Антиохом в день его обожествления были опубликованы и расклеены по городу. Отныне христианин становился государственным преступником по тому самому, что он христианин. Приходилось или отречься от Христа, или готовиться к гибели, и перед такой дилеммой сердца многих в трепете колебались.

Семья Франца - жена, двое сыновей и дочь - были чехи-католики. Яни и Франц застали в этой бедной, подвальной квартире целое маленькое собрание. Одни приходили, другие уходили, все перепуганные, забегали справиться о новостях, о родине и друзьях. Тут же сидел пастор Викентий, теперь впрочем епископ: Папа Петр посвятил его перед самым арестом своим. С Яни они были уже знакомы.

- Сохранились ли у Вас друзья в Тампле? - спросил он.

Яни отвечал, что вряд ли, кроме, может быть, Гуго Клермона, честного французского офицера, случайно записавшегося в тамплиеры. Они были друзьями, и Яни, озабоченный судьбой Эдуарда Осборна и двух первосвятителей, рассчитывал отыскать его и узнать его настроение. Викентий заметил, что он спрашивает, думая именно о Папе. Дела самих иезуитов плохи. Многие арестованы, а иные, хотя притворно отрекаются от христианства, все-таки принуждены сидеть в бездействии.

Между тем необходимо что-нибудь сделать для спасения Папы, который вместе с Патриархом Василием сидит в тайниках Тампля. Сам Викентий, по-видимому, вне подозрений и думал зайти к Гроссмейстеру под предлогом передачи ему пожертвований, будто бы собранных им.

- К сожалению, приходится поддерживать дух народа и каждую минуту рисковать обнаружить себя.

- А каково настроение христиан?

- Плохое. Посмотрите, как много отступников из страха смерти. Но ренегатство по страху еще не так важно: тут нет внутренней измены. Гораздо хуже то, что у многих является действительное сомнение в Христе, мысль, что Антиох не самозванец и что Люцифер - действительно владыка мира. Для множества людей - истина веры измеряется чудом, а чудеса Аполлония - поразительны. Для многих людей - правда там, где сила. А Господь не посылает нам видимой материальной помощи. И вот является искреннее ренегатство. Это самое ужасное. Мне кажется, что несколько неудач Антиоха могли бы лучше, чем всякие проповеди, образумить народ.

Этот ход мысли был совершенно в духе Яни.

- Вот и я тоже думаю, - сказал он, - что необходимо бороться. Иначе как же иметь удачи?

- Если бы, например, хоть освободить Святого Отца, - заметил иезуит... .

Яни рассказал, что и Валентин тоже имеет мысль об освобождении первосвятителей, и они порешили с Викентием начать подготовку. Но Яни открыл ему и другой свой проект: собирать новую армию против Антиоха, по провинции. О третьей своей мечте он уже умолчал. У него назревала мысль - убить Антиоха. Но это казалось так неисполнимо практически, что он решил

до поры до времени помалчивать.

Яни спросил Викентия, не возьмется ли он передать де Клермону записку? Но тот справедливо ответил, что это значило бы разоблачить свои сношения с Клефтом, а этого делать невыносимо, не зная, как Гуго сам относится теперь к нему. Итак Яни приходилось самому изыскивать способы войти в сношения с бывшим приятелем. Но предварительно нужно было найти себе помещение. У Франца было слишком людно. У Викентия тоже не было подходящего места. Клефт решил поискать квартиру у какого-нибудь еврея, как наиболее безопасную, и отправился к Августину, чтобы через него вызвать Марка,

Епископа не оказалось дома. Он ходил по христианам, ободряя и утешая их. Но Юсуф обещал привести к вечеру Марка. "Нынче, - прибавил он, - можете приютиться у нас". Но до вечера было еще далеко. Яни заготовил записку к Клермону и пошел попытаться передать ее. У него на это был свой план. По дороге он прислушивался к народным толкам, и с грустью убеждался в общем преклонении перед Антиохом. Мысль убить этого идола толпы еще сильнее загоралась у него. Так он приближался к Тамплю.

Окошко комнаты де Клермона выходило в переулок, извивающийся в этом месте около самого Тампля, Яни с удовольствием увидел, что оно открыто, и даже заметил фигуру Гуго, сидевшего у стола. Он привязал свою записку к камню и швырнул в окно. Гуго вскочил и бросился к окошку. Яни стоял на виду, и приятель, видимо, узнал его. Торопливо прочитал он записку, сделал недовольную гримасу, но подошел снова к окошку и утвердительно кивнул головой.

В записке было сказано: "Нужна твоя помощь. Жду тебя в парке около общей могилы. Албанелли". Именем Албанелли его часто в шутку называл Гуго.

И вот Яни снова стоял на месте роковой битвы, у подножия того дуба, который дал ему гостеприимное убежище. Природа уже успела сильно заглазить следы человеческого опустошения. Исчезла и груда трупов. И только бесконечно длинная полоса свеженасыпанной земли обозначала место рва, где нашли последний приют бранные товарищи Яни... Его снова охватила тоска. Он вернулся к своему дубу. Но вот слышались отдаленные шаги, и на поляну, оглядываясь во все стороны, вышел Гуго де Клермон. Яни выдвинулся ему на встречу.

Бывший приятель подошел к нему с недовольным видом:

- Что тебе нужно? Зачем, сумасшедший, ты шляешься здесь? Ведь тебя схватят.

- Гуго, говори по чести: ты выдашь меня?

- Я - рыцарь, а не шпион... По крайней мере, думал быть рыцарем, когда поступал в этот гнусный притон... Но тебя схватят и без меня, да и меня с тобою... Что тебе нужно?

- Твоя помощь!

- Тебе нужны деньги, чтобы скрыться? Я, конечно, дам. Нарочно захватил с собой. А затем - не подвергай меня больше опасности. Не ходи ко мне.

Яни горячо заговорил. Гуго только что сам сказал, что служит в гнусном притоне. Прилично ли это, честно ли - все понимать и продолжать служить явно гнусным людям? Он, Яни, никуда не собирается бежать и ему не нужны деньги. Он посвящает себя борьбе против тех, кому прежде служил.

- У вас тут, - сказал он, - мучат сотни и тысячи невинных людей, мне нужны сведения о них, и

за этим я пришел к тебе...

- Ты пришел вербовать меня в изменники?

- Я пришел призвать тебя к честной жизни...

- Уходи. Я не шпион, но я и не изменник!

- Гуго, подумай, что предписывает де Клермону долг порядочного человека? Через пять дней я приду сюда, и ты мне ответишь. До свидания.

Он повернул к чаще леса.

- Постой. Ты стал христианином?

- Да.

- А я нет... кажется... нет.

- Все равно. Я обращаюсь к честному человеку и приду сюда.

Он скрылся, оставив приятеля в раздумье и смущенье. У Августина он застал уже Марка, который обещал завтра же приютить беглеца у одного честного еврея, конечно, за приличное вознаграждение. Он не выдаст скрывающегося, но все же лучше будет принять другое имя. Яни осыпал его вопросами о Тампле, но по этой части Марк не мог сказать многого. Ему было невыносимо участвовать в психических воздействиях на христиан, и он, под предлогом расстроенного здоровья, взял у Аполлония отпуск, так что ему почти не приходится бывать в Тампле. Знает только, что тюрьмы и верхние, и подземные битком набиты более важными пленными Тамплиерского озера и христианами, арестованными по домам. Начальник восстания и оба первосвященника содержатся особенно строго, но в каких казармах - он не знает.

По уходе Марка, Яни рассказал епископу о своем свидании с Клермоном, на которого стал теперь возлагать некоторые надежды.

XV

При постройке Тампля были обнаружены обширные древние подземелья, часть которых была, по-видимому, даже старше Тамплиерского озера, другие же были, по преданию, устроены рыцарями. Там находилась огромная сводчатая зала, ряд коридоров со множеством камер разных размеров. В некоторых сохранились орудия пытки, в других найдены большие сокровища. Несколько коридоров выходили за пределы замка на поверхность земли и были частью засыпаны, а один залит водой. Он, оказалось по осушении его, проходит под озером. Все эти подземелья были отремонтированы и дополнены новыми. В общем они теперь служили для помещения суда, для тюрем, а некоторые коридоры расчищены и сохранены для вылазок, на случай осады. Подземные тюрьмы служили для одиночных узников.

Кроме того в Тампле были обширные подземные тюрьмы, большей частью в качестве общего отделения. Эти просторные залы, обыкновенно пустые, теперь были переполнены заключенными, точно так же, как все городские тюрьмы и огромный военный манеж: здесь сидели рядовые участники восстания и христиане, арестованные по мелким политическим обвинениям. Число их, впрочем, быстро сократилось. Антиох хотел терроризировать своих

врагов и расправа производилась кратко. Суд устанавливал только наличие участия в восстании, и затем следовала смертная казнь. В виде снисхождения давалось помилование всем, согласным отречься от христианства и поклониться статуям Человекобога и Люцифера. Недостатка в ренегатах не было. Перепуганные и деморализованные пленники все-таки редко отказывались от веры перед судом, но когда на месте казни перед ними начинали валиться десятки и сотни трупов, они подымали крики об отречении и их препровождали к статуям Антиоха и Люцифера. И казни и отречения производились публично; тысячи народа теснились на площадях смерти и ренегатства, осыпая и героев и слабодушных ругательствами и насмешками.

В противоположность этому в подземных тюрьмах царило безмолвие. Они тоже были полны узниками. Это показывало даже обилие часовых тамплиеров, мерно шагавших, каждый на своем участке, по ярко освещенным коридорам, в которые выходили двери одиночных камер. Время от времени часовой подходил к узкому оконцу в дверях камеры, приподнимая маленькую ставенку, и бросал взгляд внутрь печальной кельи, где при бледном свете лампочки лежал, сидел или нередко шагал ее обитатель. Все было тихо. Лишь изредка слышался тяжелый топот и звяканье конвоя, с треском раскрывались двери камеры, и узника уводили на допрос... Для многих это означало - на пытку.

Большая сводчатая зала, окруженная лабиринтом коридоров и ярко освещенная, жужжала голосами. Здесь помещался трибунал следственной комиссии, судьи и секретари, за столами, устланными красным сукном. В стенах, уставленных шкафами с кипами бумаг, виднелись двери, ведущие в коридор, и несколько меньших комнат, где также производились допросы. Время от времени из них в залу трибунала вводили обвиняемых.

- Привести Эдуарда Осборна, - раздался голос председателя.

- Он был на пытке и едва может ходить, - заметил один из судей.

- Послать врача освидетельствовать.

Секретарь вышел в сопровождении конвоя.

На середине длинного коридора, у конца своих участков, сошлись двое часовых тамплиеров. Им было воспрещено останавливаться и разговаривать. Но не видно было никого из начальства, и они остановились, посматривая друг на друга.

- Что, Гуго, видно, невесело Вам дежурить?

- Гнусно, Фридрих, за себя стыдно...

Гуго, видимо, был в нервном возбуждении.

- Подумать только: Вы, Фридрих фон Вальде, я - Гуго де Клермон, правнуки рыцарей, мы искали рыцарства, и что же мы такое? Уже не говорю, что 9/10 наших "рыцарей" - не более как бесстыдные разбойники, *enfants perdus* [1], без искры чести... Но и сами мы... Что я делаю? Я караю доблестного Осборна, истинного рыцаря... А его вчера пытали и принесли сюда на носилках, всего истерзанного палачами. И я караю его! Я бился с ним на поле брани, я нанес ему сокрушительную рану и тащил его в плен... чтобы отдать в руки палачей. За то, что он честно защищал свое дело. О, это ужасно.

- Да, дорогой Гуго, некрасиво наше положение. Я - католик, я сторожу Римского Первосвященителя... виновного только святостью своей жизни... Но вон идут... По местам. Мы с

вами еще побеседуем потом.

Фридрих фон Вальде был один из двух братьев иезуитов, которых Societas Jesu [2] успел провести в тамплиерское рыцарство.

Часовые разошлись, а вдали показался караул, присланный за Эдуардом, с врачом и секретарем. Когда они дошли до камеры Осборна, де Клермон, по уставу, вытянулся у дверей.

Бледный и безжизненный лежал Эдуард на жалкой койке. Его могучее тело, все израненное, казалось трупом. Врач наклонился освидетельствовать его.

- Он не способен идти, его опасно нести... Вообще скажу, что пытка была излишне жестока.

- Да, - отвечал секретарь, - но ведь он не хотел давать никаких показаний.

Осборн слегка шевельнулся.

- И доложите вашим палачам, что никогда они не вырвут у меня не слова показаний, хотя бы вырвали все жиды, - сказал он слабым голосом.

Замок щелкнул, караул удалился, а Гуго де Клермон как будто застыл в своей позе. Наконец он решился. Он поднял ставенку оконца и тихо окликнул:

- Осборн, можете ли вы говорить?

- Что там еще нужно?

- Я - часовой. Я взял Вас в плен. Прошу простить меня... Не нужно ли Вам передать что-нибудь Вашим друзьям?

- После, после... благодарю... - скорее простонал, чем прошептал мученик.

А Фридрих фон Вальде - он же брат Игнатий - шагал весело, довольный тем, что встретил рыцаря такого настроения и что сейчас сменяется с караула, возвращаясь из подземной ночи к дневному солнцу. Выбравшись наверх, он с удивлением увидел на дворе епископа Викентия.

- Ты здесь, carissime? [3]

Тот лукаво улыбнулся не губами, а глазами:

- Да, вот привез сбор пожертвований. Только что сдал досточтимому Лармению. А у вас тут, вижу, сильно работают.

- И весьма. Но не пойдём ли ко мне освежиться стаканчиком доброго винца?

Как только они вошли в его квартиру, Фридрих почтительно испросил благословения епископа и доложил ему сведения о Папе.

- Могут ли быть надежды, mi file? [4]

- По человечески - никаких. Но может быть Господь покажет что-либо неведомое нам.

- Amen [5]. А я боюсь, что меня подозревают. Эта лисица, Лармений, держал себя довольно странно, хотя я поднес ему изрядный куш... ведь он половину положил в свой карман. Ты все-

таки утешь Святого Отца, скажи, что мы ищем способов освободить его. А засим, мне у тебя нечего засиживаться.

Он благословил брата Игнатия и ушел. Его опасения были справедливы. Некоторые арестованные проговорились о каком-то Викентии, ободрявшем христиан, и по сходству примет Лармений смутно заподозрил своего "мирского пособника". Уходя из Тампля, Викентии заметил, что за ним следят, и направился в гостиницу, где, из предосторожности, заранее нанял комнату, в качестве недавно приехавшего. Он не догадывался, что Лармений вслед за ним послал, под надзором шпионов, того христианина, который его оговорил, с тем, чтобы он посмотрел, тот ли самый это Викентии? В ту же ночь его арестовали.

Между тем в подземельях продолжались допросы. Перед трибуналом стояли два почтенных старца в духовных облачениях. Это были Папа Петр и Патриарх Василий. Последний представлял ярко выраженный тип грека-аскета, с умным, выразительным худым лицом. Петр был итальянец с властным выражением тонких черт физиономии. Председатель обращался к обоим вместе.

Он говорил, что так как закон не имеет обратного действия, то правосудие не обвиняет их за то, что они приняли высшую власть над всеми управлениями церкви. Они обвиняются оба в другом государственном преступлении: участии в восстании, которое ободряли и поощряли, находясь по этому предмету в соумышлении с Эдуардом Осборном. Он увещевал их чистосердечно сознаться и раскрыть нити заговора.

Оба иерарха отвечали, что это обвинение ложно. Патриарх всегда увещевал народ быть верным Христу и терпеливо выносить гонение за веру, но никогда не призывал к восстанию, и в частности никогда не видел Осборна. Папа прибавил, что даже не был в Иерусалиме во время восстания.

- Да, Вы опоздали приездом на один или два дня, но ехали, чтобы ему помочь.

- Это неправда, - сказал Папа.

Судьи пошептались между собою, и Председатель заявил подсудимым, что они лишь ухудшают свое положение этим запираательством. Но правосудие сумеет развязать им языки. Они, вероятно, надеются на то, что их возраст, по закону, делает их изъятными от пытки: но по специальному приказу Верховной Власти Человекобога - пытка может быть применена и к ним. Он советует им внимательно обдумать свое положение и через несколько дней снова их вызовет. Кроме того, если они не виновны в принятии на себя сана Папы и Патриарха, то теперь становятся виновными, если не откажутся от должностей, ныне законом воспрещенных вместе с христианской верой. После этого подсудимых отвели обратно в камеры.

Допросы других обвиняемых и свидетелей вращались преимущественно на том, кто такой Викентии, увещевавший народ стоять за веру, и принимал ли участие в восстании Яни Клефт, бывший тамплиер? По последнему вопросу вызывали несколько рыцарей, в том числе Гуго де Клермона. Но никто из участвовавших в битве не заметил Клефта.

Обвиняемые иногда имели вид жалкий, запуганный. Угроза пытки бросала их в нервную дрожь. Но большинство держали себя смело, с достоинством, прямо заявляя, что нельзя не восставать против власти, погрязшей в злодействах, отрицающей всякие человеческие права на свободу совести. Некоторые гордо заверяли суд, что никакие пытки не заставят их выдавать товарищей или отступить от веры. Трибунал обращался с ними оскорбительно, грубо и с насмешками. "Вы еще не знаете, что такое пытка, - заметил Председатель одному, - Вам еще

даже ногтей не вырвали. Припекут хорошенько, так гонор живо соскочит". "Ты, негодяй, забываешь уважение к суду, - крикнул он другому, - часовой, дай ему хорошую плюху!" И часовой ударил его кулаком в лицо, так что из носу потекла кровь. Оскорбленный в ярости бросился на судей, но несколько сторожей схватили его и, осыпая ударами, выволокли из зала. По поводу пыток трибунал тут же, не стесняясь присутствия допрашиваемых, постановил, во-первых, затребовать от Великого Первосвященника гораздо большее число психических батарей, которых не хватало для подготовки допросов, во-вторых, назначить медицинскую комиссию для выработки наиболее мучительных способов пытки.

Насмотревшись таких сцен и наслушавшись таких речей, Гуго, отпущенный с допроса, только размышлял про себя: "Прости меня, Господи, что я забывал Тебя, отходил от Тебя, источника всего доброго в людях. Разве может быть хоть искра правды в антиоховско-люциферской вере, вырабатывающей таких зверей!.. Прав Яни Клефт, объявляя войну антиоховщине".

Испорченные дети - (фр.) ^

Общество Иисуса - (лат.) - название ордена иезуитов ^

Мой сын - (итал.) ^

Дражайший - (итал.) ^

Аминь - (лат.) ^

XVI

В скалистых горах, на южных границах Сирии, около деревни Бетсалем, ранним утром оживленно шумела толпа мужчин, женщин и детей, в обтрепанных арабских одеждах. Жестикулируя и крича, они кого-то ожидали, посматривая на узкую расщелину, выходящую к концу деревни из треснувшего каменного кряжа гор. Вот в галопе примчалось несколько полунагих мальчишек с криками: "Едет, едет".

Толпа обернулась. Многие женщины начали утирать слезы. Другие заголосили: "Покидает нас ангел наш. И зачем она идет на смерть, в пасть хищных волков! Как мы останемся без нее?"

- Тише, тише, женщины, - обратился к ним седобородый шейх в бурнусе. - Она едет на святое дело. Ее завет сама благословенная Мариам. Не смущайте ее вашими жалобами.

- Как же не плакать о себе, когда нас покидает наша живая душа? Как не плакать о ней, когда подумаешь, что ее растерзают, как коршун голубку?

- Да, - заметил один горец, - с тех пор, как Лидия с нами, Бетсалем как будто осенили светлые крылья ангелов. Всякий страх, всякая забота спадают, когда заговорит она о Христе, о небесных ополчениях, о гибели Антихриста, о следующем Новом Иерусалиме...

- А как она примиряет всякую ссору, отирает всякую слезу! Мы до нее не понимали, что значит быть христианами.

- Да, - промолвил сам шейх, - потемнеет без нее Бетсалем. Но не мы одни нуждаемся в ангелах Божьих...

Между тем к ним приближался маленький караван. Это ехали на мулах Лидия и провожающие ее горцы, за которыми тянулась молчаливая и печальная кучка народа. Бетсалемцы двинулись навстречу.

- Здравствуй, наша радость, покидаешь нас, утешенье наше!

Женщины плакали, теснясь к Лидии, стараясь поцеловать ее или хоть прикоснуться к ней.

- Здравствуйте, мои любимые, мои друзья. Никогда не позабуду я моего милого Бетсалема. Да что вы так горюете? Ведь я иду на дело Божье. Да мы еще и увидимся, если не здесь, так в светлом граде Небесном, и припомним, как жили здесь среди земного горя, через которое пришли к светлому блаженству.

Она сошла с мула, ходила по толпе, здоровалась, прощалась, каждому находила ласковое слово. Она казалась какой-то старшей сестрой этих детей природы, просила их помнить, чему она их учила: жить во взаимной любви, любить Христа, не страшиться ни гонений, ни смерти. Ведь беды мимолетны. Близок день Христов, и теперь плакать должны не рабы Христа, а враги его, сами готовящие себе гибель. Речь Лидии лилась вдохновенно, переходя то в молитву, то в славословие, и все лица вокруг освещались чувством, которое излучалось из нее и согревало все сердца. Но всему бывает конец.

- Прощайте же, любимые братья и сестры, радуйтесь, ждите Господа. Он - вот уж близко. Скоро увидим его.

И она взглядывала на небеса, как будто уже видела Его в их отдаленных высотах.

Долго еще толпа провожала ее, пока Лидия наконец успела упросить не задерживать ее пути. И долго еще смотрели бетсалемицы, как она, со своими провожатыми, скрывается мало-помалу в голубой дымке горной долины.

Бетсалем находился в самой глубине обширной области, вдоль и поперек исхоженной старцем Иоанном. Она сделалась как бы епархией его, где он заготавливал убежища для христиан. Теперь в эти дикие ущелья приходило все больше беглецов, и жители для всех находили приют и пропитание. Словно невидимая благодать охраняла пустынное пространство. Сюда не заходили ни проповедники, ни военные отряды гонителей. Местные жители только от беглецов узнавали об ужасах, творящихся на свете. Здесь-то и провела некоторое время Лидия, поправляя здоровье, подорванное пережитыми мучениями. Но духовные силы ее только закалились в испытаниях. Когда она поправлялась в Бетсалеми, то стала переходить из деревни в деревню, проповедуя, утешая беглецов, укрепляя духовную силу местных жителей. Всюду она становилась общей любимицей, возбуждала благоговейное обожание. Никогда не покидало ее спокойствие и светлое настроение. Она была полна скорби о несчастных и негодования против злодейств и богохульств, но ни на минуту не забывала, что Христос близ нее, близ людей. Она его любила так, что желала бы пострадать за него. Она как будто видела перед собой Новый Иерусалим, спускающийся с небес, и среди ужасов времени чувствовала тихое, ровное счастье... Это чувство невольно передавалось окружающим, и все ее любили за этот драгоценный подарок.

Своим настроением она, молодая, напоминала древнего старца Иоанна, от которого не отходила, когда он посещал свои убежища. Она слушала его рассказы о Христе, совещалась с ним о каждом движении своего сердца. Ему одному она рассказала о своих дивных видениях в Башне Духов, где светлый Ангел приходил защищать ее от злых сил. Она спрашивала старца, не грешит ли она, так сильно беспокоясь о Валентине. "Дитя мое, - отвечал Иоанн, - ведь ты любишь его, как же не беспокоиться? Но помни, что Христос также близ него". Она и переписывалась с Валентином через старца.

Но жизнь в убежище была не по ней в такое время, когда мир полон был борьбы и горя. Она

решила идти служить Христу и людям в самом жерле извержения адских сил, и старец благословил ее на подвиг.

Лидия медленно приближалась к Иерусалиму, навещая разные местности Сирии и Палестины. Молва о ней расходилась тем шире, чем дальше отходила она от благословенных селений Бетсалема. Имени ее не знали и называли пророчицей. Скоро о ней полетели донесения в Иерусалим, но попытки арестовать ее постоянно оставались безуспешными. В Иерусалиме Валентин приготовил для нее помещение, но она предпочла благополучию жизнь среди развалин. Они нравились ей своим соответствием разрушающемуся миру. Здесь ей удобнее было ходить и на молитву в церковь, устроенную епископом Августином в погребе большого развалившегося дома. Из своих развалин она выходила на жилые улицы, бесстрашно ведя проповедь, для которой часто давали повод грубые насилия, постоянно происходившие в городе. Полиция Антиоха была зорка только тогда, когда дело касалось политики или религии, но блистала отсутствием, если происходил грабеж или кровавая драка. Однажды Лидии пришлось вырвать из рук полупьяных щеголей молодую девушку, которую они затаскивали в свою карету. Лидия так грозно прикрикнула на них, что безобразники опешили. Но девушка была почти в истерике, так что пришлось проводить ее до дому.

Оказалось, что это была Эстер, дочь известного раввина, Эзры Гаона. Отец горячо благодарил спасительницу и, удивляясь ее мужеству, невольно спросил:

- Вы не из бывших ли христиан?

- Я и теперь христианка.

- Но ведь христианство воспрещено...

- Я служу Богу, а не его врагам...

Эзра смолчал, но ответ запал в душу его дочери, которая просила Лидию навещать их. Открытое, искреннее личико молодой еврейки произвело на нее симпатичное впечатление, и так завязалось их знакомство.

Эстер очень интересовалась вопросом о Мессии и о христианах, которых, по неясным для нее причинам, так жестоко преследовали. Она спрашивала об этом Лидию:

- У нас говорят, что Антиох явится Мессией. Как Вы думаете?

- Милая моя, - отвечала Лидия, - ведь Мессия - Сын и Помазанник Божий. Он утвердит Царствие Бога. А Антиох хочет низвергнуть владычество Бога. Как же он может быть Мессией?

Это поразило Эстер. Она сослалась на отца, который допускал Мессианство Антиоха.

- А мой отец великий ученый, - прибавила она.

- Не знаю, как это может думать Ваш отец. Антиох сам объявил себя врагом Бога и Мессии, который, впрочем, уже давно пришел...

- Вы говорите об Иисусе Назаренине?

- Да, конечно.

И у них завязывались беседы об Иисусе, о его втором пришествии, о Царстве Божием, об

Антихристе. Все это, конечно, происходило наедине. Эзра замечал только, что у дочери зашевелились опасные вопросы, и приписывал это влиянию Лидии, но оказанная ею услуга принуждала его сохранять любезный вид, и он только предупреждал дочь иногда не верить вообще христианам.

"Надо ее поскорее выдать замуж, - все чаще подумывал он, - займется семьей, и пропадут порывы к тому, что выше ее разумения".

XVII

В укромном садике, во дворе Эзры Гаона, под густой виноградной беседкой, тихо толковали между собой молодой человек и молодая девушка. Они сидели обнявшись, но разговор их был серьезен и важен.

- Да, моя дорогая Эстер, нам нужно торопиться. Я каждый день жду ссоры наших отцов, и это, наверное, произойдет не позднее ближайшего собрания синагоги. Тогда нам нельзя уже будет и подумать друг о друге...

- Меня, Марк, отец очень старается выдать замуж и постоянно предлагает разных женихов. Но о тебе ни разу не упоминал. Он не любит вашей семьи из-за христиан... А я, знаешь, теперь и сама начинаю все больше думать, что христиане правы... Я тебе не говорила еще... Ты так давно не был...

- Да, я боялся попасться твоему отцу.

- Я познакомилась с одной христианской девушкой... Ты помнишь мое приключение? Которая меня выручила. Ее зовут Лидией...

- Так это была Лидия! Знаю ее - святая душа. Ну так что же?

Эстер рассказала, что они очень сошлись и что Лидия ее убедила в правоте христиан. Иисус Христос был настоящий Мессия, и скоро опять придет, и разрушит дела антихриста-Антиоха. Теперь ей стало очень тяжело оставаться в еврейской среде. Она любит отца, любит Марка. Но она уже не еврейка в душе. Как она будет выходить замуж за еврея?.. Марк слушал ее с радостным удивлением...

- Эстер, милая, но ведь это пути Божии! Я не знал, как и заговорить с тобой! Но ведь я сам скоро буду христианином. Отец говорит тоже, что Лидия: что Иисус Христос был истинным Мессией и что каждый еврей, знающий свою веру, должен его признать. Он приходил к нам, а мы отдали его язычникам... Мы вместе с отцом скоро станем христианами, я все думаю о тебе: как жить христианину с еврейкой? А ты и сама вышла на нашу дорогу. Вот-то слава Богу! Только в этом случае нам еще больше нужно торопиться...

- Эстер, Эстер, куда ты запропала, - раздался голос Эзры с крыльца дома.

- Т-с, он вернулся, беги скорее... Значит, жди завтра или послезавтра, приду сватать тебя...

Эстер наскоро поцеловала его и убежала, а Марк потихоньку выбрался с другой стороны через забор и пустился домой, где немедленно объяснился с отцом.

Борух отнесся к его планам с полным сочувствием. Эстер хорошая девушка, и Марку будет доброй женой. "Уж не знаю, - прибавил он, - много ли времени осталось для людей на брачную

жизнь. Христианские предсказания меня очень смущают. Но все равно: сколько Бог даст, столько и проживете... Только нужно очень торопиться".

Он объяснил, что Эзра ведет в синагоге агитацию в пользу того, чтобы просить Антиоха объявить себя Мессией. Опасаясь противодействия Боруха, он именно теперь легче всего может выдать дочь за Марка в надежде, что родственные связи заставят Боруха если не совсем помогать, то поменьше мешать ему. "Разумеется, - прибавил отец, - он в этом ошибется, но лучше воспользоваться временем, пока у него есть такая надежда. Не будем откладывать".

На другой же день они с Марком отправились к Эзре, где все вышло, как предусматривал Борух. У Гаона явилась мысль, что такой союз укрепит его влияние в еврействе, и Марк с Эстер были объявлены женихом и невестой. Свадьба также не замедлила, потому что обе стороны одинаково желали ее ускорить.

Это время свадебных приготовлений и празднеств было для Гаона Эзры временем усиленной пропаганды среди евреев его плана - побудить Антиоха поскорее явить себя миру как Мессию. Горячий еврейский патриот, он, по разным соображениям и признакам каббалистического характера, находил, что наступает время явления Мессии. Антиох же не только был еврей, но, по соображениям Эзры, носил на себе приметы Мессии. Между тем Человекобог, хотя и с удовольствием смотрел на такие чаяния, ничуть не торопился осуществлять их и даже проявлял в себе много черт антимессианских. Он был слишком международен, претендовал быть концентрацией духовных сил всего человечества, а не одного еврейства; он враждовал не только против Иисуса Христа, а вообще против Бога. Чем дальше заходил он по этому пути, тем труднее становилось ждать от него мессианской роли. Эзра Гаон страстно желал побудить его объявить себя Мессией, что само по себе отрезывало его от идей и действий антимессианских. Своевременное воздействие значит очень много. Если бы рабби Иосиф Акиба не воздействовал на Бар Кохебу, думал Эзра, у знаменитого воина Израиля, может быть, не хватило бы духа сознать себя Мессией. Правда, рабби Акиба ошибся, и Бар Кохиба не оказался Мессией [1]. Но теперь у Эзры не может быть ошибки. Каббалистические сообщения делали это для него несомненным. Требуется только не упустить времени для воздействия на Антиоха со стороны еврейства. На эту тему он усердно толковал с виднейшими членами синагоги, хорошими талмудистами и отчасти каббалистами.

Борух Хацкиель за это же время был, напротив, очень сдержан. Это отчасти происходило от желания не повредить брачному делу Марка, но более всего под влиянием переживаемой им внутренней борьбы. Он был в душе уже христианином, то есть признал Христа как Мессию и принял его евангельские заветы. Но никогда он не чувствовал себя в большей степени евреем, не ценил своего народа более высоко. Ему казалось, что если богоизбранность Израиля еще могла быть оспариваемой до пришествия Мессии, то не подлежала сомнению после того, как из среды евреев исшел Спаситель, соединивший все человечество с Богом. Нет в мире более великого дела, и оно произошло из народа Израиля. Кто может после этого усомниться в богоизбранности и высоте еврейского народа?

Но великая высота налагала и великую обязанность послужить делу Мессии. Вместо этого евреи отреклись от него, то есть отреклись от своей миссии, а стало быть, сами отвергли свою богоизбранность. Но Господь не ошибается, и если он избрал евреев на дело служения Мессии, то они непременно послужат ему. Когда же? Если они не оправдали своего предназначения в первое пришествие Мессии, то обязаны оправдать во второе и последнее пришествие. А оно приближается. Боруху казалось, что евреи и начинают приходить ко Христу. Никогда они не принимали крещения в таком большом числе, хотя это не приносило им ничего, кроме бед. Сердце Боруха радостно билось при мысли, что среди этих новокрещенных христиан совершенно не слышно о ренегатстве. Но все-таки это было движение отдельных лиц, а не

широкое национальное, каким должно было быть, если евреи и на этот раз не окажутся - теперь уже окончательно - недостойными богоизбранности. И Борух, горячий еврей, чувствовал как свой личный долг - громко кликнуть клич ко всему Израилю: звать его ко Христу, скорее, пока еще есть время воскликнуть: "Благословен Грядый во Имя Господне". Он твердо решил исполнить свой долг. Но что значит теперь призыв ко Христу? Он равносителен призыву к мученичеству. Христианство запрещено и свирепо преследуется, и в такой момент евреям приходится воскликнуть "Благословен Грядый во имя Господне". Они должны стать в положение древней мученической Церкви.

Без сомнения, только таким способом мог быть заглажен прежний грех Израиля. Но легко ли звать других людей на мученичество? Можно пойти на подвиг самому, и Борух чувствовал, что он готов на это. Но звать других, ныне счастливо живущих в своих семьях, перед этим его сердце содрогалось. Он чувствовал припадки слабости...

А время шло и приближалось к моменту, когда нельзя уже будет колебаться, нельзя будет жалеть ни себя, ни других, а нужно будет думать только о торжестве истины. Подходит, думал он, время, когда разделится Израиль на истинных чад Авраамовых, которые и составляют "богоизбранный" народ, и остальных, которые суть только "сборище сатанинское", как называет их апостол Иоанн.

В такие размышления погружался Борух, пока тянулось предсвадебное время Марка и Эстер. Быстро прошло оно, и юная чета водворилась наконец в доме Хацкиелей.

Эстер сияла счастьем. Она жила еще только сердцем, не задумываясь над будущим, и чувствовала лишь, что соединилась с любимым человеком и готова соединиться с той верой, в которой уже признала истину. Она ощущала себя обладательницей всех сокровищ мира и входила в свое новое жилище, как в маленький рай.

Бар-Кохеба (правильнее - Бар-Кохба, буквально - Сын Звезды, настоящее имя - Симон) - вождь иудейского восстания против римского владычества в 132-135 гг.; рабби Иосиф Акиба - крупный иудейский теолог, провозгласивший Бар-Кохбу Мессией ^

XVIII

Ранним утром из ворот Тампля выехала блестящая группа всадников, направляясь в горы на охоту. Здесь собрался истинный цвет рыцарства всех национальностей, недавно покрывший себя славой в битве при Тамплиерском озере. Тут были Гуго де Клермон, Фридрих фон Вальде, Герман Штейн, итальянец Альберт Висконти, испанец Жуан Кастилья, двое русских, Игнат Барабаш и Александр Каширский, поляк Генрик Заремба, еврей Иуда Галеви, араб Измаил Эфенди и татарин Магомед Сеитов. Сам Антиох публично заявлял, что эти одиннадцать рыцарей решили судьбу сражения. Обычай брать с собой оруженосцев не привился к возобновленному Ордену, их тут совсем не было.

- Ну, братья, - сказал Измаил Эфенди, - когда они выбрались в пустыню, поехали мы на охоту, так нельзя не привести чего-нибудь с собой. А времени на это не хочется терять.

- Может быть, нас выручат товарищи, - заметил Клермон и громко затрубил в рог.

Из чащи лесистой горы показалось трое человек в арабской одежде. Это были наши старые знакомые - Яни Клефт, Валентин и Марк Хацкиель. Вся компания дружески поздоровалась с ними.

- Ну что же нам делать с охотой, - спросил Гуго?

- Да мы уже кое-что добыли. Едем прямо на привал.

Там действительно стояла целая повозка, нагруженная разными охотничьими трофеями.

- Ну значит, можем прямо приступить к делу.

Через час вся компания заседала около костра, подкрепляясь мясом кабана и вытаскивая бутылку за бутылкой из походных мешков.

- Начинайте же, де Клермон, - раздалось несколько голосов, - Вы будете нашим Председателем.

- Приступаю, друзья. Нам прежде всего нужно определить свое душевное содержание, понять, есть ли у нас глубокая духовная связь? Вспомню поэтому тот путь развития, который проходил я, и, кажется, все вы, независимо один от другого. Этот путь привел каждого из нас к тому, что ему становилась отвратительной жизнь, созданная Антиохом, так же, как он сам, и все его планы, по мере того, как все это нами уяснялось... Постыдным начинало казаться и наше личное положение. Мы пошли в Орден, думая быть рыцарями, а оказались просто вооруженными рабами каких-то колдунов, называющих себя "духовенством". Оказалось, что и Ордена нет, а есть только церковь Сатаны - и в ней мы - жалкие холопы. Нас кормят, поят, разрешают все пороки, позволяют всякие насилия над посторонними, и за эту цену мы обязаны быть безгласными полицейскими, шпионами и палачами. Мы увидели, что рыцари так и подобраны, чтобы быть довольными этой ролью, и что не было на свете шайки разбойников, более лишенных чести и совести... "И я - член этого сообщества... Позор!" - так каждый думал про себя. Верно ли говорю я, друзья?

- Верно, верно, раздалось со всех сторон, это были мысли, чувства каждого.

- Друзья, выражу ли я ваши чувства, коснувшись еще верований наших. Мы все росли на рыцарских преданиях наших семейств, в детстве мы веровали в Бога. Но общее настроение интеллигенции, дух времени охватывали нас, и мы переходили в ряды бунтовщиков. Однако это отречение от Бога шло не из сердца, а из поверхностных рассуждений. В сердце мы сохраняли те идеалы правды и чести, которые были рождены покинутой нами верой, отрекаясь от Бога, мы оставались детьми его... И мы это поняли, когда, вступив в Орден - увидели, что такое Человекобожие и Люциферианство, до какого падения доходят люди при мечтах о своей автономности. Мы сознали тогда, что все хранимое нами в сердце, как святое, высокое и благородное, порождается Богом и утрачивается без него. Мы сознали, что душа наша принадлежит ему, а не Человекобогу или Люциферу. Так началось у нас возвращение к верованиям юности... Правильно ли говорю я?

- Да, да подтверждали кругом. Мы все шли именно таким путем.

- Мы шли одним и тем же путем, независимо друг от друга, не зная о мнениях друг друга, и каждый долго считал себя одиноким. Но постепенно мы стали сближаться, объясняться между собою и, наконец, предприняли решение разыскать всех единомышленников. У нас явилась надежда, что и под маской бандитов могут скрываться порядочные люди. Мы искали их внимательно и, кажется, никого не упустили? И никого больше не нашли!

- Верно, верно, - отозвался хор голосов, все обыскали, - Не сыщешь больше не души...

- Тут мы приходим к печальному выводу. Значит, считая Яни Клефта, нас оказывается всего 12 человек. Это все, что способен дать наш корпус. А мы мечтали о борьбе с Антиохом!

Вспоминая, как увлекшись боевым задором удалства, мы легкомысленно поддержали его против Осборна, мы утешали себя мыслью, что быстро загладим этот грех. А сил у нас на это не оказывается. Что же нам делать? Остается ли у кого-нибудь из вас мысль о немедленной борьбе?

- У всех, у всех...

- Даже при таких силах?

- Все равно! Хоть бы и меньше... Яни Клефт пошел в одиночку. Нельзя сидеть сложа руки. Совесть требует.

Но де Клермон все-таки поименно переспросил всех. Ответы были одинаковы: Антиох - развратитель людей, он подрывает все светлое и благородное, он старается уничтожить самый источник нравственности - Бога. Но некоторые прибавляли, что Антиох рано или поздно все равно уничтожит каждого, кто не отказывается от своего человеческого достоинства, так что нет другого выбора - или расправиться с ним, или погибнуть самим. Общий голос постановил: "Война с Антиохом на смерть, без колебаний, бесповоротно".

- Итак, это решено, - сказал Председатель, - Антиох - наш общий враг. Но я еще должен предложить вопрос: что же нас связывает внутренне? В чем основная вера ваша, товарищи?

- Мы - христиане, - раздалась на перебой голоса, - Антиох обратил нас ко Христу...

- Я - Моисеева закона, - сказал Марк, - Я чту того же Бога, как и христиане. Впрочем, в душе я уже христианин и скоро буду им явно.

- Мы - магометане, - сказали Измаил Эфенди и Сеитов, - Мы чтим того же Бога, как и вы, того, против которого восстает Антиох.

Иуда Галеви кратко ответил, что он - Моисеева закона.

- Да освятит же Бог нашу борьбу с его врагом, - заключил торжественно де Клермон, -А мы поклянемся не покидать оружия до конца!

- Клянемся, клянемся... На кресте и Евангелие, на Коране, на Торе, - зашумели кругом.

Одушевление охватило всех. Но когда Председатель поставил на обсуждение вопрос о планах действий против Антиоха - тотчас обнаружилось явное несоответствие средств и целей заговорщиков. Все, конечно, указывали, что силы возрастут, что даже из единомышленников Осборна кое-кто должен был спастись и разыщется. Но для начала действий имелось только 14 человек. Между тем казалось невозможным, например, оставить без помощи Осборна и двух первосвященителей. А уж на одних попытках освободить их легко было уложить все свои наличные силы. Яни Клефт настаивал, что проще всего - убить Антиоха, и с этого нужно начать. Ему возражали, что с гибелью Антиоха еще не погибнут собравшиеся около него темные силы, не объединятся и не приобретут власти силы здоровья, способные спасти человечество от разложения. Было бы гораздо выгоднее - начать по всем державам новую проповедь восстания и организовать силы для этого. Спор разгорался и затянулся до самого приближения вечера, когда пора было уже и возвращаться с охоты. Тогда Председатель предложил порешить на том, что нельзя отбросить ни одной из выдвинутых задач, и чтобы заговорщики, по своему собственному выбору, распределились по исполнению каждой из них, но с тем, чтобы все группы помогали друг другу, если какая-либо из этих задач потребует сосредоточения сил. Такое решение и было единогласно принято, а сам Гуго де Клермон -

единогласно избран главным руководителем действий кружка для поддержания постоянной связи между тремя составлявшими его группами.

За подготовку убийства Антиоха взяли Яни Клефт, Барабаш, Измаил Эфенди; за освобождение - Валентин, Висконти, Вальде и Марк; за подготовку восстания - Штейн, Галеви, Кастилья, Заремба, Каширский и Сеитов. Де Клермон остался вне группы, но объяснил, что наиболее неотложным считает освобождение первосвященников и Осборна, пока их еще не казнили или не заморили.

Была уже ночь, когда рыцари подъехали к Тамплю со своей затянувшейся охоты. За ними ехала повозка с дичью, где восседал в качестве возчика араба - Валентин. Яни и Марк возвратились, конечно, особо, отдельно от товарищей.

XIX

Когда Лидия узнала от Валентина о плане спасти тампльских узников, она настоятельно просила принять и ее к участию в предприятии, и была горячо поддержана Марком на совершенно своеобразных основаниях. "Это дело так трудно, - сказал он, - что для него нужно самое высокое вдохновение. У Лидии оно есть. Я к ней несколько присмотрелся у своей жены. Она не то пророчица, не то ясновидящая. Ее предчувствия поразительны. Если она думает, что поможет нам, то, вероятно, и действительно поможет". Лидия и была принята в группу. Впрочем никаких особенных вдохновений она не проявляла. Всегда задумчивая, она внимательно слушала сотоварищей, но ничего от себя не высказывала. Часто она казалась погруженной скорее в какое-то созерцание, чем в размышление. Собственно говоря, дела заговорщиков сначала шли так туго, что и размышлять было не о чем. Все ограничивалось кое-какими разведками. Для них Марк, несмотря на отвращение к этой службе, снова явился в свою психическую батарею. Он несколько раз побывал в подземных коридорах, стараясь изучить их расположение. В этом отношении нашлись сведения и у рыцарей, участвовавших в караульной службе. Очень ценные, хотя и печальные сведения сообщил епископ Викентий.

Он очень ловко выпутался из стряхнувшейся над ним беды. Как сказано выше, Лармений арестовал его. Но Викентий сумел сбить его с толку. Он, не смущаясь, сознался, что действительно увещевал быть твердым того христианина, который на него донес. Но иначе и нельзя было поступить. Викентий собирал пожертвования со всех сторон и во имя чего угодно, лишь бы давали деньги. Этот христианин сделался его агентом по сбору между своими единомышленниками на якобы церковные нужды, и понятно, что Викентий должен был болтать ему разный христианский вздор. Больше ничего и не было. Эту басню он рассказал гроттмейстеру с видом такой искренности, что тот поверил и освободил Викентия из-под ареста, хотя на всякий случай приказал ему не отлучаться из Тампля, пока он не обдумает вполне его дела. Таким образом, заподозренный очутился в положении поднадзорного, сношения с ним были опасны, да и самому ему приходилось не проявлять особого любопытства. Но сам Лармений открыл ему два факта, которые хранились еще в тайне, так что о них ничего не знали рыцари, участвовавшие в заговоре. Именно, оказалось, что Папу и Патриарха подвергали пыткам и что казнь Осборна с главнейшими заговорщиками назначена на днях.

Таким образом, заговорщики опоздали помочь Эдуарду. Час его пробил, и через два дня состоялась его мучительная казнь. Сотоварищи его были приговорены к обезглавлению, Осборну досталась честь четвертования. Заговорщики, так много мечтавшие спасти его, могли увидеть лишь его последние минуты.

С раннего утра стотысячная толпа наполняла площадь, по середине которой высилось несколько десятков эшафотов. По близости от них стоял ряд эстрад для почетной публики. На средней помещался сам Человекобог с неразлучным Аполлоном. Публика была шумна и весела. Для нее это было только интересное зрелище. Жалость к человеку в те времена стала явлением редким, возбуждавшим насмешливую улыбку. Когда показалась процессия позорных колесниц, наполненных осужденными, сотни тысяч глаз обратились к ним с таким же безудержным любопытством, какое возбудило бы шествие стада слонов или верблюдов. Только любители спорта внимательно всматривались в лица идущих на смерть и держали между собою пари о том, как они будут держать себя под топором. Особенно разнообразные пари вызывал Эдуард Осборн. Никто не сомневался, что он не проявит малодушия, но спорили о том, скажет ли он что-нибудь и что именно.

Когда осужденные уже стояли над плахами, окруженные палачами, с эстрады Антиоха были прочитаны обвинительные сентенции всех. Эта продолжительная процедура не вызвала никакого волнения между осужденными. Все стояли спокойно и, по-видимому, молились про себя. Затем, на всех эшафотах одновременно, палачи стали хватать осужденных и валить их на плахи. Большая часть не оказывали никакого сопротивления и, перекрестившись, сами клали голову на плаху. Через несколько минут на всех эшафотах началась бойня, повсюду брызнули фонтаны крови. Большинство палачей не умели сразу отрубить голову и повторяли удары топором два и три раза, а потом всюду начали подымать скатившиеся головы и, показав их зрителям, бросали обратно на эшафот... Толпа с каннибальским восхищением впивалась в отвратительное зрелище... На него смотрел, с высоты своего эшафота, и Осборн, около которого молча и неподвижно стояли палачи.

Отчего же не казнят его? Что предназначено ему? Эта загадка начала уже возбуждать между зрителями новые пари, как вдруг раздался громкий голос Антиоха.

- Эдуард Осборн, все твои товарищи, виновники преступного бунта, погибли. Ты заслуживаешь смерти вдесятеро больше, чем каждый из них. Но я милосерд. Я дам тебе полное помилование, если ты отречешься от Иисуса Назарянина и признаешь меня Спасителем человечества.

Гробовое молчание охватило всю площадь, и среди этой мертвой тишины звучно разнесся ответ Осборна.

- Да будет прославлен Господь Бог Иисус Христос, наш Спаситель; ты же, злодей, да сгинешь в адском пламени.

Антиох махнул рукой, палачи схватили Осборна, но в эту минуту из толпы резко прозвучал крик:

- Мужайся, Эдуард, мы отомстим за тебя!

Началась суматоха, полиция забегала в народе, разыскивая, кто крикнул возмутительные слова... В это же время Осборна рубили на части, отсекая топорами руки, ноги и, наконец, голову. Весь эшафот окрасился кровью, которая ручьями стекала на землю... В общей суматохе осталось незамеченным, что какой-то человек медленно подошел под эшафот и смочил платок теплой кровью Эдуарда Осборна. Бережно спрятав платок, он так же тихо скрылся в толпе. Это был неукротимый Яни Клефт...

Грустные собрались в этот вечер члены освободительной группы среди развалин, где чаще всего происходили их совещания. Итак, с Осборном они опоздали. Что же выйдет относительно первосвященников? Их дело было выделено в особую группу и еще только разбиралось. Являлась

мысль, не вздумает ли Антиох терроризировать христиан смертной казнью их верховных иерархов? От него все станется. Но что же предпринять для их спасения? Члены группы выслушивали сообщение Марка о подземных коридорах, усиливаясь найти тут какой-нибудь утешительный намек на возможность что-нибудь предпринять, но ничего не находили.

- Скажите, Марк, - спросила вдруг Лидия, - уверены ли Вы, что вот тут (она указала чертеж коридоров), направо, нет никакой особой двери?

Он посмотрел чертеж.

- Нет, никакой.

- Вспомните хорошенько. Мне кажется, что тут должен бы находиться какой-нибудь ход.

- Ничего там нет... А впрочем, позвольте... Может, выше и есть что-нибудь. Вспоминается какой-то закоулочек, в который я не заглянул. Надо будет посмотреть. Но я не понимаю Вашей мысли.

- Моя мысль вот такая. Нам говорили, что в подземельях есть какие-то особые ходы для вылазок. Они идут за пределы Тампля. Если бы у них было сообщение с тюремными коридорами, то можно бы проникнуть снаружи...

- Да это стоит подумать. Я постараюсь рассмотреть.

Когда заговорщики стали расходиться, Лидия задержала Валентина.

- Знаешь ли, - сказала, она, когда они остались наедине, - со мной делается что-то странное. Я столько наслушалась об этих подземельях, что мне, как во сне, кажется, будто я их вижу, хожу по ним. Я вижу их камеры, вижу Патриарха и Папу... Хотелось бы знать, похож ли Папа на того, кого я вижу? Я еще припоминаю другое. Когда вы меня увозили, мне в полусне казалось, будто мы не по озеру плывем, а движемся по какому-то подводному каналу или в коридоре. А когда меня сажали в повозку, мне казалось, что вы меня вынесли из подземелья, через какой-то подземный люк... Мне неловко говорить об этих неясных сновидениях. Но с тобой я не стесняюсь и прошу тебя: пойди со мной на то место, где меня сажали в повозку. Нет ли там признаков подземного хода? Конечно, все это странно. Но, право, когда Марк или Клермон рассказывают о коридорах, я часто заранее знаю, как расположены ходы или камеры. Они только подтверждают то, что мне казалось самой...

Валентин отнесся к этому совершенно серьезно.

- Милая Лидия, я тут не вижу ничего невероятного. Случаи ясновидения бывают иногда прямо поразительны. Притом наше положение так трудно, а цели так чисты, что возможно и Божественное внушение. Что касается твоей мысли поискать, нет ли связи между тюремными и вылазочными коридорами, то я только удивляюсь, как никому из нас раньше не пришло в голову... Но идти нам вдвоем за озеро - неблагоразумно. Если там есть окончание вылазочного хода, то внутри, конечно, должна быть стража. Мы только встревожим их. Надо повременить. Я сначала переговорю с Марком.

Но Марка ему пришлось повидать только через несколько дней, которые тот безвыходно провел в Тампле на разведках. Когда они, наконец, сошлись, Марк встретил его словами.

- А ведь Лидия оказалась права!

Расхаживая по коридорам - он увидел, что на том месте, о котором говорила Лидия, есть небольшой коридорчик-тупик, а в глубине его дверь. Около нее стоит часовой, который не пустил туда Марка. Расспрашивая о причинах этого караульного офицера, он узнал, что здесь начало вылазного хода. "Вы, - сказал офицер, - имеете доступ в тюремные коридоры, а в вылазочном Вам и делать нечего. Туда никого и не пускают". Таким образом, догадка Лидии о связи тех и других коридоров подтвердилась. Но почему этого не знали тамплиеры - участники заговора? Потому, что ни один из них не был записан в специально караульную часть, а привлекались они в часовые только по случаю переполнения тюрем арестованными. Поэтому они вообще плохо знали коридоры. Что же касается вылазочных ходов, то их знает только высшее начальство, которое назначает тут особые караулы.

- Значит, - заключил Марк, - нужно достать у высшего начальства план этих галерей. Узнав, где они оканчиваются за Тамплем, можно решить, как снаружи проникнуть к подземным тюрьмам.

Валентин передал ему мысль Лидии обследовать место, где ее сажали в повозку. Но Марк отнесся к этому скептически:

- Что же именно обследовать? Ведь Лидия не даст никаких точных указаний. Если даже это ясновидение, то очень темное. Не проще ли добыть план, чертеж? Фон Зальде знаком хорошо с помощником Лармения, заведующим караульной защитой. При побеге Лидии именно через него удалось назначить Яни Клефта начальником караулов на стенах. Теперь фон Вальде может так или иначе добыть в канцелярии помощника план подземной защиты. А бродить за озером без точных указаний - это простая трата времени.

Они вместе спросили мнения фон Вальде. Он согласился с Марком. Хотя план вылазочных галерей - документ секретный, но, вероятно, его можно выпросить посмотреть или можно как-нибудь постараться попасть в вылазочный караул. Только для этого нужен благоприятный случай. Вообще фон Вальде обещал заняться этим делом.

XX

В то время, когда заговорщики отыскивали способ выручить Патриарха и Папу, над головами первосвященителей собирались мрачные тучи. Антиох поставил в своем Совете вопрос об окончательном регулировании религиозного дела во всех исповеданиях, то есть христианском, иудейском, магометанском и буддо-ламайском. Основная цель состояла в признании всеми исповеданиями человекобожия Антиоха и божественного верховенства Люцифера. В отношении христианства эта цель недостижима, почему оно уже уничтожено законом, и вопрос состоит только в фактическом достижении этого.

Антиох снова разъяснил Совету, что для борьбы с Богом и вообще духовными существами, ангелами разного рода, необходима концентрация духовных сил всего человечества около него - Человекобога. Все, что расчленяет психические силы человечества, препятствует этой концентрации, а потому составляет великое зло. Но некоторые исповедания, можно думать, допускают признание Человекобогом и Люцифера, а потому безвредны. Христианство же по существу не совместимо с этим. Оно требует искоренения. В частности, Антиох решил предать смертной казни Папу и Патриарха. Первоначально думали отправить их в Рим, в распоряжение Коллегии Кардиналов, так как никакой связи с делом Осборна у них не найдено. Но потом Антиох передумал. "Их смертная казнь, - заявил он, - нужна как удар по христианству, с которым я решил окончательно разделаться. Если они не отрекутся от Иисуса, я их четвертую, а может быть, и сожгу, для более сильного впечатления". Вообще он недоволен слабостью успехов борьбы против христиан. Их отречения по большей части притворны, они постоянно

приносят покаяние, подвергаясь эпитимиям, и еще усерднее тайно помогают единоверцам. Несмотря на отнятие у них храмов, они совершают тайные богомоления, ухитряются даже скрывать мощи и чудотворные иконы, которые приказано все сжечь, а что касается обыкновенных икон и крестов, то нет ни одного обыска, который бы не обнаруживал их в христианских жилищах. "Все это нужно с корнем вырвать вон, - гневно говорил Антиох. - Я хочу, чтобы на земле не осталось ни единой христианской книги, иконы и т.п., кроме разве ученых библиотек и музеев, в интересах науки. Не должно остаться ни одного христианина. Я запретил эту религию и мое приказание должно быть исполнено".

С этой целью в Совете была назначена Комиссия для определения мер, которые бы стерли христианство с лица земли.

Нужно сказать, что со времени воспрещения христианства все его публичные доказательства преследовались и без того с самой дикой энергией. Все храмы были конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки, отданы под клубы и т.п. Иконы и все принадлежности богослужения сжигались целыми кострами, священные сосуды и драгоценные ризы отдавались на Монетный двор. Какое бы то ни было научение христианству жестоко каралось, и даже келейная молитва объявлена преступлением. Вся эта истребительная политика обрушивалась только на христиан. Индуизм, буддо-ламайство и иудейство сохранили полную свободу. Магометанам было приказано только очистить свое вероучение от всяких следов почитания Иисуса и его Матери как святой, и вообще от какой бы то ни было солидарности с христианством. Над этим работала комиссия ученых мулл при Шейх-уле-Исламе, очень, впрочем, не торопясь.

Итак борьба против христианства велась, казалось бы, достаточно радикально, но Антиох был не удовлетворен, и задумывал меры более действенные.

По решению вопроса о христианстве, в Совете решено было учредить еще комиссии, при участии ученых раввинов, мулл, браминов и лам, для выработки мер о согласовании их религий с признанием Человекобожия Антиоха. Предполагалось достигнуть этого - посредством объявления его новым воплощением Кришны для индуистов, Будды для буддистов, Мессии для иудеев и Махди для магометан.

Заседания Совета всегда были закрытыми. Но его рассуждения и постановления слышал Иуда Галеви, присутствовавший как начальник караула. Таким образом он мог сообщить сотоварищам печальные вести об участи, ожидавшей Папу и Патриарха.

Их освобождение должно было совершить немедленно, или - они погибали. Между тем у заговорщиков не было ничего подготовленного, ни даже какого-либо ясного плана. Группа слушала сообщения Галеви в полном унынии. На собрании присутствовало несколько членов других групп, по приглашению Гуго де Клермона. Яни, весь взволнованный, заговорил первый.

- Друзья, неужто вы не видите, как бесплодны планы освобождения. Пока вы тратите на них время, Антиох нас всех перетаскает, как коршун цыплят. Неужто вам ничего не говорит эта кровь? - Он вынул платок, смоченный кровью Осборна, и взмахнул им. - Неужто она не подсказывает вам единственного лозунга: мщение злодею, смерть Антиоху!

Этот страстный призыв как электрическая искра, пробежал по сердцам присутствующих. Но Лидия задумчиво молчала, а Валентин нахмурился.

- Не горячитесь так, Яни, - сказал он. - Вам надо сначала узнать, что мы кое-что сделали для освобождения. Несколько часов назад мы нашли наружный выход вылазной галереи... Я не знаю, имеем ли мы время воспользоваться этим. Но как исходный пункт это открытие дает

надежду на вовсе не бесплодные планы.

Все обернулись, пораженные этим сообщением, особенно Марк.

- Как нашли, кто нашел?

Лидия поднялась.

- Братя, позвольте мне сказать. Вы, Марк, сочли пустой тратой времени искать вход. Тогда я упростила Валентина отправиться со мной, и вход оказался на том месте, где я предполагала. Мы только не решились, не доложив вам, расследовать его до конца. Но дайте один день срока, и я вам завтра предложу план, за успех которого ручаюсь.

Она начала едва слышно, но кончила громким голосом, проникнутым духовной уверенностью.

- Я поддерживаю предложение, - сказал Валентин. - Прошу сегодня же ночью обследовать галерею.

Пораженное собрание согласилось и назначило для обследования - Лидию, Валентина, Марка и Яни Клефта. Гуго объявил, что лично поведет их. Захватив с собой лопаты, оружие и фонарь, они двинулись, так как уже наступала ночь.

По дороге Лидия опять погрузилась в задумчивость, а Валентин объяснил, как он наткнулся на галерею. Сначала они недоумевали, с чего начать обследование? Но Лидия несколько раз подходила к берегу, что-то соображала, отходила от берега, зажмурив глаза. Наконец, она стала около одного бугорка. "Валентин, - сказала она, - галерея идет по этой линии. Я ее чувствую под ногами. Кончается она здесь: попробуйте лопатой". Валентин начал копать, и сразу лопата открыла какую-то нору. Он пошел туда и нащупал каменные ступеньки. Зажегши фонарь, он увидел свод и ступеньки, идущие вниз. Лидия требовала тотчас же спускаться в галерею, но он не согласился. Они могли там погибнуть, и товарищи даже не узнали бы, куда они девались. Лидия покорилась, но в томительной тоске повторяла: "Патриарх и Папа в какой-то страшной опасности. Я чувствую это. Смотри, мы опоздаем"...

- Заметьте, господа, - сказал Валентин, - что в это время Галеви нам ничего еще не сообщал: Лидия так томилась предчувствием, что я едва устоял - не начать обследование, не сказавши вам.

- Поразительная чувствительность, - промолвил Марк. - Не даром Аполлоний так старался овладеть им. А я, глупец, хотел разыскивать чертежи!

Прибыв на место, компания живо откопала вход, засыпанный, очевидно, только для замаскировки его, и увидела каменную галерею, которая через несколько шагов пошла по горизонтальной линии, очевидно, под озером. В ней было сыро и местами капала вода. Не слышалось ни звука. В молчании они прошло версты две, и галерея снова пошла кверху. "Две версты, - пробормотал Гуго, - это приблизительно ширина озера. Значит мы идем уже под Тамплем". Стены галереи в этом месте были снабжены многочисленными нишами, - очевидно, чтобы прятаться, защищаясь от вторжения неприятеля. Прошли еще немного, и галерея замкнулась стеной с дверью. Дальше некуда было идти. По ту сторону двери, вероятно, и находился часовой. Малейший шум мог привлечь его внимание. Гуго потушил фонарь. Марк шепотом попросился к двери... Прошло несколько минут. Марк, возвратившись на цыпочках, дернул Гуго к выходу. Но Лидия также попросила отпустить ее к двери. Ее отсутствие тянулось томительно долго. Наконец она явилась. "Кажется, мы можем свободно разговаривать", - сказала она потихоньку. Но Гуго двинулся к выходу и остановился только пройдя порядочное

расстояние.

- Ну что же вы оба слышали?

Марк, припав ухом к двери, слышал шаги часового. Он руками нащупал скважину замка. У него при себе всегда есть отмычка, но при часовом нельзя попробовать отворить дверь.

- Мне кажется, что часового уснул, - сказала Лидия. - Я попробовала загипнотизировать его, и шаги стихли.

Она рассказала, что когда ее гипнотизировали в Тампде, она попробовала отвечать своим мучителям тем же оружием, и ни один из них не мог устоять. Раз она усыпила через дверь часового, который надоедал ей подсматриванием. Ее магнетизерской силе удивлялся сам Аполлоний. Марк слушал с изумлением.

- Есть чему удивляться, - произнес он с уважением профессионала. - Я сам магнетизер, но ничего подобного не могу сделать. Позвольте мне опять к дверям.

Через несколько минут он возвратился бегом.

- Дверь отворяется. Идите скорей, Лидия. Нужно разбудить часового. У меня он не просыпается...

Скоро оба возвратились спокойные и довольные. Это был день великих открытий. Оказалось, что Марк рискнул пустить вход отмычку и дверь раскрылась. За ней он увидел уже знакомый ему тупичок, ведущий в тюремные коридоры, и часового, неподвижной колодой прислоненного к стене. Лидия разбудила его потом сквозь запертую дверь, и шаги его снова зазвучали.

Никто не был так поражен всем происшедшим, как Яни.

- Ну, Лидия, - заявил он, - теперь я ни в чем, никогда ни слова не возражу Вам. Что прикажете, все буду делать без рассуждения,

Когда они снова выбрались на свет Божий и прикрыли выходное отверстие, Лидия спросила:

- Марк, не слышали ли Вы, когда будет заседание подземного трибунала?

- Кажется - послезавтра. Я должен явиться к своей "батарее" послезавтра.

- В таком случае послезавтра же мы должны освободить Патриарха и Папу!

Она говорила уверенно, торжественно, почти повелительно.

- Присядем, господа, - продолжала она, - позвольте предложить вам план действий.

План ее был более, чем смел, и мог сойти удачно только потому, что такой дерзости никто не ожидает, да еще по особому Божьему покровительству. Лидия и надеялась именно на это покровительство. Она так молилась, так горячо просила указать ей путь, что теперь была уверена во внушении свыше. По ее плану несколько рыцарей должны явиться в подземную тюрьму под видом караула, посланного будто бы привести Патриарха и Папу в трибунал, и, получив их из камер, - вести в тупик. Между тем Марк поведет с собой в тюрьму Лидию в качестве якобы нового члена психической батареи... Конечно, вести Лидию в такие места, где ее знало так много людей, - это казалось совершенное безумие. Но она ничего слышать не хотела: "Меня не узнают, я очень изменилась, я ручаюсь, что все сойдет благополучно"... Итак,

в нужное время она загипнотизирует часового, а Марк отворит двери. Когда фальшивый караул получит Патриарха и Папу, он должен вести их с полной дерзостью не налево, а направо, завернуть в тупик и уходить по вылазной галерее. Дверь ее снова запирается, часть рыцарей остается в нишах и вооруженной рукой возможно дольше задерживает погоню. Несколько человек должны сторожить за озером у входа в галерею, чтобы отбить всякую попытку пресечь беглецам путь с этой стороны. Затем оба беглеца препровождаются в Вади Руми и далее в Сирию.

На это предприятие приходилось поставить почти весь состав кружка. План выслушали в глубоком молчании, потом сделали несколько возражений, особенно против появления Лидии в тюрьме... Но в конце концов - все согласились.

- План - полон слабых мест, и мы рискуем уложить весь кружок, - сказал Валентин. - Но, может быть, эта же невероятная дерзость и даст успех. Возложим надежду на помощь Божию. Поверим и вдохновению Лидии: она сегодня достаточно доказала его. Я согласен.

- А я только что обещал без рассуждений делать то, что она укажет, - сказал Яни Клефт.

Марк кратко выразил согласие и махнул рукой.

- Очень дерзко, очень рискованно, - заметил Гуго, - но заманчиво все сразу кончить. Да и умного все равно ничего не придумаешь. Я согласен.

План был принят, и де Клермон должен был окончательно распределить роли участников предприятия.

Через два дня Тампль представлял зрелище невиданной и неслыханной суматохи. План Лидии был выполнен как по писанному и с такой удачей во всех подробностях, какой даже не смели ожидать. Когда фальшивый караул, пришедший будто бы из трибунала, под командой старшего офицера Висконти, за Папой и Патриархом, получил обоих узников и повел их не налево, а направо, то часовые не обратили на это никакого внимания. Даже когда шествие свернуло в вылазочный тупик часовые нимало не встревожились, так как не знали, что находится в тупике и полагали, что если офицер ведет туда арестантов, то значит так нужно. На Лидию никто не обратил внимания, ни одного знакомого не попалось, а присутствие Марка было очень кстати, так как давало повод думать, что Папу и Патриарха будут подвергать гипнотической подготовке к допросу. Таким образом, никакой тревоги в первое время не возникало. Лишь тогда, когда дежурившие часовые заметили, что в тупике нет ни души, кроме спящего часового, они пришли в недоумение и доложили о странном случае своему офицеру. Тот, единственно посвященный в тайну вылазной галереи, поднял тревогу и бросился к дверям. Но они оказались не только заперты на ключ, а еще снаружи крепко приперты. Чтобы пройти в галерею, их пришлось взломать, и когда это было сделано - она оказалась уже пуста, а около озера полузалита водой. Заговорщикам удалось пробить своды коридора, так что в него хлынула вода. В Тампле царило страшное волнение. На другой берег озера помчался отряд. Там сразу был найден взрытый ход в галерею и многочисленные следы людей, но ни одной живой души. Погоня бросилась по следам беглецов, но и тут ее преследовало несчастье. В пустыне уже второй день дул жестокий ветер и кучами песка засыпал следы бежавших. Проплутав несколько часов по пескам и камням, измученные преследователи возвратились ни с чем.

Нельзя выразить ужаса Лармения и бешенства Антиоха. Достаточно было получасового дознания, чтобы установить личность рыцарей, разыгравших роль караула. Это были Вальде, де Клермон, Барабаш, Измаил Эфенди, Заремба и Кастилья, под командой старшего офицера

Висконти. Все видели присутствие Марка Хацкиеля с какой-то неизвестной женщиной. Через несколько времени обнаружилось, что бежали также Штейн, Каширский и Сеитов. Никто не был захвачен. В отсутствии был также Иуда Галеви, но оказалось, что он несколько дней назад взял отпуск и уехал к родным в Рим.

Похищение узников, притом столь важных, являлось, с точки зрения надзора, истинным скандалом и обнаруживало крайнюю общую небрежность и неумелость в исполнении обязанностей. Сверх того, похищение произведено лучшими рыцарями. В тот момент, когда Церкви предполагалось нанести жестокий удар казнью первосвященников, - знаменитейшие рыцари их освобождают, рискуя жизнью, то есть, значит, под влиянием глубоких христианских убеждений. Насколько же можно полагаться на весь корпус? Сколько в нем кроется врагов Антиоха и его системы? Было от чего прийти в негодование и даже ужас, если бы Антиох не показывал себя недоступным страху. Но он рвал и метал, как бешеный. Он чувствовал потребность разнести что-нибудь в прах, стереть с лица земли. Все часовые в коридоре и караульный офицер были, по приказанию его, преданы смертной казни. Множество рыцарей были арестованы, и над всеми назначено строжайшее дознание. Вызванный к Антиоху Лармений трепетал за свою жизнь, но после бурных сцен успел оправдаться. Он напомнил своему повелителю, что все рыцари-изменники были зачислены в Орден по его личному приказанию и вопреки протестам Лармения. Он напомнил, что постоянно заявлял о невозможности иметь порядочную полицию из рыцарей, которые не подчиняются дисциплине, а часто обнаруживают брезгливость к исполнению полицейских обязанностей. На помощь Лармению явилось и заступничество Аполлония. В конце концов Антиох признал его невиновным. Но он совершенно уничтожил Орден Тамплиеров. Стражу Тампля приказано было организовать на общих полицейских основаниях. В ее состав разрешено было принять и рыцарей, выдержавших искус дознания, остальных же приказано зачислить в обыкновенную армейскую службу, с учреждением над ними бдительного надзора начальства.

Лармений, за уничтожением Ордена, терял должность Гроссмейстера, но получил назначение в Председателя политического суда. Ему же было поручено разыскать бежавших рыцарей и первосвященников, и в связи с этим произвести повсеместные обыски у всех лиц, подозреваемых в исповедании христианской веры. Антиох приказал ему при этом возможно сильнее терроризировать христианское население.

XXI

Восторженная радость охватила христиан при вести об освобождении первосвященников. Это был яркий луч света во мраке их существования. Такая чудесная помощь Божья, такое посрамление Антихриста, подняли дух гонимых. Все понимали, что Антиох ответит безудержными репрессиями, но спасение первосвященников служило для всех доказательством, что если Богу угодно сохранить человека, то ничего не достигнуто все силы адские. И вот повсюду слышалась молитва. Большие скопления верующих давно стали невозможны, но по отдельным жилищам собирались кучки христиан и служили благодарственные молебны. Более многочисленные собрания допускала погребная церковь епископа Августина, доселе избежавшая разгрома. Там теперь шли ежедневные службы. Но церковь привлекала не одним богослужением, она была местом, где узнавали новости о гонениях, о судьбе родных и близких, а иногда и о радостных событиях, как теперь о спасении Патриарха и Папы.

Развалины, произведенные землетрясением в день воскресения Ильи и Эноха, постепенно исчезали в более оживленных частях города.

Но значительное пространство продолжало оставаться царством мертвых руин, и здесь-то

высились полуобрушенные стены громадного дома, подвал которого епископ Августин облюбовал для своего тайного храма. В погреб входили через подземную галерею, и когда двери ее были заперты, - из глубины подвала наружу не достигало ни звука. Случайный прохожий не мог и догадаться, что под его ногами гонимые поклонники Христа воспевают Ему горячую хвалу. Бедна и убога была обстановка этого убежища веры. Обстоятельства не позволяли украшать его, чтобы шумом работ не выдать его существования. На голых стенах кое-где висело несколько небольших икон, у которых теплились лампы. С восточной стороны был отгорожен занавесками алтарь, в котором покрытый пеленою стол, с походным антиминсом [1], служил престолом, другой - жертвенником. Около алтаря виднелись две невысокие хоругви, аналой и стол с крестом, вечно уставленный свечами в поминовение убиенных и замученных. Впрочем, восковые свечи добывались с трудом, так как их производство было воспрещено, и они изготовлялись домашним способом, по преимуществу в сирийских убежищах. В полумраке этой катакомбы, где едва различались фигуры молящихся, алтарь светился разноцветными лампадами, как маяк, указывающий путь спасения.

С неделю после бегства первосвященников в храме стояли и сидели несколько десятков богомольцев. Они тихо разговаривали между собой. Некоторые подкрепляли силы просфорами и стаканом красного вина. Служба уже отошла, но епископ ожидал посыльного от Патриарха, и народ не расходился. Разговоры касались большею частью обысков и арестов. Полиция свирепствовала по городу, врываясь даже в жилища не христиан, которых, впрочем, оставляли в покое, если обыск не обнаруживал ничего подозрительного. Христиан же большей частью выдавали иконы. Найдя их, полиция арестовывала поголовно всех обитателей квартиры. Такое несчастье как раз произошло в эту ночь с семьей каменщика Франца. Нагрянула полиция, нашла иконы и спросила, зачем здесь эти возмутительные изображения?

- Я христианин, - отвечал Франц.

- А, христианин! Тащи их всех.

Жена с дочерью успели выскочить и теперь плакали в уголке церкви.

- Остались мы бесприютные, негде голову преклонить. Соболезнующий народ окружил их.

Епископ принес из алтаря несколько просвир и красного вина.

- Подкрепитесь-ка, Бронислава, - сказал он. - Да не плачьте преждевременно. Бесприютными не останетесь. Я вас сегодня же выведу за город...

Тут раздался условный стук в двери, и сторож ввел дюжего парня, растрепанного, с красными ссадинами на лице. Бронислава бросилась к нему - это был их старший сын:

- Откуда ты? А где же отец?

- У Господа Бога...

Бедная женщина упала в обморок. Когда ее привели в чувство, Ян, сын, рассказал, что их с отцом повели двое полицейских и всю дорогу ругали и колотили. Особенно доставалось старику. Ян не выдержал: "Не троньте его; веди в полицию, а бить не смеешь". - Не смею?! Ах ты, щенок. Да я его убью, как собаку". И он рубнул его наотмашь тесаком. Франц упал, обливаясь кровью, а Ян бросился на полицейских, свалил одного ударом в висок, а другого начал душить. Тот захрипел. Ян кинулся к отцу. Он лежал мертвый. Тесак перерубил ему шейные артерии. Опомившись, полицейские схватили было Яна, но сильный парень разметал их и убежал. Куда девался его брат, он не знает. Мальчик куда-то отбился по дороге.

- Он, конечно, прибежит куда-нибудь к знакомым. Тогда сейчас же приводите его. Нужно их отправить всех, - распорядился епископ.

В дверях опять послышался стук. Вошли Юсуф, Валентин и статный молодец, неизвестный богомольцам. Это был фон Вальде.

- Братья, сейчас узнаем новости. Что ты привез, Юсуф?

- Письмо святейшего Патриарха, и другое святейшего Папы Римского.

Августин просмотрел письма.

- Кто у нас тут римско-католики, - спросил он.

Выступили семья Франца и еще два-три человека.

- Вот, братья, оба святителя извещают, что Святейший Папа Римский поставил в священники отца Игнатия Вальде, бывшего тамплиера. Епископа Викентия нет с нами, так вручаю вам нового пастыря.

Отец Игнатий сказал несколько слов своему маленькому стаду и передал ему благословение Святого Отца, а епископ Августин сообщил всем подробности о спасении обоих первосвятителей. Фон Вальде прибавил многое и от себя как участника в освобождении их и очевидца их жизни в Сирии. Патриарх Василий прислал также послание свое, которое было тут же прочитано. Он рассказывал о мучениях, которым подвергся, и увещевал всех быть твердыми, чтобы достойно встретить близкое пришествие Спасителя. Народ оживился и повеселел, слушая все эти сообщения. Всех порадовали также рассказы Юсуфа, о Вальде и Валентина о спокойной жизни в сирийских убежищах, куда рассчитывали перебраться и многие из присутствующих.

После этого пора была и расходиться. Это требовало немало времени, потому что выходить толпой было нельзя. Да еще не кончились и дела. Нужно было подвести счета нуждающимся в помощи, больным и т.п., и распределить, кто о ком может лучше позаботиться. Несколько человек нужно было отправить за город, в том числе семью Франца.

Только покончив со всем этим, епископ дал народу благословение расходиться, а сам присел потолковать с Валентином.

- Что еще скажешь мне, - спросил он.

Валентин рассказал, что члены кружка, покончив освобождение первосвятителей, - занимаются остальными намеченными ими делами. Яни Клефт, конечно, весь пылает мыслью об убийстве Антиоха, другие вербуют людей для восстания. Все это, конечно, не касается епископа. Но от старца Иоанна он привез просьбу, нельзя ли усилить сбор продовольствия для убежищ и - отправлять беглецов не исключительно в Сирию. Старец заготовил немало убежищ по разным странам, и в них повсюду живут также благополучно и спокойно.

- Вот, Вам, Владыка, список этих мест, - сказал Валентин.

- Хорошо, будем пользоваться и ими, - отвечал Августин. - Постараюсь собирать побольше и продовольствия. Только ведь теперь все и повсюду оскудели. У самого Антиоха не лучше. Наболтал он на весь мир, что ему подчинена природа, а она не желает ему служить. То засуха, то наводнение, то жар, то холод, и все не вовремя. Хочет Господь, чтобы люди поняли свое

безумие, увидели бы, что не Антиох с Люцифером распоряжаются силами природы. Да их ничем не вразумишь... А нас, авось, пропитает Господь... Но расскажите же подробнее, как там поправляются наши мученики-первосвятители?

Валентин обрисовал их жизнь: тихая, спокойная; она действует на них, как целительный бальзам. Но чем больше они поправляются, тем больше сокрушаются, что оторваны от своих паств. Это уже теперь, через несколько дней после тюрьмы. Вряд ли их можно долго удержать в убежищах, а между тем, считается, что им необходимо подольше там пожить, потому что оба крайне истощены. Он просил старца Иоанна не выпускать их без медицинского осмотра.

- А знаете, Владыка, какой любопытный разговор был у меня со старцем о нашем Человекобоге? Он его называет безумным, то есть просто в смысле сумасшествия....

- Как же так, - с удивлением спросил Августин. - Да ведь его все считают гением...

- Это одно другому не мешает. Я как медик, как психиатр был заинтересован отзывом старца, и представьте - совершенно согласен с ним. Только, конечно, старец бросил лишь краткое замечание, а я его продумал как медик.

- И каково же Ваше заключение? Выходит, что его должно признать невменяемым, не ответственным?

- Напротив, вполне вменяем и ответственен: старая медицина страшно раздувала понятие о невменяемости, потому что отрицала самостоятельность личности. Но теперь так уже нельзя смотреть. Сумасшествие, то есть упрочившееся ненормальное состояние ума, состоит в том, что человек теряет сознание реальности; соотношение сил и предметов представляется ему не таково, как оно есть в действительности. Вменяемость при этом определяется причинами, которые привели человека в это состояние иллюзии. Если причина зависит от чего-либо внешнего, подавляющего мозг или разбивающего его составные части, как, например, при прогрессивном параличе и т.п., то человек становится невменяемым. Но если сам, по каким-либо собственным побуждениям, переставляет аппараты своего материального или духовного восприятия так, что они показывают все бытие в извращенном виде, то он ответствен за результаты. Любопытно, что в Св. Писании грех часто является последствием безумия... Таков именно случай Антиоха. Ему были даны огромные силы восприятия и ума. Все планы бытия ему доступны и он имеет все способы проверять свои восприятия. И как же он этим воспользовался? Он так изуродовал свои аппараты восприятия, что возомнил себя сильнее Бога, поставил задачей жизни свергнуть его и стать на его место. При малейшей искре здравого смысла ясно, что это идея безумного, сумасшедшего, но идея греховная, порожденная беспредельным желанием величия. Он и теперь мог бы излечиться от своего безумия, если бы захотел. Даже при гораздо менее остром уме легко понять, что быть господином вселенной может быть только ее создатель или устроитель, а он знает, что он - ни то и не другое. Но он сам не хочет потерять иллюзию, которая его прельщает, не хочет допустить себя к сознанию реальности, потому что тогда он увидит себя существом сравнительно очень малым. А он хочет быть непременно выше всех. Он, вероятно, в глубине души относится ревниво даже к своему Люциферу, психология которого совершенно такая же. Антиох является высшей степенью развития давно назревавшей духовной болезни человечества, которое не хочет быть под властью Бога, хочет управлять собою самостоятельно. Но Антиох понял, что это возможно только в том случае, если человек станет на место Бога во всей вселенной; отсюда выросла его беспримерная *mania grandiosa* [2], которую Люцифер, конечно, постарался возможно сильнее раздуть... В результате - духовно выродившееся человечество идет к концу мира под руководством вождя, - которому, в нормальное время, было бы одно достойное место - в доме душевно больных.

- Да, - заметил Августин, - это, пожалуй, похоже на правду... Однако все уже разошлись. Пора и нам. Идем тушить лампы, - а потом - хотите ночевать у меня? Потолкуем еще на досуге.

Через несколько минут они вышли, а храм погрузился в безмолвную тишину и непроглядную тьму.

Антиминс (греч. "вместопрестоліе") - четырехугольный плат, на котором происходит освящение Св. Даров ^

Мания величия - (лат.) ^

XXII

Назначение Комиссии по регулированию иудейского вероисповедания ставило перед еврейством вопрос, в котором оно само еще не разобралось. Получив приглашение прислать в Комиссию своих делегатов, великая синагога немедленно назначила собрание, на котором партии Боруха Хацкиеля и Эзры Гаона вступили в ожесточенное состязание. На собрание прибыл и официальный делегат от Кол Изроель Хаберим, который имел инструкцию возможно оттеснить и затянуть решение вопроса. В этом отношении Кол Изроель Хаберим явился испытанным выразителем настроения консервативной части еврейства.

Точка зрения, на которой стоял Борух, то есть признание Иисуса Христа Мессией, - означала отречение евреев от последних 2000 лет жизни, в течение которых они подрывали христианство как религию, подрывали основы христианской государственности, вырабатывали крепкую внутреннюю организацию и деятельно участвовали в выработке идей, произведших революцию в христианском мире и обеспечивших всемирное влияние евреев. Все это нужно было признать ошибочным в тот самый момент, когда работа исторического еврейства дала плоды по крайней мере в том, что касается сокрушения христианства. Такой подвиг самоотречения ставил перед еврейством вместо прежней работы новую, прямо противоположную, то есть из врагов христианской веры и общественности оно должно было стать их опорой. Нужно было стать тем, чем Израиль отказался быть 2000 лет назад, с той разницей к худшему, что прежде Израиль был бы центром и инициатором новой великой эры, а теперь он должен примкнуть к чужой работе. И как это сделать? Должны ли евреи расплыться по церквам различных христианских вероисповеданий? Тогда где же будет целостное, коллективное еврейство? Борух отвечал, что евреям вовсе не обязательно примыкать к той или иной церкви. Они должны войти в Церковь Христову, но в ней могут занять отдельное место, иметь собственную иерархию и свои обряды. Это даст им возможность выступать коллективно и вносить в жизнь и борьбу христианства мысль и силу целостного Израиля, то есть Еврейской Христианской церкви. Конечно, если кому-либо из евреев более по сердцу стать римско-католиком, православным и т.д.- это дело их свободного выбора, и вообще эти различные формы церковного существования являются, при всей их важности, вопросами второстепенными. Основная задача состоит в том, чтобы быть со Христом, служить ему, совершать в мире им узаконенную миссию. В настоящий момент, последний в жизни мира, миссия Христова служения, приводит к борьбе с Антиохом и его планами, а следовательно, и к мученичеству. Но это не может останавливать современного еврея, как не останавливало Петра, Павла и других учеников Христа, таких же евреев, 2000 лет тому назад. Евреи этим искупят свою историческую вину и докажут, что их высшее стремление составляет жизнь с Богом, а не земное благополучие.

Такие призывы Боруха Хацкиеля сильно действовали на наиболее идеалистическую часть еврейства. Но земной патриотизм оставался в нем преобладающим чувством большинства и заставлял прислушиваться к проповеди Эзры о мессианстве Антиоха.

Правда, что признание его Мессией также возбуждало великие недоумения. Стремление Антиоха подчинить себе высшие сферы духов не смущало Эзру и единомышленников ему каббалистов. Ведь и они, своими молитвами и заклинаниями, напряжением духовной силы своей, способны подчинять себе гениев и духов планет. Насколько же эта способность должна быть выше у Мессии! Сам Эзра Гаон участвовал в заклинаниях, направленных, для ускорения рождения Мессии, на "Короля" и "Королеву" сефиротов, то есть непосредственные проявления Бога [1]. Кто может сказать, с какой степенью силы может влиять на божество сам Мессия? Все это не противоречит мессианству Антиоха. Но Мессия должен быть национальным вождем евреев, приносящим всемирное господство их. Антиох же совершенно не выступал в такой роли. На это и указывал представитель Кол Изроель Хаберим как на препятствие для предположения Антиоха Мессией. Эзра возражал, что Мессия не сразу заявит себя национальным вождем Израиля, но, даже допуская это, - не было оснований усматривать Мессию в Антиохе раньше, чем он проявит соответственные стремления.

Была значительная часть еврейства, которая соглашалась признать Антиоха Мессией без всяких оговорок, но это были люди, внутренне отрекшиеся и от своей веры, и от национальности, принадлежавшая к общеинтеллигентным воззрениям, овладевшим и массами, тем воззрениям, представителем которых был Антиох. Эти евреи готовы были признать Антиоха Мессией не потому, что верили в его мессианство, а из желания облегчить ему путь действий, отдавши в его распоряжение силы еврейского народа. Но эти люди, "апикореи", как их называли верующие, остерегались вступаться горячо в дело, чтобы не бросить тени своим союзничеством на проповедь Эзры Гаона [2]. Консервативная же часть евреев одинаково досадовали на Боруха и на Эзру за то, что они вносят разделение в среду их народа, прежде так сплоченного. Они не понимали, что времена сплоченной неподвижности безвозвратно миновали, и что для евреев стало неизбежным бросить свою тяжесть на ту или иную чашку весов мировой борьбы.

Центральное управление Кол Изроель Хаберим, конечно, считало проповедь Хацкиеля в высшей степени вредной и еретической и понимало, что она хоронит тысячелетнюю историческую работу еврейства вообще, а в частности и самого Кол Изроель Хаберим. Но оно ясно сознавало также, что Антиох никогда не станет искренне еврейским Мессией. Когда-то Кол Изроель Хаберим сам помогал карьере его, имея надежду вырастить из него еврейского Мессию. Но Антиох, воспользовавшись помощью, пошел иным путем и занял положение вполне независимое и гораздо более высокое. Мыслимо ли было теперь ожидать, чтобы он удовлетворился более скромной ролью? Он не прочь быть Мессией, но не для служения еврейству, а для того, чтобы оно ему служило. Единственное средство принудить его к искреннему принятию роли Мессии состояло бы в том, чтобы как-нибудь ослабить его и подорвать, так чтобы он не имел иного выхода, как искать помощи у Кол Изроель Хаберим. Поэтому еврейский центр смотрел сочувственно на восстание Осборна, дал своему агенту, Иуде Галеви, приказание помочь освобождению Папы и Патриарха, а также вербовать силы для нового восстания. Теперь желание Антиоха - принять звание Мессии, вместе с ролью Махди, Кришны, Будды и объединяющей всех их ролью Человекобога, - разрушало все надежды подчинить его и, напротив, делало его господином Кол Изроель Хаберим. А между тем и ссориться с ним было уже опасно. В таких условиях оставалось все-таки наиболее выгодным затянуть мессианский вопрос в надежде, что могут явиться какие-нибудь благоприятные обстоятельства.

В числе их особенно приятна была бы смерть Антиоха, после которой на роль Мессии можно было выдвинуть какого-нибудь более покладистого и искреннего еврея.

Таким образом стараниями Кол Изроель Хаберим синагога решила отправить к Антиоху депутацию с объяснением, что Мессией может быть только национальный вождь еврейства, и с

запросом, в какой форме может он исполнить эту миссию и дать Израилю мировое господство? Предложение Эзры Гаона относительно мессианства Антиоха было решено поставить в зависимость от переговоров депутации. Что касается предложений Боруха Хацкиеля, они были синагогой отвергнуты, но только после страстной борьбы, так у него оказалось гораздо больше приверженцев, чем можно было ожидать. Значительная часть евреев не хотела разрывать с ним и старалась хоть оттянуть разрыв. Боруха убеждали по крайней мере не организовывать Еврейской церкви до тех пор, пока на его сторону не перейдет большинство евреев. Но Борух и на это не соглашался. Он твердил, что нравственная обязанность евреев требует поддержать христианство в эти тяжкие времена гонений, и что всякие отсрочки в исполнении этого - были бы в высшей степени предосудительны. Используя все усилия избежать этого, синагога наконец постановила: Боруха Хацкиеля с единомышленниками - отлучить, но в надежде на их раскаяние наложить на них пока лишь малый херем [3].

Такой исход долгой и тяжелой борьбы не особенно, впрочем, огорчил Боруха, так как заранее был им предусматривает. Это не было безусловное поражение. Напротив: во всяком случае великий клич прозвучал в шатрах Израиля. Теперь нужно было озаботиться только, чтобы он зазвучал неумолчно, привлекая ко Христу все новых и новых последователей. Борух считал, что это лучше всего будет достигнуто при организации особой Еврейской Христианской церкви, с собственным клиром и иерархией, с сохранением всего обрядового и бытового ритуала, какой только не противоречит христианству. Даже и в отношении таинств он принял литургию апостола Иакова, как такую, которую составили иудеи, а не греки. Он составил несколько новых молитв, одну покаянную и другие, прославляющие Господа Иисуса многократным повторением слов "Благословен Грядый во имя Господне". Он предложил несколько новых святых, как Эсфирь и другие почитаемые евреями личности. Он и в церковных отношениях возможно больше сохранил древнееврейский характер. Одновременно с этой работой, Борух обратился к Православной и Римско-католической церквям с просьбой о принятии новой еврейской церкви в сонм христианских, на правах автокефалии [4], и с обычным для всех подчинением соборам. На это очень быстро и впоследствии согласие, и сам Борух, по принятии хиротонии [5], стал Патриархом ее.

Количество евреев, присоединяющихся к Еврейской Христианской церкви, быстро возрастало. Но Эстер решительно заявила, что ей не нужно никаких древних еврейских обрядов, что она присоединяется не к обрядам, а ко Христу, и принимает Православие со всем его чином и обрядами. По ее настояниям так же поступил и Марк. Борух был отчасти очень доволен тем, что семья Патриарха явилась для евреев наглядным уроком и примером присоединения ко Христу без придавания особой важности обряду. Он и сам неустанно твердил своим соплеменникам, что близко время, когда они увидят Христа и войдут в новую жизнь Царства Небесного, в которой не будет уже никаких здешних обрядов.

По учению Каббалы, непостижимый Бог - Эн-Соф - проявляется в мире, творя его и управляя им, посредством десяти сефиротов, как бы отдельных своих изливаниях, в совокупности и составляющих божество ^

"Апикореи", то есть эпикурейцы - это слово у евреев издавна стало обозначать людей вольнодумных, неверующих, атеистов, неблагочестивых ^

Херем - отлучение в иудаизме ^

Автокефалия обозначает независимость, самостоятельность Церкви ^

Хиротония - посвящение в епископы ^

XXIII

Через несколько дней после бегства Папы и Патриарха на палубе громадного пассажирского корабля, идущего прямым рейсом от Яффы в Рим, очень развязно и весело разгуливал весьма неожиданный путешественник. Это был епископ Викентий, конечно, не только в светском костюме, но и без своего тамплиерского цветочка. В общем разгроме Ордена он уцелел благодаря своей смелости и находчивости.

Зная о предстоящем побеге первосвятителей, он мог бы своевременно скрыться из Тампля. Но ему было передано от генерала Общества Иезуитов [1], что принужденное, для спасения Святого Отца, скомпрометировать двух своих членов-тамплиеров, Общество крайне нуждается в сохранении среди вражеского стана хоть последнего своего собрата. Посему генерал настоятельно просил Викентия приложить к этому все свои усилия. Распоряжение было основано на незнании новейшего положения вещей и угрожало Викентию бесполезной гибелью. Но он был слишком дисциплинированный иезуит, чтобы не попытаться исполнить желание своего генерала. Поэтому он не скрылся, а остался на месте как человек со вполне чистой совестью. Это снова обмануло Лармения. Конечно, когда началась общая гроза, Викентий был арестован и вместе с прочими тамплиерами привлечен к дознанию. Но он мимоходом заметил Лармению, что теперь, с уничтожением Ордена, он перестает быть сборщиком пожертвований. Между тем в Риме, где он главным образом и действовал, у него остались значительные суммы, уже пожертвованные, но еще не собранные, и было бы очень жалко их потерять, так как, конечно, никто не станет вносить денег, когда известие об уничтожении Ордена повсеместно распространится. Лармений отнесся к этому очень внимательно, так как большая часть пожертвований, не допуская точного учета, всегда шла в его карман. Убеденный в непричастности Викентия к побегу Папы и Патриарха, он поторопился объявить его, по дознанию, оправданным и совершенно свободным, но немедленно командировал его в Рим, чтобы как можно скорее собрать все пожертвованные суммы.

Между тем Викентию и было необходимо побывать в Риме, чтобы лично доложить генералу Иезуитов о положении дел в Иерусалиме и испросить инструкции для дальнейшего поведения. Таким образом, все устроилось согласно его желаниям.

Любуясь теперь Средиземным морем, вполне довольный самим собой и судьбой, он вдруг с удивлением заметил неожиданного спутника - Иуду Галеви. Зная близкие отношения его к заговорщикам, он сначала колебался, заговорить ли с ним, но любопытство взяло верх. Он подошел и выразил удовольствие видеть бывшего собрата.

- Почему же бывшего? - спросил Галеви.

- Потому что наш Орден уничтожен.

Иуда выразил свое крайнее удивление. По его словам, он, получив уже недели две назад отпуск, совершенно ничего не знал о делах Тампля. Это показалось Викентию весьма сомнительным, но он покорился судьбе и начал рассказывать Галеви последние события, подумывая: "Все это ты, любезнейший, знаешь не хуже меня".

- Что же такое теперь мы с Вами, - спросил Иуда, выслушав рассказ.

- А уж не знаю. Можем идти в полицию, можем идти в армию... Я еду в Рим по специальному поручению бывшего Гроссмейстера, а о вас ничего не знаю.

- Я еду в Рим к родным, но если Орден уничтожен, то значит придется искать места, более привлекательного, чем полиция или армия.

Так они и добрались до Остии, наблюдая друг за другом, и не очень-то довольные встречей, но рассыпаясь в товарищеских любезностях.

Вечный Рим подходил к концу времен, продолжая сохранять характер столицы мира, по крайней мере одной из столиц. Иерусалим сделался политической столицей, но был слишком связан с личностью и властью Антиоха. Сам по себе, в лице своего населения, ставшего чрезвычайно сборным, так сказать, международным, он не дышал никакими глубокими традициями. В нем чувствовалось, что он не принимал глубокого участия ни в какой великой эволюции человечества. Он был колыбелью юдаизма и христианства, но развитие того и другого шло вне стен его, далеко за пределами его территории. Он являлся священным знаменем для многого, но не был действующей силой чего-нибудь. Наоборот, Рим постоянно оставался действующей силой мирового развития, и это сказывалось глубокими чертами в самом населении его, массы которого были носителями различных направлений человеческой эволюции. Много сот лет он был не только столицей Римского католицизма, но и движущей силой его до такой степени, что долгое время все папы, по происхождению, принадлежали к римским патрицианским родам. Он сделался потом столицей франкмасонства, разлагавшего христианство. Он сделался столицей павшей церкви, "Вавилонской блудницы". И несмотря на то, что Ватикан и все наследие Римского католицизма стали достоянием врагов Божиих, вечный город продолжал быть столицей западного христианства. Его католическое население чрезвычайно уменьшилось, ему приходилось прятаться, сам Папа скрывался в отдаленной Сирии. И тем не менее жизнь западного христианства била, хотя ослабленным, но кипучим ключом именно в Риме. Здесь жили люди, связанные с христианством не только личной верой, но родовыми традициями, насчитывающими иногда тысячелетнюю давность. Здесь жили и святые, и мученики, и праведники, жили со Христом и боролись за Христа.

Здесь поместил свой центр и Орден Иезуитов. Ослабленный, преследуемый, скрывающийся, он распускал слухи, будто бы его генерал имеет резиденцию в Нью-Йорке, Пекине, Калькутте, чтобы сбить со следа гонителей своих. Но в действительности генерал находил наиболее прочным местом пребывания и действия - старый, вечный Рим.

Здесь же утвердило свою резиденцию и центральное управление еврейского Кол Изроель Хаберим. Традиционные заговорщики, принципиально живущие в глубокой тайне, носители всемирной власти евреев нашли Рим наиболее удобным местом, где можно оставаться незаметным и в тоже время близким ко всем мировым движениям, которые всееврейский центр приспособлял к своим интересам или с которыми он боролся.

Иуда Галеви и епископ Викентий, тайно друг от друга, стремились к тайным центрам, которым одинаково усердно служили и которые одинаково страстно готовы были друг друга уничтожить.

Викентий был в Риме свой человек и имел самые разнообразные связи. Он предполагал также посетить и притоны ненавистной ему "Блудницы Вавилонской". Но прежде всего нужно было явиться к генералу Societatis Jesu. Центральная коллегия иезуитов пребывала в Риме под видом Общества благовонных товаров, которое и было действительно поставщиком всевозможных сортов ароматов, ладанов, масел и т.д. Этот товар забирали у него церкви всех исповеданий христианских и антихристианских. Конторские книги Общества хранили и все иезуитские отчеты, написанные особым шифром в виде торговых счетов и балансов. Генерал Ордена жил под видом одного из служащих конторы.

С глубоким вниманием выслушал генерал длинный доклад Викентия о Иерусалимских делах и отношениях, расспрашивая особенно подробно обо всех обстоятельствах освобождения Папы.

- Итак, Вы теперь уже не тамплиер... Но нельзя ли занять какую-нибудь должность при Лармении или самом Антиохе? Я, конечно, говорю о месте, на котором Вы могли бы что-нибудь узнавать, не совершая ни богохульств, ни антиоховских злодейств.

- Постараюсь, но пока ничего не предвижу. Я и то удивляюсь Божиему Промыслу, спасшему меня среди ряда подозрений этих служителей Сатаны.

- Да, и вместе с благодарением Господу, я должен воздать высокую похвалу Вашему мужеству, хладнокровию и тонкой сообразительности. Ваши воспитатели могли бы гордиться таким учеником.

Викентий поклонился.

- Разрешите мне в свою очередь, - сказал он, - осведомиться об общих планах действия Ордена. Это мне осветит и мой личный путь.

- Мой дорогой собрат, наши цели теперь по необходимости очень скромны. Во-первых, Вы и сами видите, что мы - живем при конце веков. Ей, гряди, Господи... Осталось ли у нас срока больше года или двух? Не знаю. Но во всяком случае мы должны оставить задачу - привести мир к подчинению Святому Отцу. Во-вторых, хотя мы и не уничтожены, но ослаблены до последней степени. наших - увы - ничтожных сил теперь и не хватило бы на обширные задачи. Наши старания теперь сводятся к тому лишь, чтобы дело Св. Игнатия [2] не было разрушено до пришествия Господа и чтобы за это время сохранить возможно больше спасающихся душ. К этому теперь направлены силы всех христиан. Но, конечно, мы, Societas Jesu, действуем немного по-своему... Учить Вас нашей тактике нет надобности....

- Но, - продолжал Генерал, - может быть, не излишне ознакомить Вас со взаимными отношениями врагов Христовых. Это Вам поможет наблюдать и предохранит от ошибок. Как ни сократилась наша агентура, мы кое-что знаем. Положение таково. Враги Христовы по наружности кажутся чем-то единым целым. Но они едины только в ненависти ко Христу и в готовности губить христиан. Во взаимных же отношениях они полны разногласий и соперничества. В то время, как мы, христиане, все более сплываемся около единого нашего Господа, вражеский стан полон внутренних раздоров, и это, конечно, нам выгодно. Теперь среди них можно обозначить три лагеря. Это, во-первых, сам Антихрист со своим волхвом и правительствами союзных держав, во-вторых - Вавилонская блудница, именуемая Универсальной церковью, в-третьих, центральное общество еврейских патриотов, Кол Изроель Хаберим. Франкмасонство, имевшее прежде такое огромное значение, когда нужно было разлагать христианство и христианскую государственность, потеряло свое могущество, когда созрели плоды его трудов. Оно многочисленно, но разрозненно. Прежде им руководил в высшей инстанции Кол Изроель Хаберим. Теперь они - как отдельные лица и ложи - есть везде у еврейского центра, у Антиоха, у Вавилонской блудницы, но служат уже по личным интересам, являются агентами у всех, а своей политики не имеют, как не имеют и своего сильного центра. В этом отношении наши старые исследователи - Дешамп, Копен, Албанселли [3] и пр. - нашли бы положение весьма отличным от их времен.

В идейном отношении Кол Изроель Хаберим хочет только одного - господства Израиля здесь, на земле. Они не верят в конец света. Не верят они, в сущности, и в Мессию и готовы его выдвинуть только как знамя. Но по существу они считают Мессией - весь еврейский народ, коллектив. Понятно, что эти еврей-патриоты не верят и в Антихриста в христианском смысле.

Деятельность Антиоха по уничтожению христианства им кажется полезною, все же остальное, как завоевание неба и т.п., им представляется чистой фантазией. Итак, они, казалось бы, могли относиться к нему дружески, но в действительности - он теперь для них величайший враг. Он основывает государство общечеловеческое, международное, а это исключает возможность всемирного еврейского царства. Антиох хочет подчинить себе всех, в том числе и евреев. Если бы он достиг этой цели, то сам Кол Изроель Хаберим должен бы был уничтожиться. Поэтому центральное еврейство ни о чем не мечтает так страстно, как об уничтожении Антиоха или по крайней мере обессилении его.

Орудием этого Кол Изроель Хаберим хочет сделать Универсальную церковь. И это не пустая мечта. В Универсальной церкви множество франкмасонов, находящихся в зависимости от еврейского центра по денежным и другим материальным интересам. Точно так же в ней очень много евреев. В самой Коллегии Кардиналов мы знаем по крайней мере одного члена Кол Изроель Хаберим. Это - кардинал Моисей Галеви.

- Галеви? - спросил Викентий.

- Не родственник ли Иуде Галеви, тамплиеру?

Он рассказал генералу о своей встрече с Иудой Галеви при переезде из Яффы в Рим и о его усердном пособничестве заговорщикам против Антиоха.

- Не знаю этого Галеви, - сказал Генерал. - Из Ваших слов я вижу, что он должен быть агентом Кол Изроель Хаберим. Видите ли, что эти люди готовы помогать даже христианам в обессилении Антиоха. Путешествие Иуды в Рим любопытно. Стоило бы расследовать. Вероятно, приехал за инструкциями... В Коллегии Кардиналов есть несколько чистых люциферьян-сатанистов. Из них особенно влиятелен кардинал Адорати. Их идеи - чисто тамплиерские прежних времен. Отвергнув Бога, они поклоняются Люциферу, тамплиерскому Баффомету, от него ждут всяких благ. Они думают, что он в конце концов победит Бога, но сами в боги не стремятся. Антиоховское человекобожие им чуждо. Как оккультисты и каббалисты они верят, что могут управлять астральными существами и даже влиять на ангелов, но не выше того. Через всех этих людей Кол Изроель Хаберим и провел в Коллегию Кардиналов мысль, что церковь должна иметь в государстве не только духовную, но и гражданскую власть. В настоящее время Коллегия уже начала систематически осуществлять это в союзных государствах, стараясь подчинить себе их правительства всякими способами, а когда достигнет этого - очередь дойдет и до Антиоха. Кол Изроель Хаберим рассчитывает, что эта борьба обессилит его и принудит искать помощи еврейского центра. Антиох же со своей стороны считает, что Вавилонская блудница должна быть его послушным орудием, а Кол Изроель Хаберим он желает совсем уничтожить. Все эти соперничества, конечно, создают для нас случай - служить делу Божию. Из Вашего же рассказа видно, что Кол Изроель Хаберим, через своего агента, помог освобождению Св. Отца... Но для того, чтобы утилизировать соперничество их, требуется следить за ходом дел во вражеском стане. Потому-то я и желал бы, чтобы Вы сохранили какой-нибудь наблюдательный пост.

- Не будет ли еще каких-нибудь приказаний?

- Долго ли будет находиться Святой Отец в Сирии?

- Он очень стремится возвратиться оттуда к пастве.

- Передайте ему, что в интересах Церкви ему, напротив, следует как можно дольше оставаться в Сирийском убежище. Хотя старец Иоанн основал несколько их, и таких же благонадежных,

но на пути легко быть схваченным. А вторичный арест Святого Отца, и тем более убийство его, навели бы тяжкое уныние на верующих. Нам же должно высоко поддерживать их дух.

- Сильны ли здесь гонения?

- Они ужасны, едва ли не сильнее, чем на Востоке. Святая кровь мучеников льется беспрерывно и публично, и в тайниках тюрем. Самое отвратительное дело Коллегии Кардиналов составляют человеческие жертвоприношения Люциферу. Они восстановили это гнусное наследие язычества. Христиан при этом иногда сжигают живыми, иногда сначала закалывают. На площади, перед бывшим собором св. Петра, Вы увидите статую Люцифера, перед которой погибают мученики...

- Но почему вы говорите - "бывшем" соборе?

- Потому что он теперь осквернен. В нем на престоле воздвигнут трон Антиоха, ждущий как-нибудь приезда этого нечестивца. Перед алтарем поставили статуи Антиоха и Люцифера. Коллегия до сих пор колеблется, чьим именем назвать Собор. Она хотела бы отдать его Люциферу, но боится прогневать и Человекобога... Вы рассчитываете побывать в поруганном Ватикане?

- Да, я бы хотел...

- Это хорошо. Может быть, узнаете что-нибудь новое.

- А располагает ли Societas Jesu деньгами? Мне нужно отвести Лармению хорошую взятку, а пожертвований теперь много не найдешь. Уничтожение тамплиеров, вероятно, уже становится известным Риму.

- Деньги еще найдутся. При отъезде получите.

Викентий откланялся. Он решил остановиться у кого-нибудь из бывших тамплиеров и нарочно выбрал еврея, рассчитывая узнать что-либо об Иуде Галеви. Приятель охотно принял его и даже вручил кое-какие раньше полученные пожертвования.

- Не знаю только - передавать ли, - заметил он, - ведь мы уничтожены.

- Лармений приказал привезти, что найдется...

- Ненасытная тварь, этот Лармений. А что его Фрина продолжает путаться с Аполлоном?

- Конечно. Да и сам он назначен Председателем Политического Суда. Ссориться не годится.

- Правда. Получайте...

- Скажите, - сказал Викентий, - не знаете ли где Иуда Галеви? Я приехал с ним вместе.

- Да, он приезжал к дяде, Кардиналу, Моисею Галеви, но, кажется, нынче же уезжает обратно.

- Что же так экстренно?

- А уж не знаю. Я видел его мимоходом, случайно.

Это маленькое сведение было очень ценно. Так Иуда - племянник члена Кол Изроель Хаберим - сделал такой путь, чтобы побыть в Риме несколько часов. Ясно, что генерал прав: Иуда - агент

еврейского центра и приехал за какими-то специальными инструкциями. Но какими же? Что такое предпринимает Кол Изроель Хаберим?

На другой же день Викентий отправился в Коллегию Кардиналов. Удручающее зрелище производили на него поруганное обиталище Римского Папы и оскверненные святыни собора. Он принудил себя войти в бывшее достояние св. Петра, увидел статуи Сатане и Антихристу, увидел трон Человекобога на месте приношения святой жертвы. Он остановился на площади перед гнусной статуей, которая показалась ему пропитанной запахом горячего человеческого мяса. "Вот уж истинно мерзость запустения на месте святом", - мысленно произнес он. Но что же предпринять в Коллегии? Подумавши, он решил просить аудиенции кардинала Адорати и приказал доложить о себе как о тамплиере. В ожидании ответа он прохаживался по приемным покоям Коллегии, негодуя и скорбя о прошлом. Все здесь получило новый вид. Все, напоминавшее христианство, исчезло и заменено оккультно-каббалистическими эмблемами, надписями и знаками. Вынесены даже картины великих мастеров. Само поведение служащих утратило прежнюю торжественную важность и приняло печать какой-то наглой вульгарности... Но вот его позвали к кардиналу.

Викентий явился просителем. Он объяснил, что с уничтожением Ордена тамплиеров - лишился службы и теперь ищет покровительства Его Эминенции [4] для получения труда и пропитания.

- Почему же Вы обращаетесь именно ко мне?

- Куда же Баффомет может направить несправедливо страдающего тамплиера? Слухами о Вашей доброте давно был полон весь Орден...

Адорати благосклонно улыбнулся и стал расспрашивать об Иерусалиме, об Антиохе, об уничтожении Ордена. Викентий отвечал в таком тоне, который звучал обидой и антипатией в отношении гонителя тамплиеров. Кардинал ни словом не выдал своих чувств и мыслей, но, видимо, ему было приятно слышать об озлоблении тамплиеров против Человекобога. В конце концов он сказал:

- Хорошо. Я думаю скоро быть в Иерусалиме. Зайдите тогда ко мне. Я посмотрю, что можно для Вас сделать.

Викентий ушел, очень довольный свиданием.

Генерал - титул главы ордена иезуитов ^

Имеется в виду Игнатий Лойола (ок. 1491-1556), основатель ордена иезуитов, причисленный католической Церковью к лику святых ^

И.Дешамп и Копен Албанселли - французские исследователи истории тайных обществ, на их труды Тихомиров ссылается в "Религиозно-философских основах истории" ^

Его превосходительство - (лат.) ^

XXIV

Несмотря на блестящую видимость своего положения Антиох далеко не был доволен им. Ничто не могло разрушить его уверенности в своем божественном достоинстве и потенциальном всемогуществе. Однако он видел, что всемогущество фактически далеко не оправдывается. Прежде всего его возмущала природа, совсем ему не повиновавшаяся. На этой почве у него развивалась жгучая ненависть против Бога, которого противодействию он приписывал все эти несвоевременные дожди, несвоевременные жары, вредные циклоны и прочие явления, в

результате которых получались постоянные неурожаи. Народ голодал и роптал. Антиох вызывал к себе Аполлония и с досадой допытывался, отчего оказываются бессильны против этих бедствий и научные способы борьбы, и магическое искусство? Аполлоний только руками разводил. Антиох обращался и к Люциферу, и от него слышал лишь отголоски собственных мыслей, что расстройство и расслабление аппарата природы производится Богом - как орудие борьбы против него, Антиоха, и против человечества, бунтующего под его главенством. Но как справиться с этой бедой? Люцифер постоянно повторял, что нужно овладеть небесами, так как силами природы распоряжается могущественнее всего тот, кто властвует на небесах. Но для этой победы еще не достаточно подготовлены легионы Люцифера, как недостаточно достигнуто психическое объединение человечества около Антиоха. Среди людей все еще существуют непризнающие его религии, да и в бесчисленных миллионах единомысленных недостаточна вера в него. Его авторитет время от времени подрывается неудачами, так что являются даже попытки соперничества с ним.

Антиоха особенно раздражало соперничество Кол Изроель Хаберим. Интриги этого общества он часто подмечал даже там, где сначала не предполагал. С некоторого времени начинало становиться очень подозрительным поведение Универсальной церкви, созданной самим Антиохом. В Коллегии Кардиналов все более обнаруживалось стремление к захвату власти помимо Антиоха, и он заподозривал в этом руку Кол Изроель Хаберим. Он знал, что Универсальная церковь кишит франкмасонами и евреями-каббалистами, и первоначально считал это естественным и полезным для себя. Но если бы Кол Изроель Хаберим захотел вооружить против него Универсальную церковь, то мог очень успешно воспользоваться именно этими элементами. В массе своих братьев-масонов Антиох был беспредельно популярен, был их идеалом и гордостью. Но центральная еврейская власть имела множество средств влиять на масонов и заставлять их делать то, чего бы они не хотели.

Предчувствия не обманывали Антиоха. Кол Изроель Хаберим действительно толкнул Универсальную Церковь на захват мирской власти. Пользуясь своими чародействами, она успешно подчиняла себе умы народов всех союзных держав. Всевозможные астрологи, целители, предсказатели и т.п. по всему свету, и при дворах правительств, поставлялись из Рима. Они опутывали своими сетями и массы народа и самих чиновников, прибегая ко всевозможным средствам. Они пускали в ход и гипнотизм, и всякие волшебства, излечивали и напускали болезни, отмщали членам семьи за неповиновение ее главе. Коллегия Кардиналов старалась приучить правителей союзных держав к повиновению себе, а не Антиоху, хотя из осторожности еще не подрывала его власти открыто. Огромные богатства притекали в Рим по мере того как он овладевал умами, и это еще более увеличивало влияние Коллегии, так как она при надобности щедро, оплачивала услуги преданных ей людей.

Правители всех держав были вообще очень преданы Антиоху, считали свои интересы солидарными. Власть свою они поддерживали более всего его авторитетом, а в идейном отношении были вполне единомысленны с ним. Римские притязания были им и не выгодны и противны, и они часто жаловались Антиоху на эту узурпацию. Антиох иногда подымал шум, и тогда Коллегия Кардиналов уступала. Но хотя он и был недоволен ею, однако, по самоуверенности своей, не очень беспокоился, рассчитывая, что всегда сумеет справиться с человеческими противодействиями. Его гораздо более тревожила недостаточная степень веры людей в него, вследствие чего они недостаточно концентрируют около него свои психические силы и тем замедляют для него возможность выступить на овладение небесами. Для устранения этого слабого пункта нужно было повлиять на умы народов чем-нибудь необыкновенно чудесным.

Он совещался по этому предмету с Аполлонием, и Верховный Маг предложил ему план, который понравился Антиоху. Нужно было устроить в честь Человекобога грандиозный

праздник, на котором Аполлоний проявит все свои магические силы, но, сверх этого, должны были проявиться и чудеса самого Люцифера. Праздник решено было обставить как можно торжественнее и пригласить на него правителей всех десяти союзных держав, а также и Римскую Коллегию кардиналов. Присутствием всех этих лиц Антиох хотел воспользоваться кстати, чтобы понаблюдать их взаимные отношения. Необходимость выждать прибытие высокопоставленных гостей значительно отдаляла день праздника, но это время он рассчитывал употребить на окончательное регулирование вероисповедного вопроса.

Собственно с магометанами, казалось бы, нетрудно было сладить. По самой идее Махди, этот магометанский Мессия должен был принести с собой новый закон [1], так что в принципиальном отношении никакое учение Антиоха в отношении нравственности, образа жизни и т.п. не могло препятствовать его признанию. Но объявить войну Аллаху, признать власть Шайтана - на это не могли пойти даже сектанты. Махди мог получать божественное поклонение, мог быть человекобогом, но - во имя Аллаха. Со стороны обрядовой магометане также не могли допустить статуй, которые рассматривались как идолы. Статуй не допускали также и евреи. Но у них, сверх того, Мессия должен быть национальным вождем и дать Израилю мировое господство. Но Антиох, из-за приобретения себе евреев, не мог оттолкнуть от себя остальное человечество. Переговоры в общей сложности не приводили ни к каким результатам. На каждом заседании повторялись одни и те же аргументы без всякой надежды найти согласительную формулу. Все это раздражало Антиоха, и он наконец решил, что переговоры представляют ошибочную тактику, и что в этом случае, как во всех других, дело Человекобога - не искать соглашений, а заявлять свою волю и требовать повиновения себе.

Он вызвал к себе Эзру Гаона, который ему казался наиболее подходящим орудием для воздействия на евреев, и принял его с величайшей благосклонностью. Антиох сообщил ему, что он - Мессия и что для него наступает момент открыться своему народу. Так как Эзра первый израильтянин, понявший, кто такой Антиох, то его же он избирает для возвещения евреям радостного события. При этом его народ должен знать, что он, Мессия, пришел не искать у кого-нибудь советов, а для того, чтобы повести за собою Израиль к обладанию миром, и на пути к этому евреи должны безусловно его слушаться и исполнять его предначертания. Они не должны обращать внимания на лживые толки его врагов. Истину знает только он, Мессия, и евреи могут ее узнавать только от него. Истина же состоит в том, что он есть воплощение Адама Кадмона, первобытного человека, с зарождением которого мир только и мог наконец организовать из хаоса. Он, а не Иегова, вел Израиль к обладанию миром. Что касается Люцифера, то это вовсе не злой дух, не Самаель, а Метатрон [2], высший из божественных ангелов. Для того, чтобы евреи могли, наконец, возобладать на земле, чего не мог им дать Иегова, - он, Антиох, Мессия, должен возобладать небесами, а для достижения этого евреи должны поддерживать его всею душою, беспрекословно исполняя его приказания. Сам он - еврей, и в его лице Израиль уже начинает свое господство, а очень скоро он даст всем истинным евреям управление народами, чтобы вести их к благоденствию.

Все это Эзра должен возвестить Израилю, выбирая для начала наиболее разумных людей. Им требуется также сообщить, что он безусловно воспрещает кумиры, то есть изображения ложных богов, но изображения его или Люцифера - священны, как изображения истинно божественных существ. Посылая теперь Эзру на проповедь, он ему предписывает после праздника привести к нему депутацию избранных сынов Израиля, которые получают от него дальнейшие указания.

Эта сцена произвела на Эзру потрясающее впечатление. Он совершенно уверовал в Антиоха. Радостный и гордый высоким доверием Мессии, он теперь горел одним желанием достойно исполнить его волю. Но с первых же шагов его на этом пути Кол Изроель Хаберим увидел, что еврейству угрожает полное распадение. Часть его Борух увлекал в христианство, другую часть

Эзра вел к Антиоху. Под руководством Кол Изроель Хаберим останутся жалкие остатки, уже не имеющие сил для осуществления задач, которые так искусно подготавливались настойчивыми усилиями лучших умов Израиля. Нужно было торопиться какими бы то ни было способами устранить Антиоха, становящегося поперек дороги этим задачам. Иуда Галеви получил из Рима инструкции ускорить исполнение замыслов Яни Клефта против Антиоха, но действовать так, чтобы участие центрального еврейства в этом деле осталось скрыто непроницаемой тайной. Лучшим способом для этого казалось - бросить все подозрения на евреев-христиан, с которыми еврей-патриоты не могли иметь никакой солидарности.

Порешив со своим мессианством, Антиох отложил магометанский вопрос до приискания подходящего человека, вроде Эзры. Но зато он отправил несколько десятков теософов на проповедь в Индию о появлении в его лице нового воплощения Кришны, который, согласно предсказанию известного индийского святого, Шри Рамакришна Парамагамта, сделанного в середине XIX века, должен родиться не в Индии, а в западных странах. Те же проповедники должны были возвестить об Антиохе как о новом воплощении Будды в Китае и Японии.

Идея Махди принесена в магометанский мир сектантами-измаилитами, теми самими, к которым принадлежал знаменитый орден ассасинов (Ассасины и измаилиты - мусульманские шиитские секты), системой убийств державший в руках халифов и султанов. У измаилитов уже являлись Махди, которые и возвещали самый необычный новый "закон", обыкновенно безнравственный ^

Самаель (Саммаэль) - в иудаизме злой дух, часто отождествляемый с Сатаной. Метатрон - в иудаизме ангел, ближайший к Богу, непосредственно от него получающий приказания ^

XXV

Между тем время праздника в честь Человекобога приближалось, и именитые гости каждый день прибывали в Иерусалим. С правителями союзных держав приезжали и их придворные и министры. Их размещали в разных казенных зданиях и частных домах, для этого снятых, так как в обширном дворце Антиоха не было достаточно помещений для такого количества гостей. Но они ежедневно собирались у него то на обеды, завтраки и ужины, то на деловые совещания. Высшее общество столицы также толпилось в парадных залах Председателя Союза то на пиршествах, то на раутах и на двух балах, данных во дворце. Все здесь сверкало великолепием беспримерной роскоши, потоки света то не жили глаз матовыми тонами, то бриллиантовыми искрами горели в хрусталях, благовоние курений наполняло воздух, столы ломились под тяжестью утонченных яств и громадных батарей изысканных вин; сотни дам в шелках и драгоценных камнях кружились в вихре танцев с разряженными кавалерами под гром оркестров музыки. Все сияло оживленным весельем. Во дни этих балов на всех площадях и перекрестках центральной части города устраивались уличные танцевальные вечера для массы народа с обильным угощением и особенно возлиянием вин. Сам хозяин праздников, величественный и приветливый, обходил своих гостей в залах дворца, выезжал и на площади поздороваться с народом, но на фоне общего разгула, великосветского и уличного, ярко выдавалась необычайная умеренность Антиоха. Он едва прикасался к кушаньям, едва обмакивал губы в вино, и рой полунагих красавиц, вертевшийся около него в самом преувеличенном декольте тогдашних мод, мог прельстить гранитную скалу не более, чем его. Он удивлял всех тем, что никогда не спал. Человекобог нес людям все чувственные радости жизни, все угождения и наслаждения плоти, и любил, чтобы все вокруг него погружалось в них до оскомины. Но сам он казался выше всего этого в полную противоположность своему другу Аполлонию.

Жирная, лоснящаяся фигура Великого Мага и Первосвященника напоминала сочетание Бахуса и Фавна [1] каждую минуту, которую он мог оторвать от дел. Веселый, хохотун, он был великий обжора гастроном, тонкий знаток и любитель вин и готов был завести интригу с любой женщиной, среди которых, несмотря на свою почти безобразную наружность, пользовался большим успехом. Он охотно являлся участником самых грязных оргий, свойственных тому времени, и казалось даже, что чем грязнее и грубее разгул, тем более он им наслаждался. Впрочем, когда нужно, он умел держать себя вполне прилично, по-светски, и оживлял весельем салоны Антиоха. Он оживлял их также разными чудесами, которые так и сыпались из него. По одному движению его пальца в воздухе сверкали разноцветные огоньки, раздавалась неведомо откуда музыка, сыпались цветы и т.п.

Наряду с увеселениями у Антиоха шли серьезные совещания с союзными правительствами. Он обладал особенной способностью заражать людей самыми, казалось бы, химерическими стремлениями своими, и теперь горячо развивал перед союзниками свою идею завоевания небес. Он рисовал им самые соблазнительные картины величия, которое он даст им, достигнув успеха, и призывал к содействию себе. Это содействие сводится к четырем главным пунктам: 1) нужно усиливать общую веру в Человекобога и общее желание ему победы; 2) ослаблять и уничтожать все иномыслящее, особенно же христиан; 3) обеспечивать помощь Люцифера усердным ему поклонением; 4) организовывать возможно более психических батарей, которые, в момент борьбы, будут парализовать силы небесных ратей Михаила Архангела.

Горячие речи Антиоха увлекали союзных правителей, но с их стороны тотчас начались жалобы на Коллегию Кардиналов, которая во многом ослабляет для них возможность помогать Великому Устроителю. Так, поклонение Люциферу и организация психических батарей находится уже всецело в руках Коллегии, которая не допускает никакого вмешательства светской власти в эти дела, так что союзные правители в данном отношении не имеют способов откликнуться на призывы Антиоха. Да Коллегия Кардиналов и в других отношениях постоянно связывает им руки своим вмешательством во все дела, прибегая нередко к самым недостойным средствам. Так, она подкупает их служащих и заставляет их шпионить за союзными правителями. В случае каких-либо столкновений между светской властью и Коллегией Кардиналов - эти подкупленные чиновники действуют по инструкциям Коллегии и приводят к нулю все меры правителей держав. Вообще тенденция Универсальной церкви подчинить себе светскую власть расстраивает всю администрацию Союза и отнимает возможность стройной и согласованной политики составных его частей. Надо думать, что обессиление администрации их очень препятствует и успешной борьбе с христианами. Известно, что они бегут в провинцию; то есть значит им легче укрываться во владениях союзных держав, несмотря на то, что правители их постоянно издают строжайшие указы о разыскании христиан.

Эти жалобы ясно показывали Антиоху, что Универсальная церковь вступила на путь действий, на которые он ее вовсе не уполномочивал и которые неизбежно приводили к вредным и опасным последствиям. Он собирал по этому поводу Коллегию Кардиналов и делал ей серьезные выговоры. Кардиналы, оправдываясь, старались перенести обвинения на союзных правителей. Они, говорили Кардиналы, хотят освободить народ от нравственного влияния церкви, не понимая, что религия человекобожия полна мистического элемента, охранять который может только духовенство. Правители союзных держав совершенно неправильно претендуют иметь такую же качественно власть, как Антиох. Его власть не только светская, но прежде всего духовная и мистическая, тогда как они имеют только светскую власть... Антиох прекрасно понимал, что эти объяснения не более как увертки, и резко заявил, что создал Универсальную церковь вовсе не для того, чтобы она обессиливала его администрацию. Союзные правители - не более как вассалы его, и он требует, чтобы предоставленная им

степень власти никак не была подрываема. На это кардиналы только рассыпались в уверениях преданности и безусловного подчинения ему. Но Антиоха было не легко обмануть пустыми словами, и он ясно видел, что Коллегия Кардиналов очень недалеко от соперничества с ним и что требуются серьезные меры для приведения Универсальной церкви к достойному порядку.

Между тем по городу заканчивались приготовления к празднику, который привлёк огромные массы народа со всех концов Союза, вслед за правителями и высшим обществом его. На главной площади соорудилась огромная статуя Антиоха, по величине равная статуе Люцифера и сделанная из огромной цельной глыбы мрамора. Превращение этого белоснежного утеса в статую совершалось на виду стотысячной толпы целым отрядом художников. Ни забор, ни даже занавеси не скрывали от публики их работы, которая шла непрерывно день и ночь при ярком освещении. Поразительный успех увенчал талантливый труд: это был вылитый Антиох с удивительно схваченным выражением лица и величественной позой Человекобога. Бесчисленные толпы любовались статуей, повторяя - "Совершенно как живой". Любопытные обратили внимание на то, что Аполлоний ежедневно являлся на работы и совершал над каждой частью статуи, выявляющейся из глыбы мрамора, какие-то молитвы и заклинания, окружая ее густым облаком дыма ароматных курений. "Не от того ли все части лица и тела статуи получают такую удивительную жизненность", - догадывались в толпе.

Довольно широкое пространство вокруг было оставлено пустым: оно предназначалось для жертвенных приношений публики, которой дозволено было присылать депутации с цветами и благовонными курениями. По заранее опубликованному церемониалу эти депутации должны были сначала подходить к Антиоху и, совершив ему поклонение, направляться затем к статуе со своими приношениями. Место Антиоха составлял трон, поставленный просто на земле открытого пространства жертвоприношений.

Для публики, кроме многочисленных эстрад, концентрически, в несколько рядов, охватывающих площадь, были приспособлены скамьи на крышах всех домов, с каких только видно было это зрелище. Антиох желал, чтобы его торжественную церемонию могло наблюдать возможно большее число зрителей. По стенам были заранее расклеены миллионы листков с программой праздника, и, читая ее, публика обратила внимание на то, что ни одна часть войск не получила назначения, как и ни один оркестр музыки, а между тем в листках были обещаны различные музыкальные нумера, а в одном месте программы возвещались "маневры наших верных союзников".

Наступил наконец канун торжества. Спустилась и ночь на город. Но во множестве домов виднелся свет и шумела оживленная суeta. Это бесконечные депутации из мужчин и дам заканчивали свои приношения к статуе и репетировали роли при поклонении Человекобогу. Их посыльные непрерывно шныряли в полицейские части узнавать, готовы ли пропускные билеты. Посылка депутатий, в виду их многочисленности, была разрешена только общественным группам, промышленным учреждениям и т.п.

Такое оживление царило и в квартире Иехиеля Сефарди, еврея, недавно обратившегося в христианство. Среди десяти человек, занятых приготовлениями, находились наши старые знакомые Яни Клефт и Барабаш. Остальные были еврей-христиане Боруховой церкви. Яни Клефт за время своего нелегального существования сделал чрезвычайные успехи в гримировке и был решительно неузнаваем. В данную минуту он был занят гримировкой Барабаша, подрезывал и подклеивал его волосы и усы, подкрашивал лицо и глаза. Остальные хлопотали над приспособлением букетов цветов. Очень оригинальный вид имели два Аароновых жезла, проросших свежими листьями и цветами. С уборкой их возились особенно тщательно. Между тем вошел Иуда Галеви и принял корзинку с небольшими шарами вроде яблок.

- Наконец-то, - сказал один из евреев, - давайте поскорее Ваши яблочки, надо их закрыть цветами.

- Но, - заметил другой, - уверены ли Вы, что они никого не убьют?

- Не беспокойтесь, - отвечал Галеви. - Опыты проделаны очень тщательно. Грому они наделают необычайного, напугают и разгонят окружающих, но вреда никому не принесут, кроме удушья, мучительного, но скоро проходящего.

- Так что затронутые газами будут воображать, что отравлены насмерть.

- Ну да. Но минут через пять боль исчезнет.

- Эх, вернее было бы положить динамит, - сказал Барабаш.

- Ну а что наши жезлы?

- А вот сами посмотрите, - отозвался убиравший их еврей Хонон. - Кажется, недурно.

Сделано было действительно артистически. Невозможно было по наружности даже заподозрить, что эти цветущие жезлы были ножнами для превосходных стальных палашей, не широких, но толстых и наточенных, как бритва. Их эфесы, прямые и круглые, были с виду подделаны под оливковую ветку.

- А вынимать легко?

- Посмотрите на репетиции. Поскорее, господа, заканчивайте. Пора.

В ожидании три бывших рыцаря присели на диван.

- Устал ужасно, - произнес Галеви. - Вот уж несколько дней бегаю, как охотничья собака.

- Но скажите, Галеви, как Вы умудрились добыть нам пропуск? И какая же мы общественная группа?

- По-настоящему бы не следовало говорить... Тут замешана Коллегия Кардиналов... Пропуск выдал чиновник, состоящий у нее на жаловании. А группа... Чем же мы не группа? Общество по изготовлению украшений. Сефарди и раньше занимался этим промыслом. Нужно было только превратить мастерскую в промышленное общество... Денег это стоило уйму. Но ведь мы за то все сработали в мастерской: и жезлы и бомбы...

- Чудеса, - сказал Барабаш. - Коллегия Кардиналов и убийство Антиоха: в голове не вмещается...

- Есть многое на свете, друг Горацио, чего и не снилось нашим мудрецам [2], - сентенциозно продекламировал Галеви.

- А почему Вы привлекли почти исключительно евреев? - спросил Яни Клефт.

- Да как сказать! Ведь у меня знакомства больше еврейские. Рыцари наши в разъезде. А эти евреи - поголовно христиане и пышат жаром активной борьбы. Они считают себя авангардом христианства и хотят дать всем пример... Так и вышло, что подобрались больше евреи.

- Господа, пожалуйста на репетицию, - крикнули им.

Компания начала выстраиваться. Галеви уселся на стул, изображая Антиоха. Он сам не участвовал в покушении. Он все подготовил и устроил, но лица, давшие ему деньги, по словам его, поставили условие, чтобы он лично не участвовал, так как они могли быть компрометированы, если бы он попался. Сефарди тоже не мог идти с товарищами, потому что должен был в эту же ночь начисто ликвидировать мастерскую, чтобы от нее не осталось никаких следов, способных помочь дознанию. На покушение оставалось десять человек.

Депутация выстроилась. В середине шли Яни Клефт и Барабаш с жезлами. Остальные несли цветы и ароматы со скрытыми внутри бомбами. Когда процессия приблизилась к стулу Галеви, депутация развернулась, жезлоносцы очутились прямо против Иуды, прочие - по четыре человека - направо и налево. Затем все пали на колени, а подымаясь - Клефт и Барабаш выхватили из жезлов палаши и взмахнули их над головой Галеви. В ту же секунду все бросились бежать, махая букетами и ароматами, на правую сторону. На месте действия - справа от трона Антиоха находилась одна эстрада, под которой заговорщики должны были скрыться и пробежать к другому ее концу. Оттуда они, предполагалось, перебегут в дом, где им была заготовлена помощь. Доски под эстрадой Галеви подпилит, так что они падали от хорошего толчка. Весь маневр повторили несколько раз, и репетиция окончилась. Участники остались ночевать у Сефарди, с тем чтобы утром двинуться отсюда на сцену действия. Яни Клефт на сон грядущий задержался выразить удивление тому, что в покушении принимает участие так много евреев.

- Тут нет ничего удивительного, - возразил с живостью Хонон. - Христиане других народностей более пассивны. Они идут на муки, как герои, но о борьбе говорят, что придет Христос и сам уничтожит Антихриста. Еврей рассуждает иначе. Мы также не убегаем от мученичества. Мученичество наполняет нашу историю. Но мы боремся против врага Божия всеми средствами, какие даны человеку. Вы увидите, что и в восстании против Антиоха наши христиане не будут на последнем месте... А если в это время придет Христос - и застанет нас в борьбе с врагом его - что же такое? Он только похвалит за это... Так чувствует еврей... Я об одном сожалею, - прибавил Хонон, - что теперь мы должны были уступить первое место Вам и Барабашу... Но раз оружием были выбраны палаши, то что же делать? Вы им владеете артистически, а мы - никогда в руки не брали.

- Ну не горюйте, товарищ, - сказал Яни, смеясь. - Дело общее. Главное - чтобы оно удалось, а делаем его мы сообща. Только на счет активности - не забывайте, что мы уложили десятки тысяч человек на Тамплиерском озере. Правда, нас разбили, но это уже судьбы сражений. А теперь давайте спать, чтобы наутро быть со свежими силами.

Скоро все они крепко заснули... Лежал в полудремоте, во дворце своем, и Антиох, представляя себе разные подробности завтрашнего торжества, и ни один астральный дух, ни даже сам Люцифер, не предупредили его о замыслах врагов... Бысть же сие - да сбудется Писание!

Бахус - латинская форма имени Вакх, одного из имен Диониса, греческого бога, покровителя плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия. Фавн - у древних римлян бог полей, лесов, пастбищ, животных, отличающийся страстной похотливостью. Сочетание Бахуса и Фавна в данном случае обозначает сочетание пьяницы и развратника ^ Слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт первый, сцена пятая) ^

XXVI

С раннего утра Иерусалим был пробужден звуком оркестра, игравшего марш "Вставай, человечество к силе и славе". Он гремел по всему городу, но выбегавшие на улицу напрасно

осматривались, где находится оркестр. Его нигде не было: звуки лились из воздуха. Этот призыв продолжался, пока жители не проснулись и не потянулись к местам празднества. Толпы народа казались неисчислимы и чуть не вдвое превышали нормальное население города.

Валентин, Лидия, Марк и Эстер сидели в комнате, выходящей окнами на площадь нынешнего торжества. Статуя Антиоха и окружающие эстрады были как на ладони перед ними. Эту комнату Валентин снял несколько дней назад под предлогом того, чтобы посмотреть на церемонию, да отчасти и действительно для этого.

- Вот видишь ту эстраду, - сказал он Лидии, - они оттуда должны выйти, если Господь поможет им спастись.

- Ах, у меня просто сердце не на месте, почти простонала Эстер. А костюмы в порядке?

- Пересмотрите.

Эстер начала рыться в двух чемоданах. Здесь были полные комплекты платья на десять человек. В них должны были переодеться участники покушения, добравшись до этой комнаты. Тут же было несколько париков, усы, бороды, краска разных цветов. Все было в исправности.

- Не такой Валентин человек, чтобы у него было не в порядке, - шутливо заметила Лидия. - Вы, Эстер, ужасно нервничаете.

- Да, я слышать не могу этого адского концерта. И какие неприятные звуки, как будто что-то неискреннее...

- А ведь и вправду, - отозвался Валентин. - Оркестр как будто и хорош, а впечатление неприятное... Но меня поражает - в какое близкое соприкосновение теперь входят мир видимый и невидимый. Давно ли мистическое отрицалось, потому что оно не появляется ощутимо. А теперь сотни тысяч человек слушают музыку, идущую из невидимого мира, и даже не удивляются... Право мы, кажется, не удивились бы, если бы его существа пришли к нам видимо!

- Да они и явятся, - сказала Лидия. - В программе обещаны маневры союзных войск. Я уверена, что это будут легионы Люцифера!..

Но звуки марша человечества уже смолкли. В комнату врвался шум толпы, пока же загремел уже не оркестр, а хор, воспевавший славу Антиоха. Он раздавался тоже из воздуха. Смысл слов невидимых певцов состоял в том, что с появлением Антиоха человечество сознало свою божественность и вступило во владение вселенной.

- Вы говорили, Эстер, о неискренности их музыки, - заметил Валентин, - но что это в сравнении с их пением? Вот уже где бесталанность! Но почему они затянули эти пошлые восхваления? Должно быть, Антиох двинулся из дворца.

Действительно, скоро показался кортеж Человекобога. Он ехал окруженный новыми телохранителями в раззолоченных панцирях, среди приветственных криков народа, и остановился у высокой эстрады, поблизости от новой статуи. Забравшись на верх этой кафедры, он обратился к народу.

- Граждане объединенного человечества, - раздался его голос, - я созвал вас на торжество, которое состоит не в открытии памятника. Вы видите статую, но это не памятник. Это одно из

проявлений моей силы, побеждающей закон естества. Я одухотворю собою мертвый мрамор, и вы увидите мою власть над природою.

Антиох упомянул далее, что враждебный ему Дух поражает бесплодием землю. Приходится пока потерпеть. Во всякой борьбе бывает немало испытаний. Но победа его, Антиоха, несомненна. Он собрал своих подданных для того, чтобы показал, им огромные силы, которыми он располагает. Кроме своего собственного могущества, он имеет помощь высшего духовного мира, руководимого Люцифером. Сотни тысяч человек слышат торжественные славословия, которыми его приветствуют существа высшего мира. Сегодня же все увидят и могучие легионы, собранные Люцифером на помощь людям. Его друг и союзник обещал сегодня произвести маневры своих войск видимо для человеческого глаза.

- Аполлоний, - сказал он, - можете подать знак доблестным духам, что мы собрались для их встречи.

Аполлоний подошел к статуе Человекобога и после нескольких заклинаний зажег вокруг нее груды фимиамов. Густой дым, как облако, окутал статую. Как бы в ответ на сигнал, в воздухе зазвучал новый неведомый марш, и вот на горизонте небосклона показались фигуры всадников в черных и красных плащах и золотых шлемах, с невиданным на земле оружием в руках. За плечами их размахивались огромные крылья. Легионы двигались вдоль горизонта, охватили наконец весь круг неба и тогда начали спирально подниматься выше. Воинства были бесчисленны. За второй линией спирали последовала третья и, наконец, легионы, как кольцами змеи, покрыли все небо. Они мчались с головокружительной быстротой и, достигнув зенита, бешено ринулись вверх, как бы пробивая центр небесного свода. Вся спиральная змея их рядов постепенно втягивалась в эту брешь, наконец втянулась вся и исчезла. Небо очистилось. Для зрителей было ясно, что маневр изображал атаку небес и взятие их легионами Люцифера. Когда необычайное видение окончилось, и последние эскадроны исчезли в центре небес, потрясающие грома сотен тысяч голосов наполнили воздух торжествующими криками граждан человечества: "Слава Люциферу, слава победоносным войскам его!". Долго не смолкали крики восторга. Впечатление грозной атаки адских сил было так потрясающе, что невольно защемило на сердце Валентина и его компании. Лидия провела рукой по волосам, как бы страшивая чары, охватывающие ее голову.

- Хвалитесь, темные силы! Не трудны маневренные победы, но не первый раз бросаетесь вы на небеса, не первый раз и низвергают вас оттуда, - произнесла она.

- Аминь, - ответили остальные, крестясь.

Между тем толпы народа на площади буквально бесновались в восхищении от воображаемой победы. Антиох с довольным видом смотрел сверху на свой верный народ. Впечатление, произведенное маневрами, видимо, удовлетворило его, наконец он поднял руку и постепенно площадь затихла.

- Граждане, - сказал он, - вы видели грозные силы наших союзников и их неудержимый натиск. Ваши радостные крики показывают, что вы не сомневаетесь в победе их. Но мы должны быть достойны их, а для этого должны помнить, что их сила зависит от безусловной сплоченности около своего Вождя. От такого же условия зависит и сила человечества, и я призываю вас к той же сплоченности вокруг меня.

И снова всю площадь потрясли общие крики: "Слава нашему Вождю, слава Человекобогу. Мы все с ним. Да погибнет каждый, отходящий от него". Под звуки этих возгласов Антиох медленно сошел с эстрады и направился к своему трону.

За маневрами адских войск должно было следовать чествование Антиоха и его статуи. Депутации уже собирались, и распорядители выстраивали их в порядке пропускных билетов. Их ряды представляли живописное зрелище. Разряженные дамы и мужчины, с массами цветов и красивыми курильницами фимиамов тянулись, как разноцветная лента между эстрадами, преклоняясь перед Антиохом, и переходили к Аполлонию, направлявшему их к статуе.

- Вон наша депутация, - указал Валентин. - Перед ней еще очередь в 25 депутатий... Что-то будет!

Эстер страшно волновалась.

- Напрасно указываете... Лучше бы уж все вышло неожиданно...

Но депутации проходили довольно быстро, и вот наступил черед "Общества украшений". С напряженным вниманием следили из комнаты за каждым шагом депутатов... Вот опустились они на колени, вот вскочили, сверкнуло два палаша... Действие их было ужасно. Барабаш, более сильный, вероятно, несколько смутился, его удар, во всяком случае смертельный, рассек череп только вершка на два. Но палаш Яни проник от макушки до шеи, разрубив мозг Человекобога, нос, рот, нижнюю челюсть и вонзившись в шейные позвонки...

- Сгибни, проклятый, - крикнул Яни на всю площадь.

Человекобог, в потоках крови, свалился к подножию своего трона. В ту же секунду вокруг него закипела схватка. Один телохранитель ударил секирой Барабаша и разрубил ему плечо и ключицу. Четверо набросились на Яни Клефта. В ту же секунду загремели бомбы. Телохранители с криками боли отхлынули, ближайшие депутации побежали врассыпную. Неописуемая паника охватила всю площадь при виде окровавленного трупа Антиоха. Некоторые кидались с эстрады вниз, другие взбегали наверх. В общей суматохе сначала нельзя было ничего различить, но через несколько секунд обозначилось, что депутация, швыряя во все стороны бомбы, продвигалась к заранее намеченной эстраде. Однако телохранители оказались тоже не из трусливых. Опомнившись, они, как свора собак, наседали на депутацию, снова схватили Яни и несколько других. Может быть, ни один не спасся бы, если бы в этот день чудес не явилась еще одна неожиданность, всех окаменившая от ужаса.

Статуя Антиоха вдруг подняла вверх руку и громким голосом проговорила:

- Друзья, граждане, не устрашайтесь! Я жив, я с вами!

Это был настоящий голос Антиоха, так же буквально схожий, как подобна была Человекобогу его статуя.

- Я жив, - возглашала статуя, - не разбегайтесь, подождите, - и она махала народу рукою истинно Антиоховским жестом.

Вся площадь трепетала...

- ...Проглаголала икона Зверина.. [1]., - прошептала Лидия, крестясь.

Между тем Аполлоний с несколькими телохранителями, дрожавшими от страха, бережно перенесли тело Антиоха к подножию статуи, и великий чародей начал заклинание с воскурением благовоний. И что же? Неслыханное чудо! На главах у всех разрубленная голова начала срастаться, кости скреплялись, кожа затягивала страшные раны, кровь переставала течь. Всю толпу охватывал ужас, а голова быстро срасталась, и не прошло четверти часа, как

Антиох вздохнул и встал на ноги.

Неистовый восторг сменил ужас стотысячной толпы. Отовсюду загремело: "Слава Антиоху, слава Аполлонию! Кто подобен Человекобогу!" Народ кричал, прыгал, пускался в танцы, и весь этот шум покрывался громогласными кликами: "Кто подобен Человекобогу!"

Вся компания Валентина в волнении наблюдала эту сцену из окна...

- Кто подобен Зверю сему.. [2]., - произнесла Лидия. - Все идет по Писанию... Ей, Господи, гряди скоро...

- Марк, - крикнул Валентин, - нужно спасти уцелевших. Об убежавших, если они окажутся, позаботятся наши дальше. Идем на площадь. Может быть, еще успеем кому-нибудь помочь.

Они бегом кинулись на площадь, с трудом пробивая себе дорогу сквозь взволнованные толпы, потерявшие всякое подобие порядка. Приблизившись кое-как к трону они увидели, что четверо дюжин телохранителей несут на носилках Барабаша, а другие тащат связанных по рукам Яни и троих других членов депутации, в кровь исколоченных. Человек тридцать телохранителей, с оружием наголо, окружали их, разгоняя публику. Невозможно было и подойти близко.

- Марк, - шепнул Валентин, - нам незачем быть вместе. Пойдем порознь, узнать, куда их поведут.

Между тем Антиох, среди общего энтузиазма, поднялся на эстраду и обратился к толпе:

- Граждане, - я вам говорил, - что это статуя - не памятник. Это я сам. Я оживляю мрамор, в него вселяется мой дух. Это великая победа над силами природы, первое знамение той власти, которая принадлежит мне над тайниками бытия. К этой статуе вы можете приходить и говорить ей. Я все услышу, где бы я ни был. И я вам буду говорить через мою статую, если окажется нужным. Смотря на нее, вспоминайте, что я действительно Человекобог и что безгранична моя власть над законами природы.

Он отбыл затем во дворец, с правителями союзных держав, а по городу началось разгульное веселье народа, опьяненного всем пережитым и тысячами выставленных ему бочонков вина.

См.: Откровение 13, 15 ^

См.: Откровение 13,4 ^

XXVII

Торжество Антиоха вышло более полным и решительным, чем он мог ожидать. Но вместе с тем события дня обнаружили, что он далек от нравственного завоевания всего человечества. Дерзкое покушение на его жизнь показывало, что остается много людей, его ненавидящих, и что они верят в возможность его убить, а стало быть, не верят в его человекобожие. Среди этих людей оказываются евреи, которые становятся под знамена Христа, а стало быть, верят в Его торжество и не верят в победу Антоха. Раздражаемый этим, он искал способов истребить всех упорных, непокорных врагов и приходил к заключению, что для этого нужно ясно отметить в государстве своих и чужих. Только после этого можно было обрушиться на чужих всеми истребительными средствами. После долгих размышлений он осуществил свою мысль двумя декретами.

Один предписывал всем верным подданным - систематическое, время от времени, поклонение

чудотворной статуе его, под страхом смертной казни уклоняющимся от этого. Для провинциалов допускалось приезжать на поклонение раз в полгода и даже в год, в зависимости от расстояния. Другой декрет давал право на покупку или продажу чего бы то ни было только тем лицам, которые будут отмечены, на коже лба или правой руки, особой печатью, выражавшей имя Антиоха или цифровое значение его имени. Этот значок уже принят был в качестве государственной печати в то время, когда Человекобог воссел на престол христианского храма. Такая мера осуждала на голодную смерть всех тех, которые не согласятся принять на себя "антихристову печать". Сверх того, отныне стоило лишь взглянуть на лоб или правую руку человека, чтобы знать, к какому лагерю он принадлежит. А если кто-нибудь из "чужих" раскаялся и пожелал перейти на сторону Антиоха, его легко можно было немедленно заклеить установленным законом.

Вводя эти меры, Антиох очень хорошо понимал, что он осуществляет Апокалипсическое пророчество [1], но нимало тем не смущался. Пророческую прозорливость автора Апокалипсиса он вполне признавал, за исключением исхода борьбы со Христом. "Понятно, - думал он и говорил другим, - что Иисус надеялся и надеется одержать победу, и внушил это Иоанну. Тут говорила уже не прозорливость, а личная самоуверенность, в которой они оба будут в свое время разочарованы очень горько. Предугадать же такую разумную меру, как наложение печати, было бы легко, даже не будучи пророком".

С момента издания этих декретов жизнь христианина становилась, так сказать, случайным недосмотром властей. Христианство и раньше было объявлено государственным преступлением, но могло оставаться незаметным. Теперь неясное, двусмысленное положение делалось невозможным. Перед каждым ставилась дилемма: подчинение или смерть. И, конечно, к подножию престола Антихриста повалили новые толпы ренегатов. Однако же сдавались далеко не все. В сущности, люди слабые духом отпали от христианства уже раньше. Остальные только сильнее сплывались между собою, и каждый в отдельности более настойчиво искал в душе силу сопротивления. Первые истребительные удары пали на христиан, содержащихся в тюрьмах. Их немедленно погнали на поклонение статуе, и множество из них тут же приняли мученическую смерть. Но если потоки крови наводили на одних ужас, то в других пробуждали мужественное одушевление, Не о сдаче думали они, а о том, как сопротивляться в новых условиях борьбы?

В погребной церкви епископа Августина, все еще, на удивление всем, не захваченной, по объявлению новых декретов собралось "малое стадо" верующих. У всех был один вопрос: как же теперь жить, чем питаться? Августин горячо и задушевно держал им свою речь.

- Братья и сестры, теперь перед нами первый вопрос не в том, чем питаться, а в том, как нам встретить нашего Господа. Вы видите теперь воочию, что каждое слово предсказаний Тайновидца Иоанна исполняется уже именно как по писанному. Зверь получил и смертельную рану от меча, и исцелел, проглаголала и икона Зверина, является и антихристова печать. Значит, все и до конца будет идти по Писанию. Недолго уже нам здесь есть и пить. Может быть, уже и года не осталось ждать Христа и гибели Антихриста. Вопрос в том, как же мы встретим Господа? Вы все, мы все, вся наша малая Церковь, должны теперь уготовлять из себя чистую Невесту Христову на пир брачный... Там вкусим яства неизреченные и забудем здешний голод. Там войдем в жизнь бесконечную. Стоит ли сокрушаться об одном дне или нескольких месяцах здешней жизни? Многим из нас эти дни и месяцы готовят смерть от руки кровожадного врага Божия. Но ведь смерть наденет на мужественно скончавшихся венец славы для Царствия Небесного. Не печалиться, не утрашаться нам теперь должно, а радоваться, что уж близка встреча Господа...

- Владыка святой, отозвался женский голос. Все это правда, да только у меня четверо детей. Их

сегодня нужно накормить.

- Матушка, не печалься, накормим и сегодня и завтра. Есть еще у верующих кой-какие запасы. Будем делиться. Теперь - все общее. Не останется никто без пропитания. А дальше Господь опять пошлет. Будем привозить из дальних мест...

Из толпы послышались голоса:

- Правда, правда. Владыка. Теперь - все общее. Будем друг друга кормить, будем добывать где кто может. Можно потихоньку иной раз купить и у антихристовых служителей. Не оставит Господь.

К женщине обратилось сразу человек десять, предлагая кто хлеба, кто другой снеди, кто звал к себе обедать...

- Так вы мне говорите, братцы, у кого есть лишнее, у кого не хватает. Будут также обходить всех Валентин, Лидия, Эсфирь, мой Юсуф. Поделится как-нибудь. Кому трудно здесь оставаться - выведем в убежища, за город... А затем - надо о душе подумать. Пока еще не отняли у нас храма - собирайтесь здесь. Старайтесь приобщаться почаще. У нас еще осталось пять священников. Собирайтесь на домашнюю молитву, пойте молитвы и псалмы, можно и за город уходить. Ободряйте и утешайте друг друга, напоминайте один другому, что теперь время важное. Теперь за один час можно душу спасти легче, чем прежде за десять лет... Можно и загубить душу в одну минуту. Помогайте друг другу крепко стоять за Христа...

Между тем из алтаря вышел новый патриарх еврейский, Борух, или - Варух, и заявил, что еврейские христиане также принимают участие в продовольствии нуждающихся. Для сношений - он назначил одного своего священника. Точно так же, сказал он, еврейские христиане приглашают к себе и на молитву и желающих приобщаться. Храм у них переносный. Он сообщил адреса, где совершается служба.

Римско-Католический священник, о.Вальде, также объявил народу, что и у них можно получать посильную продовольственную помощь.

- Вот видите, братья и сестры, - сказал Августин, - так мы, - Бог даст, и проживем, поддерживая друг друга.

Богомольцы расходились серьезные, сосредоточенные, с высоко поднятым настроением. Но среди христиан слышались и несколько другие речи. Один приезжий тут же, в стороне, начал толковать народу:

- Все это, что говорит Владыка, хорошо и правильно. Но только нельзя позволять Антихристу резать нас, как баранов. Я приехал из гор. Мы живем там маленьким отрядом, но оружия у нас достаточно, и живем мы совсем вольно, знать не хотим никакого антихристового начальства. Поделали себе землянки. Ничего мы не продаем и не покупаем, а берем даром в казенных магазинах. Приходится, конечно, частенько драться со сторожами, с полицией, а то и с войсками: ну что ж делать! Иногда мы их бьем, а если дело плохо - убегаем в другое место. Освободили мы из тюрем немало христиан. И, братцы, хорошо мы живем! Делимся мы казенным продовольствием и с другими, у кого нет. Приходите к нам: всех накормим... А когда нас наберется много - начнем восстание.

- А много уже вас, - спрашивали заинтересованные богомольцы.

- У нас отряд малый, несколько десятков. Но по соседству ходят и другие отряды, некоторые и

по сотням человек... Если невтерпеж станет, приходите к нам: всех примем в компанию.

Проповедь восстания, действительно, всюду порождала такие маленькие банды, а с появлением новых декретов естественно должна была явиться мысль о систематическом грабеже продовольственных складов. Так оно и вышло в очень скором времени, и не у одних христиан. Магометане еще легче усваивали себе такую систему пропитания.

Вообще декреты были не одинаково приняты жителями различных вероисповеданий. Индусы ничего не имели против каких угодно статуй и какой угодно татуировки. Среди магометан и евреев декретам беспрекословно подчинилась вся та часть их, которая по действительным верованиям принадлежала к мировоззрению тогдашней интеллигенции. Среди магометан были мистические секты на Измаилитской основе, для которых будущей Махди, Али, рисовался каким-то мифологическим существом, слитым со стихиями природы. Они готовы были усмотреть своего Али в Антиохе и принять декреты. Но магометане, сколько-нибудь сохранившие верование своего Пророка и его Корана, безусловно отрицали последние декреты. Что касается евреев, меры Антиоха еще более усилили их внутреннее распадение. Эзра Гаон основал свою синагогу, которая признала Антиоха Мессией и приняла его декреты, за что и получила от евреев-христиан прозвище "младшей сестры Вавилонской блудницы". Несравненно большее число евреев уходило в Церковь Боруха Хацкиеля. Некоторая часть входивших в общество Кол Изроель Хаберим оставалась на почве еврейского консерватизма и - отвергнув декреты - находилась в чрезвычайном смущении, так как на борьбу против Антиоха совершенно не было сил.

Эта часть еврейства, наиболее патриотическая, была в сущности очень мало религиозна, чужда мистических порывов, холодна и скептически в отношении всего сверхъестественного. Люди этой среды совершенно не верили ни смертельной ране Антиоха, ни чудесному его исцелению. Это какие-то фокусы Аполлония, говорили они. Конечно, Яни Клефт не разрубал головы Человекобога. Кто исследовал эту якобы надвое раскрытую голову? Один Аполлоний держал ее в руках. Из толпы ничего нельзя хорошо рассмотреть. Дело произошло, как на подмостках фокусника: голова моментально показана в крови, разрубленную, а через несколько минут ее предъявляют зрителям снова в целостности и исправности. Что касается речей статуи и поднятия ее руки, то при помощи чревовещания хорошей системы шарниров - все это вовсе не трудно устроить. Управление Кол Изроель Хаберим делало Иуде Галеви запрос, видал ли он разрубленную голову? Галеви отвечал, что он не был близко и ничего удостовериться не может. Но почему в столь важном случае были применены не настоящие взрывные бомбы, а палаши? Галеви объяснил, что христиане-евреи боялись нареканий на свою церковь, если будет перебито много постороннего народа. Ему сделали выговор за то, что он не сумел внушить товарищам, насколько неуместна подобная сентиментальность в серьезных делах. Но выговорами нельзя было изменить того, что уже совершилось, и Кол Изроель Хаберим оставалось надеяться или на возникновение чего-нибудь неожиданно благоприятного, или на всеисцеляющее время, столько раз спасавшее Израиль.

Кол Изроель Хаберим был уверен, что стоит только центру сплочения евреев сохранить свое существование на несколько лет - и все исправится. Никакого конца света не произойдет, Христос не придет, Антиох не завладеет небесами, пустота фантазий будет обнаружена самими фактами, мистические бредни рассеются, и Кол Изроель Хаберим снова сплотит еврейство, возвратившееся к здравому смыслу.

В ожидании будущего нужно было все-таки по возможности подрывать Антиоха. Иуда Галеви получил предложение - постараться освободить виновников покушения, чтобы несколько подорвать престиж Антиоха, а затем либо организовать новое покушение, либо энергически двинуть планы восстания. На это ему давался неограниченный кредит, но пособников он

должен был вербовать сам, так как Кол Изроель Хаберим весьма оскудел благонадежными агентами.

См.: Откровение 13, 14-18 ^

XXVIII

Валентин возвращался из церкви и был уже довольно далеко, среди развалин, как заметил знакомую фигуру епископа Викентия. Тот видимо ему обрадовался.

- Наконец-то поймал! Я не хотел идти ни к кому из вас, чтобы не подводить ни вас, ни себя, и уже несколько раз брожу здесь в надежде встретиться. Нужно о многом переговорить.

Они уселись в местечке поукромнее.

- Во-первых, передайте поскорее Святому Отцу, что наш генерал просит его возможно дольше оставаться в Сирии.

Он изложил подробно соображения генерала.

- Это хорошо, - отвечал Валентин, - я и сам его всеми силами задерживаю там.

- Затем слушайте дальше. В Риме я на всякий случай познакомился с членом Коллегии Кардиналов Адорати, врагом Антиоха. Просил у него места. Теперь, в Иерусалиме, я снова заходил к нему и был встречен самым дружеским образом. В разговоре обнаружилось ясно, что он очень огорчен неудачей покушения на жизнь Антиоха.

Викентий передал далее, что Адорати как оккультист вполне верит в колдовство и в чудесное излечение Антиоха, но неудачу покушения приписывает недосмотру Яни Клефта и Барабаша. "Глупые рубаки тамплиеры, - говорил он, - не знают, что когда имеешь дело с колдунами, то саблю нужно заговорить. Тогда ничем бы не помог и Аполлоний. А теперь прекрасно задуманный план пошел только в пользу Антиоха". Кардинал не стеснялся в выражении своей досады, и наконец сказал: "Вы просили у меня места. Я могу предложить Вам недурное. Но будем говорить на чистоту. Вы должны сделаться агентом "наших", то есть Коллегии Кардиналов, и в частности моим. Лармений из любезности ко мне согласен принять Вас секретарем политического суда. На этом месте можно узнавать многое, и Вы должны обо всем извещать меня. Вы будете получать казенное жалованье, а от нас, за услуги, еще вдвое большую сумму. Согласны?"

Викентий расхохотался.

- Нет, дорогой Валентин, Вы только представьте себе положение: Я - агент Societatis Jesu, и должен сообщать нашему генералу все, что узнаю здесь; и я же агент Вавилонской блудницы, и должен сообщать ей секреты Лармения и Антиоха. За это я буду получать тройное жалованье, которое при случае пойдет на взятки Лармению... Не забавное ли положение? Дорогой мой. Вы знаете, что я человек не продажный. Вот пусть только эти служители Сатаны поймают меня, и Вы увидите, что, с Божьей помощью, я не хуже других пойду на муки и смерть за Христа. А в ожидании - у меня трехэтажная агентура... Вы бы не были к этому способны?

- Да, трудненько.

-Ну а я прошел дисциплину Societatis Jesu. Ad maiorem Dei gloriam [1] - все должен принять на

себя.

Все это устраивалось прекрасно, и Викентий быстро мог видеть, какое прекрасное место ему дано. Он уже водил узников в суд, видел Яни Клефта, говорил с ним. Видел и Барабаша, который, впрочем, уже скончался от своей страшной раны. В довершение всего у Викентия явился неожиданный сотоварищ - Иуда Галеви. "С этим человеком, - воскликнул он, - меня связывает веревочками какая-то невидимая сила: куда я - туда и он". Викентий рассказал об отношениях Галеви к Кол Изроель Хаберим. Теперь он, оказывается, получил также место секретаря Политического суда, по рекомендации другого Кардинала, своего дяди. Таким образом, теперь около узников сошлось двое единомышленников и с одинаковыми целями. Иуда Галеви первый заговорил и спросил, не согласен ли Викентий заняться освобождением Яни Клефта с товарищами?

- Видите, дорогой Валентин, тут что-то провиденциальное. Освобождение узников нужно нам, христианам. Освобождению врагов Антиоха сочувствуют люди Вавилонской блудницы. На это дело дает деньги центральное еврейство. Самые противоположные силы стягиваются в одно место, на одно дело. Это - перст Божий. В довершение - есть время подготовить какой-нибудь план, потому что следствие идет медленно: арестованные держат себя превосходно, никого и ничего не выдают. Хотели привлечь на суд Боруха Хацкиеля, но он скрывается. Словом, следствие тянется медленно...

- Но в это прекрасное положение - вдруг врываются декреты Антиоха, и портят все. Вы понимаете, Валентин, что не могу же я принять печати Антихристовой, не могу пойти на поклонение его статуе... А если так, то, значит, приходится бросать место и бежать! В отношении печати дело еще не так страшно, пока власти переклеивают целый город - времени пройдет немало. Еще не вполне установлен даже образчик печати, потому что городские красавицы бунтуют и согласны принять печать только в том случае, если она будет изящна и красива... Но на поклонение статуе весь персонал суда могут погнать каждый день. Тогда что же делать? Галеви говорит, что он плюнет и поклонится... Но я - епископ, не могу вводить своих христиан в соблазн. Тут не поможет никакая *restriction mentale* [2]. Значит придется бежать и бесплодно загубить всю возможность спасти узников... Подумайте, мудрейший Валентин, посоветуйте.

- А у Вас с Галеви уже есть планы?

- Нет еще.

- Повторить прежний способ нельзя?

- Невозможно. Вылазочная галерея теперь недоступна. Два другие входа в подземелья тюрьмы и трибунал - проходят через кордегардии, с сильными караулами.

- Ну, преосвященнейший, все это требует размышления.

Они условились сойтись на свидание в парке, пригласив и других лиц, которые могут помочь словом или делом. Разумеется, мысль освободить Яни всколыхнула всех, с кем ни заговаривал Валентин. На свидание пришли между прочим Марк с Сефарди, Клермон, Измаил Эфенди, явился и Иуда Галеви с Викентием.

Лица, занимавшиеся подготовкой восстания, принесли известия о повстанческих бандах, плодившихся повсюду, как грибы. Де Клермон получил о них сведения от Кастильи и Штейна из Западной Европы, от Зарембы, Каширского и Сеитова из Польши, России и Средней Азии. Измаил Эфенди сам организовал их в Аравии, а Сефарди - в Палестине. Банды всюду вели

мелкую партизанскую полуразбойничью войну. Многие были совсем под руками. Естественно явилась мысль - собрать быстро порядочный отряд и неожиданным набегом штурмовать Тампль. Но это было отвергнуто, как скорее шумная, чем полезная авантюра, тем более, что тюремщики могли, в случае опасности, просто перебить узников. Галеви предложил другой план, основанный на неистребимом беспорядке, господствовавшем во всех учреждениях Антиоха.

Из подземных тюрем Тампля постепенно перевозилось множество арестантов в Римские тюрьмы, когда набиралась достаточная партия их. Секретари суда являлись со списком, прочитывали его перед народом, выводили арестованных из камер и сдавали конвойному офицеру, который доставлял их в Яффу. Иуда Галеви предлагал применить нечто подобное тому способу бегства, который во времена оные практиковался в русских тюрьмах, где арестанты, как они выражались, "менялись именами". По прочтении списка, Галеви и Викентий вместо других четырех человек выведут Клефта с товарищами и присоединят их к партии. Конечно, все они должны будут на переключке отзываться на те имена, под которыми их вывели. Между тем на линии дороги Иерусалим - Яффа должны быть заранее собраны отряды партизан, которые в удобном месте произведут нападение на конвой и освободят арестантов. Сами Галеви и Викентий, исполнив свою роль, должны, конечно, моментально бежать.

План этот, разумеется, был очень рискованный, но в надежде на общую небрежность служащих - представлялся мыслимым, был принят и, действительно, удался, хотя не без тревожных минут.

Когда Викентий и Галеви вводили партию арестантов в кольцо охватывавшего их конвоя, офицер, взглянув на Яни, заметил:

- Как этот арестант похож на Клефта.

- Не мудрено, - сипло ответил Викентий, - это его родной брат.

- Брат? Я что-то не расслышал в списке фамилии Клефта.

- Клефт это не фамилия, а тамплиерское прозвище. Фамилия его - Эрдели, - сказал Викентий, - называя имя, под которым был выведен Яни. Офицер удовлетворился.

Партия двинулась в Яффу в числе 50 человек. Ее сопровождал конвой в сто человек. Поджидая их, Гуго Клермон сосредоточил около Эммауса человек 800 хорошо вооруженных партизанов, которые внезапной атакой легко рассеяли конвой и освободили всю партию. Легко понять, с какими чувствами обнялись Яни и Гуго, уже не чаявшие видеть друг друга в этой жизни.

Яни счел, что он достаточно отдохнул в тюрьме, и ни минуты не остался сложа руки. Из освобожденной партии человек десяток предпочли скрыться в убежища, остальные же избрали начальником Клефта и образовали зерно повстанческой банды. Жили они, как и прочие, где придется, и питались разграблением казенных магазинов. Яни попал в свою природную боевую сферу, и его отряд, постоянно усиливаясь, скоро приобрел грозную репутацию. Это был первый отряд, получивший правильную организацию и определенные задачи. Яни устроил его в виде крестоносной кавалерии. На знаменах его развивался красный крест, нашитый тоже на груди всех всадников. Разбросанный небольшими партиями на обширных пространствах, отряд действовал по общему плану и единому руководству. Он, с одной стороны, собирал продовольствие для христиан, с другой, систематически освобождал их из тюрем и жестоко расправлялся со всеми их притеснителями. Против назойливого партизана со всех сторон были

направлены правительственные отряды, но Яни налетал на них только неожиданно и когда имел все шансы разгромить противника, в противном же случае его мелкие банды незаметно исчезали в горных тущобах. Такая тактика дала отряду репутацию неуловимого и непобедимого. В то время когда войска тщетно разыскивали клефтовских крестonosцев, они малыми партиями то неожиданно громили тюрьмы, то грабили казенные магазины, то разрушали и жгли храмы Антиоха и Люцифера. Служителей этих храмов и совершителей чародейских таинств крестonosцы обыкновенно поголовно истребляли. Неотложная смерть была участью также чиновников, обнаруживших усердие в преследовании христиан. В руках Яни Клефта повстанческие банды впервые явились опасным орудием борьбы против Антиоха.

По такому же типу организовался другой большой отряд, чисто еврейский, под командою Сефарди. По взаимному соглашению, Сефарди взял себе Палестину, Яни Клефт - Сирию. Съезжаясь на совещания, они взаимно помогали один другому. Гуго Клермон скоро расстался с ними и отправился на Запад, чтобы правильно организовать повстанцев Италии, Франции и Испании.

Излишне обрисовывать впечатление, которое произвело на Антиоха и весь Иерусалим освобождение преступников, покушавшихся на жизнь Человекобога. Третий раз Тамплъ выпускал из своих челюстей добычу, и каждый раз все более скандальным образом. Антиох не знал, что и делать со своей бестолковой администрацией и где найти людей, на которых можно положиться. Он личным приказом предал смертной казни конвойного офицера, распорядился под караулом привести к себе Лармения и кричал, что он вторично заслужил смертную казнь: "Как смел ты взять в секретари Викентия и Галеви?" Трепеща от страха, Лармений отвечал, что за обоих имел просьбы таких высокопоставленных лиц, как члены Коллегии Кардиналов: за Викентия просил Адорати, за Галеви - его дядя, Моисей. "Они такие же изменники, как и ты, негодяй", - закричал Антиох. У него сверкнула мысль, что Коллегия Кардиналов преднамеренно провела его врагов на такое место. Но если так, то нет ли в Коллегии желания убить его и захватить его власть? На секунду это ему показалось очевидным, и это спасло Лармения. Антиох хотел было его немедленно казнить, но теперь решил подождать, чтобы выпытать все возможное о кардиналах. Он запер Лармения под караулом в своей комнате и послал за Аполлоном.

Но Аполлоний уже сам спешил к нему. Как ни быстро действовал Антиох, красавица Фрина была еще подвижнее. При первом же известии о побеге арестантов она бросилась к Аполлонию, умоляя спасти отца. Это странное, развращенное существо сохранило в себе одно чистое человеческое чувство: она искренне любила отца. Страшная опасность, которой он подвергался, переворачивала вверх дном всю душу ее. Она решила открыть Аполлонию свою любовную тайну, которая, может быть, способна спасти ее отца.

Во время пребывания Коллегии Кардиналов, она прельстилась каким-то краснощеким мальчишкой Анджемо, пажом Адорати. Этот красавчик среди любовных излиятий болтал немало и политического. Он бранил Антиоха, говорил, что Коллегия Кардиналов важнее его и скоро отнимет у него власть. Она хохотала и говорила, что все это вздорные фантазии мальчишки. "Вовсе не мальчишки, - возражал обиженный Анджемо, - я слышал, как это говорил сам кардинал, и тоже думает Викентий, которого он нанял себе на службу. Разве они тоже мальчишки?" Она рассказывала это Аполлонию, повторяя: "Ты видишь, отец ни в чем не виноват. Его самого обманули. А я, глупая, ничего ему не сказала, думала, что не важно, и стыдно было сказать об Анджемо..."

Аполлоний слушал с изумлением:

- Так ты, значит, совсем спуталась с этим пажиком!?

Она заплакала:

- Прости меня, он такой миленький. Я больше не буду...
- Ну и девица! Что ж ты мне раньше не сказала о такой его болтовне? Совсем глупая!
- Прости меня. Спаси отца. Ты видишь, что его самого обманули...
- Ничего я не вижу. Ну ступай... Может быть. и выручу. Ты больше ничего не знаешь?
- Ничего.

Он поспешил к Антиоху и передал ему конфиденции Фрины. Изменническая роль Коллегии, по совокупности обстоятельств, обоим казалась несомненной. Вопрос только в том, что такое Лармений? Они его призывали, допрашивали на все лады, совещались между собой, опять допрашивали. Аполлонию казалось, не из-за Фрины, конечно, а по рассуждению обстоятельств, что Лармений гораздо ниже своей репутации, но чужд какой-либо измены. Антиох склонялся к такому же выводу. Наконец, они остановились на таком решении: откомандировать Лармения в Рим якобы для изучения постановки тамошних тюрем, а в действительности для секретного расследования замыслов Коллегии Кардиналов. Он должен взять с собой и дочь, которая обязана выпытать все возможное у Анджемо. В случае успешного выполнения поручения - Антиох возвращает ему доверие. При малейшей двусмысленности поведения - смертная казнь. Так было объявлено Лармению, и он без промедлений уехал в Рим вместе с дочерью.

В ответ же на побег Клефты с товарищами Антиох решил пустить в ход самый жестокий террор. Оба последние декрета приказано было осуществить немедленно, без всяких послаблений. Но конфиденциальным разъяснением властям было указано - оставить пока декреты без применения к магометанам и евреям чистого Моисеева закона и сосредоточить всю энергию на христианах всех национальностей.

И кровь полилась новыми удесятеренными потоками. Не было такой скорби от сотворения мира и если бы Господь не сократил этих дней, то не спаслась бы никакая плоть. Но ради избранных сократились эти дни [3].

К высшей славе Божией - (лат.) ^

Мысленная оговорка - (фр.) ^

См.: Мф. 24, 22; Мк. 13,20 ^

XXIX

Истекало трехлетие царствования Антиоха, и его правление, тяжелое для христиан с самого начала, постепенно становилось невыносимым. Декрет о поклонении статуе соблюдался с неукоснительной точностью. Полиция вела списки всем жителям, и ежедневно часть их была обязана являться на поклонение, с отметкой в списках. Неявлявшихся приводили силой, и в случае отказа воздать идолам чествование - немедленно подвергали смертной казни, то есть попросту убивали чем попало. Обязательное клеймение печатью Антиоха сделало невозможным для христиан скрывать свою веру, а невозможность покупать все необходимое приводила к голоду. Никакая благотворительность не могла помочь, когда у всех истощились запасы. Что касается той помощи, которую оказывали отряды повстанцев, она не могла быть ни достаточно обильной, ни проникать в очень многие места. Слежение за христианами, облегчающееся по мере усовершенствования полицейских списков, подрывало возможность

правильной организации общин. Один за другим рушились центры группировки христиан, и через несколько времени они могли жить с некоторой свободой только в глухих закоулках, в деревнях со сплошным христианским населением да в повстанческих отрядах. Но это была свобода дикого зверя, живущего до тех пор, пока его не застрелил охотник. Отряды правительственных войск всех десяти держав пробегали постоянно территории Союза, разыскивая, не кроются ли где такие самовольные жители. Преследуемые, когда могли, защищались, когда не могли - старались убежать. Часть их погибала в схватках, часть попадала в плен и предавалась смертной казни. В этом систематическом настойчивом гонении истинным чудом продолжало сохраняться значительное число убежищ, основанных старцем Иоанном во всех государствах Союза. Он постоянно объезжал их и своею молитвою, казалось, покрывал невидимой завесой безопасности. Но другие убежища были чуть ли не все открыты и разрушены врагами. Пал наконец и Вади Руми, который через свои тайники пропустил не одну тысячу христианских беглецов.

Один христианин, захваченный антиоховцами, не в силах был выдержать мучений и страха смерти и преклонился перед "иконой звериной". При допросе о том, где он доселе укрывался, он назвал пещеры Вади Руми, и туда был немедленно отправлен отряд. Ивана и Марию спасли только удивительные предчувствия Лидии, которая, возвращаясь из Иерусалима, остановилась у них на эту ночь. Она вдруг затосковала, встревожилась и решительно заявила: "Идет беда, идут враги, нужно сейчас же бежать". Зная уже ее предчувствия, Иван с Марией и несколькими беглецами, жившими в пещерах, быстро собрались, взвалили на мулов кое-какую провизию и покинули хутор. Они направились в кочевье арабов, родственников Марии, и были всего в нескольких верстах от хутора, как туда уже нагрянула полиция. Иван из-за пригорка видел, как прискакал отряд и рассеялся по Вади Руми. Никого не найдя, полиция оставила на хуторе засаду. Ивану и Марии, так долго спасавшим других, теперь пришлось самим укрываться, и они предпочли остаться со своими кочевыми родичами.

С этих пор, по их примеру, многие беглецы стали направляться в пустыню, живя иногда с арабами, иногда в собственных шатрах. Это было существование в самой тяжелой нужде, но зато свободное. Здесь под вольным куполом небес, покрывающим беспредельное пространство безлюдных скал и песков, изгнанники могли хоть беспрепятственно молиться Богу и громко петь псалмы, стихшие в Иерусалиме. В городе теперь уже нельзя было громко молиться.

Немногочисленные христиане, остававшиеся в Иерусалиме и других городах, за невозможностью иметь свои собственные квартиры, ютились где день, где ночь у сострадательных людей, по большей части у евреев и ренегатов. Евреи синагоги Эзры, показывая усердие к Антиоху и псевдо-Метатрону, были безжалостны даже к своим соплеменникам церкви Боруха. Но евреи чистого Моисеева закона не только не доносили на своих христианских братьев, но и укрывали их. На этом очень настаивал Кол Изроель Хаберим, выхлопотавший отмену "херема", в надежде, что еврей-христиане, разочаровавшись во пришествии Христа, возвратятся под крыло своей родной общины. Так укрывались иногда и христиане иноплеменные. Евреи приютили даже епископа Августина, по особой рекомендации Иуды Галеви, который для этого нарочно приезжал, так как Кол Изроель Хаберим считал полезным поддерживать всех врагов Антиоха.

В большинстве же случаев христиане-неевреи находили убежище у ренегатов, которых мучила совесть и которые этим хотели сколько-нибудь искупить свой грех. Но где бы ни укрывались верующие, им приходилось сидеть смирно и незаметно. Опасно было даже переходить из дома в дом, чтобы на улице не заметили отсутствия печати. Впрочем, этому горю скоро помогло изобретение Марка Хацкиеля. Он придумал гравировать на тонкой папиросной бумаге, слегка подклеенной, знаки, имеющие некоторое сходство с Антиоховой печатью, но совершенно отличные от нее по содержанию. Так они иногда давали комбинацию монограммы Христа,

крестов и т.п. Для прохода по улице или даже при внезапном обыске, христианин быстро наклеивал себе эту бумажку, которая при не очень внимательном взгляде казалась казенной печатью. Эти бумажки годились к употреблению только один раз, и Марк их фабриковал десятками тысяч. Их охотно разбирали повстанческие банды, которым, для нападения на магазины и т.п. иногда нужно было придавать своим партизанам "легальный" вид.

Принужденные укрываться, за милость, у чужих или ренегатов, христиане только редко могли получать от хозяев позволение собраться хоть по пять-шесть человек для совместной молитвы или дая приобщения запасными дарами, которые священники разносили желающим. Но и эти маленькие собрания происходили по необходимости тихо. Молитвы и псалмы только читались. Пение стало невозможно. Более свободно молились, уходя за город, хотя тоже не без предосторожности. Скоро пришлось искать в пустыне также место для служения литургии, потому что антиоховцы, наконец, захватили и уничтожили церковь Августина в развалинах. Почему христиан постигло это несчастье? Выдал ли церковь какой-нибудь ренегат или подсмотрели сыщики - осталось невыясненным. Но только однажды богомольцы, пробирающиеся в церковь, заметили в развалинах спрятанные наряды полиции и поспешили предупредить духовенство и других христиан. Подождав часа два и видя, что никто не является в храм, полиция двинулась к нему сама, унесла образа и все церковные принадлежности и опустошила все, что попало под руку. Так уничтожена была последняя иерусалимская церковь.

Впрочем, число христиан в Иерусалиме и по всем вообще городам непрерывно уменьшалось. Всякий старался выбраться из таких невыносимых условий и уйти куда-нибудь, где было полегче. Тяжелее всех было тем, кто имел детей. В то время сбылись слова Спасителя: "Горе же беременным и питающим сосцами в те дни" [1]. Хотя, по мере распространения уверенности в конце света, между христианами все более укоренялась жизнь совершенно целомудренная, однако от прежних лет осталось много маленьких детей. Выводить такие семьи за город было особенно трудно, а между тем их участь была ужасна, так как детей христианских родителей приказано было отбирать в казенные воспитательные дома. Раздирательные сцены отчаяния происходили, когда родителей, не соглашавшихся кланяться статуе Антиоха, уводили на смертную казнь, а оторванных от матери детей гнали в воспитательный дом, где им прежде всего ставили клейма, потом начинали перед ними клеветать на Христа и обучать их вере в Антиоха и Люцифера. Спасение таких семейств сделалось главным занятием Лидии и Валентина, которые каждый день успевали отправлять их за город, где беглецов ожидали наездники Сефарди для дальнейшего препровождения в Сирию. В Бетсалеме у Лидии образовалась целая колония с большим количеством детей. Яни Клефт дал ей слово, что ни один антиоховец не подойдет сюда и близко, пока в его отряде остается жив хоть один человек. И действительно, на сотню верст вокруг Бетсалема у Яни часто происходили жестокие схватки с правительственными отрядами, которые он систематически прогонял.

Однажды Лидии случилось видеть в Иерусалиме, как у нескольких матерей отнимали детей для отправки в воспитательный дом. Она рассказала Яни Клефту о тех мучительных ощущениях, которые при этом пережила, и о том, какую тяжкую жизнь ведут в руках врагов дети, показывающие себя нередко истинными героями веры и духа. Тронутый Яни Клефт задумал отчаянную штуку. Он предложил Сефарди сделать совместный набег на Иерусалимский воспитательный дом и захватить оттуда всех христианских детей. Сефарди, человек такого же зазорного мужества, согласился. Они кликнули по своим отрядам клич добровольцам на рискованное дело, высмотрели помещение воспитательного дома и его порядки и внезапно совершили блестящий *coup de force* [2]. Во время гуляния детей в саду, к воротам подъехала сотня всадников в форме, слегка подделанной под казенную. Несколько

офицеров отобрали всех христианских детей, всадники взяли их на круп и быстро умчались. Когда поднялась тревога и полицейские отряды кинулись в погоню, они были в нескольких местах города встречены пешими засадами партизан, которые, жестоко отбиваясь и задерживая полицию, медленно отступали за город. Там их ждал отряд всадников одвуконь. Они вскочили на лошадей, и все умчались за первым отрядом, увозившем детей. Это дело стоило партизанам 2 убитых и десятка два раненных, но за то они спасли сотню детей, которые и были помещены в колонию Лидии...

С каждым днем труднее и безотраднее становилась жизнь христиан по всем странам и была бы совершенно невыносима, если бы не освещалась надеждой на близкий конец. Гонимые, из глубины своих тюрем, из тиши тайников, из разодранных шатров пустыни - чуть не прислушивались, не гремит ли, наконец, труба Архангела, не предвещает ли конца их мучениям и гибели мучителя при светлом явлении Спасителя? Но не зазвучала еще труба, и мучитель, хотя уже сочтены были его дни на небесах, на земле становился все более яростен и неумолим.

См.: Мф. 24, 19; Мк. 13, 17; Лк. 21, 23 ^
Удар крупными силами - (фр.) ^

XXX

Владычество Антиоха, тяжкое для противников, не принесло счастья и благоденствия и тем, кому их обещало. Огромное большинство человечества встретило его с самыми преувеличенными ожиданиями всемогущества и всеблаженства и не получило ни того, ни другого. Люди отвергли Бога, отбросили его законы, жили так, как влекли их страсти, не знали над собой никакого нравственного принуждения, никакого "долга", и ни к чему не стремились, кроме "радостей жизни". Они почерпали эти радости жизни из всех источников, в которых хотели их черпать. То, что прежде называлось развратом, теперь допускалось безгранично. Формы чувственности, прежде почти неизвестные большинству, стали общим достоянием. Разврат мистический, телесное смешение человека с существами мира астрального и демонического, сделался явлением обычным. Но все эти крайности чувственности, видимо, расслабляли людей. Это можно было заметить и в боевых столкновениях, когда ничтожные отряды Яни Клефта и Сефарди разбивали вдесятеро более сильные части правительственных войск. Не давали эти радости жизни и счастья. Христиане, среди гонений, мук и казней, чувствовали себя более удовлетворенными и не соглашались променять свою тяжкую жизнь на радости жизни своих гонителей. Вместо всеблаженства люди испытывали лишь "Taedium Vitae" [1], жизнь становилась противна, и число самоубийств возрастало в огромной пропорции.

Мечты о всемогуществе так же опровергались действительностью, как и мечты о всеблаженстве. Бедствия стихийные на каждом шагу обнаруживали, что не люди - владычествуют над законами природы, и в этом отношении царствование Антиоха представило едва ли не самую злополучную эпоху истории.

Чем дальше, тем сильнее поражали людей бедствия, в которых они сами не могли не усматривать кары Божией, так как эти бедствия были даже необъяснимы с точки зрения нормальных законов природы. Так началась эпидемия жестоких и отвратительных язв, поражавших исключительно тех, которые носили на себе печать Антихриста и поклонялись его статуе. Воды источников, рек и даже морей подверглись какому-то превращению, сделались кровавыми, так что в них погибало все одушевленное. Необычайные явления произошли на солнце, которое стало жечь, как огонь, и тяжкий зной замучивал людей... Престол и царство Антиоха сделались мрачны. Граждане кусали себе языки от страдания [2]. Но замечательно,

что сами, считая эти бедствия наказанием Божиим, они нисколько не раскаивались, а только хулили Бога за свои мучения.

Таким образом, со стороны общего духа, общего настроения общественного мнения, Антиох мог быть покоен. Это последнее поколение человечества осталось непримиримо, решительно не хотело Бога, не искало его милости, а кары возбуждали в нем только раздражение. Люди хотели жить сами, по своей воле, зависеть только от себя. Карая их, хотя бы для их блага, Бог показывал себя их господином, но они не хотели, чтобы он был господином, а потому еще более раздражались. Это настроение было прочное, издавна установившееся. Антиох застал его с ранней юности и видел, что оно чем далее, тем более крепнет.

Однако, не желая Бога, человечество не желало также и страдать. Оно требовало защиты от кар Божьих, и эту защиту должен был дать он, Антиох, как претендент на трон Небесный. А между тем у него не было средств защиты до тех пор, пока не завоеваны Небеса. Даже и духовное объединение человечества около него доселе не вполне достигнуто. Его особенно тревожила позиция, занятая Коллегией Кардиналов. Болтовня Анджемо показывала, что управление Универсальной церкви готово посягать и на его власть. Он не хотел верить, чтобы честолюбие Коллегии заходило так безмерно далеко, но не могло не быть известной правды, давшей повод разгуляться фантазии Анджемо. Антиоха давно тревожила мысль, что раздраженные Небеса могут начать против него наступательные действия раньше, чем он будет готов к сопротивлению. Усиливающиеся бедствия, казалось ему, намекали на какие-то авангардные наступления, и он совещался по этому предмету с Люцифером. Он вообще за последнее время часто беспокоил своего высокопоставленного друга. В ночной тиши, осаждаемый своими тревожными мыслями, он начинал напрягать до крайних пределов свою волю, вызывал Люцифера и читал заклинания, которые должны были привлечь его. И призыв не оставался неуслышанным. Через несколько времени знакомая фигура начинала выявляться на престоле, в кабинете его. Вот наконец он сидит вполне явственно, и раздается знакомый голос:

- Привет тебе, Антиох. Для чего ты звал меня?

Антиох высказывал свои опасения относительно наступательных действий с Небес. Люцифер его успокаивал: "Ты хорошо подготовился. Человечество за тебя. Христиан не много, и ты их все более истребляешь". Антиох жаловался на Коллегию Кардиналов. Люцифер заступился за нее:

- Если Кардиналы и не вполне лояльны в отношении тебя, - говорил он, - зато верно служат мне. А это все равно. Мы действуем совместно. Что полезно мне, то полезно и тебе.

Антиох, однако, в глубине души, заподозривал в неискренности и этого своего союзника. Ему приходило в голову, что и он не очень-то сочувствует чрезмерному усилению его могущества. В одном отношении Люцифер был теперь безусловно с ним согласен: что пора начинать расширенные действия против Бога. "Мои легионы готовы, - заявлял он, - мы начнем нападение на Небеса, а вы должны поддержать нас отсюда". Он указывал, что по каким-то таинственным соотношениям земных и небесных сил - наиболее выгодное место для действия с земли на Небеса представляет гора Армагеддон в Палестине. Там и нужно собрать человеческое ополчение.

Антиох совещался об этом и с Аполлоном, который проявлял много самоуверенности в отношении своих психических батарей. Их идея принадлежала всецело Антиоху, но практическая постановка лежала на Аполлонии. План борьбы с небесными силами основывался на том, что психические батареи составят нечто вроде кадров, к которым

присоединятся сотни миллионов человеческих существ, своим духовным напряжением в миллионы раз усиливая действие кадров. Для того, чтобы эти батареи могли начать свою психическую бомбардировку, требуется конечно, определить место нахождения ангелов, против которых она должна быть направлена. Место нахождения некоторой части ангелов, именно тех, которые заведуют и силами вселенной, известно или может быть известно по каббалистическим вычислениям. Если бы, например, Антиох пожелал направить свою бомбардировку против тех ангелов, которые производят теперь нестерпимый солнечный зной, Аполлоний мог бы установить линию действия по каббалистическим таблицам. Но если для действия против людей и легионов Люцифера направится какой-либо отряд ангелов, то место их неизвестно заранее, и притом изменяется. Для того, чтобы его определить, нужны особые "духовные сенситавы", которые как бы видят т.е. ощущают, присутствие ангелов. К этим духовным сенситивам принадлежат все духовные существа, которые ощущают друг друга подобно тому, как материальные - видят, слышат, обоняют и осязают одно другого. Все ангелы, небесные или люциферовы, - суть духовные сенситивы. Из людей же этой способностью обладают только исключительные натуры с высоко развитым духом, "святые души", как их называл Аполлоний, потому что души "святые" именно таковы, хотя они могут быть и не у святых. Этим духовным сенситивов при батареях Аполлония самое недостаточное число, потому что души такого рода, по непонятным для него причинам, питают вообще отвращение к действиям против Бога. Однако они все-таки имеются. Их способности не могли быть опытно проверены в отношении небесных ангелов, но, по соглашению с Люцифером, ангелы последнего несколько раз приближались к психическим батареям, и духовные сенситивы их открывали очень удачно. Лично Аполлоний не принадлежал к числу таких натур, но Антиох принадлежал в высокой степени. Он никогда не имел соприкосновения с ангелами Бога, но присутствие и приближение Люцифера и его духов ощущал очень хорошо. Во всяком случае, по недостаточности таких лиц в армии Антиоха, ей требовалась помощь Люцифера, который и обещал присоединить к батареям необходимое количество своих духов. В общей сложности, по мнению Аполлония, средства действия были развиты очень недурно. Антиох был менее оптимистичен. По его убеждению, главную силу в борьбе против Бога - составляет сам Человекобог, сосредоточивающий около себя все духовное напряжения человечества. Психические батареи - орудие лишь подсобное. А объединение всего человечества около одной личности - все еще не достигнуто, и Антиох начинал опасаться, что Люцифер вовсе не прочь от того, чтобы человечество объединилось около него самого, а не около Антиоха. Но что он мог сделать против этого? Он только надеялся, что люди более склонны смыкаться около человека, и что, следовательно, течение событий окажется в пользу его, а не Люцифера, если только не подведут кардиналы... "От этих людей, - думал он, - возможно ожидать, что они продадут вселенское человекобожие за чечевичную похлебку земных подачек Люцифера!"

"Тоска (скука) жизни" - (лат.) ^

См.: Откровение 16, 10 ^

XXXI

На улицах Рима с некоторого времени стали обращать внимание на седовласого старика величавой наружности, который иногда подходил к группам прохожих и говорил:

- Разве не слышите вы небесного голоса: выйди из нее, народ мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее?

- Какой-нибудь полоумный христианин, - замечал иной прохожий, видя, что у старика нет печати антихристовой. Впрочем, его не трогали, и даже полицейские не обращали на него

внимания.

Это был старец Иоанн. Римские христиане знали его, и он им ясно говорил, что пора уходить из города, который осужден на гибель. Он говорил так настойчиво, что они и стали понемногу выбираться из Рима.

В это время в окрестностях города действовали повстанческие банды, руководимые Гуго де Клермоном, за которыми тщательно гонялись отряды Коллегии Кардиналов. Римская область числилась вассальным владением короля Карла, правителя Романской федерации, т.е. Франции, Испании и Италии, но фактически пользовался полной автономией в руках Коллегии Кардиналов. Для поддержания своих светских претензий она, под названием полицейской стражи, завела у себя целую армию. Но это мало смущало партизанов. Гуго де Клермон поставил себе главной задачей освобождение христиан из городских тюрем, которые были ими переполнены. На свои текущие операции он смотрел только как на подготовительные и постоянно посылал в Рим разведчиков, которые изучали городские тюрьмы и подступы к ним. Разведчики раз навсегда получили приказ немедленно пускать в ход оружие при малейшей попытке полиции их задерживать. После нескольких таких случаев у полиции весьма ослабла охота разыскивать по городу партизанов.

Нигде обращение с христианами в тюрьмах не было так жестоко, как в Риме. Их подвергали разнообразным мучениям, вынуждая отказаться от Христа и поклониться статуе Люцифера, а около статуи приносились целые гекатомбы мучеников за веру. Никто не знал счета погибшим, но, сколько бы их не убивали, в римские тюрьмы беспрерывно подвозили новые толпы жертв. Так называемое "духовенство" Универсальной церкви, то есть колдуны и чародеи разных сортов, подвергали христиан мучительной смерти также для гадания по их внутренностям или для добывания разных желез и соков тела, потребных для изготовления волшебных фильтров. Разведчикам де Клермона с крыш тюрем иногда приходилось видеть во дворах самые гнусные сцены таких мучений...

Один из разведчиков встретил на улице старца Иоанна, которого знал, как множество других христиан. Подошедши, он спросил о значении его слов. Старец ответил: "Уже осветилась земля светом Ангела, имеющего великую власть. Пал Вавилон, великая блудница, ибо грехи ее дошли до неба" [1].

- Ты должно быть из партизанов, - спросил он, - всматриваясь.

- Да, святой отец.

- Так скажи Клермону: Писано - воздайте ей так, как она воздала вам, и вдвое воздайте по делам ее.. [2].

Слова эти не были вполне ясны де Клермону. Каких-нибудь внешних признаков грозы не было. Великая блудница жила спокойно и могла говорить по-прежнему: "Сижу царицею, я не вдова и не увижу горести" [3]. А между тем над головой ее уже нависли громы и молнии.

Дело вышло таким образом. Антиох пригласил всех десятерых правителей Союза на совещание о предстоящем походе против Небес и о сосредоточении общих союзных ополчений в Армагеддоне. Совещания шли деятельно и правители рассылали приказ за приказом о мобилизации психических батарей и подсобных к ним войск, но столь же постоянно получали от своих министров жалобы на задержки их действий со стороны представителей Коллегии Кардиналов. Эти представители не хотели ничего исполнять без подтверждения распоряжений из Рима. В Риме же требовали предварительных объяснений, почему нужно именно данное

количество войск, почему для них выбраны именно данные маршруты, почему назначены именно данные военачальники и т.д., а получив сведения - нередко присылают свои возражения и контрприказы. Коллегия присваивала себе положение какого-то Верховного Военного Совета. Уже и раньше полные раздражения против нее, правители союзных держав теперь доходили до белого каления и повторяли, что, не усмиривши предварительно кардиналов, невозможно ничего начинать. Король Карл, правивший Романской федерацией, отправил в Коллегию Кардиналов грозную ноту, заявляя, что если она не прекратит своей узурпации, то он немедленно займет Рим своими войсками. Тогда кардинал Моисей Галеви, по тайному внушению Кол Изроель Хаберим, провел в Коллегии мысль, что теперь, когда весь Союз занят своим фантастическим походом, самое время - дать светской власти незабываемый урок, и по его предложению кардиналы захватили проживавшего в Риме принца Филиппа, сына короля Карла, и принесли его в жертву перед статуей Люцифера. Извещая об этом отца, Коллегия объяснила, что, считая необходимою, в столь важный момент, торжественную умиловительную жертву, она бросила жребий, который и пал на принца Филиппа...

В это же время сам Антиох получил донесение от Лармения относительно настроений и действий Коллегии. Напуганный гневом Антиоха Лармений с полным усердием вошел в роль шпиона и умел ловко вкратиться в доверие кардиналов. Он жаловался, что с Председателем Союза стало совершенно невозможно жить, и говорил, что если Антиох не будет наконец низвергнут, то он погубит всех сколько-нибудь умных и самостоятельных людей. Он негодовал на всеобщее малодушие перед тираном, и кардиналы, везде разыскивающие врагов Антиоха, поддались на удочку провокатора. В откровенных разговорах с ними Лармений узнал и замыслы, и деяния их против Антиоха и поспешил прислать обо всем подробный доклад.

Извещение короля Карла о страшной участи его сына и донесение Лармения пришли в один и тот же день и привели весь Конгресс правителей в ошолобление. Как, Коллегия дошла уже до наглого умерщвления королевских сыновей и до тайных замыслов на жизнь самого Человекобога? Негодованию всех не было пределов. Все единогласно повторяли также, что нельзя начинать похода, оставляя у себя за спиной такого страшного внутреннего врага. Без всяких прений Конгресс единодушно постановил уничтожить Коллегию Кардиналов, предать суду ее членов, и совершенно упразднить и саму Универсальную церковь. Антиох был провозглашен диктатором всех десяти держав Союза для похода к Армагеддону и для принятия немедленных мер против Коллегии Кардиналов. Полагая, что никто энергичнее Карла не справится с убийцами его несчастного сына, Антиох поручил ему командование Римской экспедицией, приказал всем правителям неотлагательно отправить в распоряжение короля по 5 000 лучших своих войск и доставить ему все военные припасы, какие он потребует. Эта небольшая армия, в 50 000 человек, казалась более чем достаточной для занятия Рима, так как никто не предполагал, чтобы Коллегия Кардиналов отважилась на вооруженное сопротивление всемирному Союзу держав. С такими решениями правители занялись спешной мобилизацией военных сил для отправки их к Армагеддону. Король же Карл, пылая гневом, немедленно отбыл в Рим, где в течение десяти дней должна была сосредоточиться вся его пятидесятитысячная армия.

Для того, чтобы захватить Коллегию врасплох, решено было уведомить ее о постановлении Конгресса лишь по прибытии Карла в Остию. До тех же пор они должны были сохраняться в глубокой тайне.

Таково было положение дел, когда старец Иоанн пророчил гибель Вавилонской блудницы. Собственно говоря, никто в то время не замышлял еще гибели города Рима. Лишь духовное прозрение открывало старцу то, что крылось в неведомых людям судьбах Божиих. Через несколько дней после встречи с партизаном, он неожиданно явился в лагерь да Клермона, стоявший в Римской кампании.

- Ну, сынок, - сказал он Гуго, - воля Божия решила участь Вавилона. Ты со своим отрядом оглянуться не успеешь, как запылает седьмихолмный Рим. Если хочешь что-нибудь сделать, так поторопись.

- Отец святой, я ведь еще плохо подготовлен, и народа у меня всего тысяч пять, и тюрьмы далеко не обследованы... Так неужели эти несчастные братья наши, которых еще не успели перебить поклонники Сатаны, должны будут погибнуть от кары Божией?

- От кары Божией погибает только тот, кому назначено. Ты делай свое дело, не робей, не медли, тогда никто и не погибнет. Собирай свой отряд, вместе помолимся, да и за дело.

Де Клермон, конечно, не мог моментально собрать отряд, разбросанный в разных местах. Но он принял меры по быстрому сбору, а старец тем временем остался в лагере. Уже в тот же день стянулось много партизанов. Возвратившиеся из Рима рассказывали о чрезвычайном военном движении в городе, куда со всех сторон сходятся папские войска. Жители в беспокойстве ожидают какого-то междоусобия. Они, впрочем, всецело на стороне Коллегии кардиналов и готовятся помогать ей. Население Рима вообще сочувствовало стремлениям ее сделаться высшей властью Союза. Это льстило самолюбию римлян и обещало им множество выгод, проистекающих всегда от столичного положения города. Масса добровольцев записывалась в папские войска.

Должно заметить, что несмотря на тайну совещаний Конгресса, его решения были сообщены подкупленными чиновниками в Коллегию кардиналов раньше, чем это сделал король Карл. Коллегия, чувствуя, что суд над нею легко может окончиться смертными казнями, а также учитывая трудности положения Союзного Правительства и незначительность экспедиционного корпуса, решила оказать отчаянное сопротивление. Когда Карл с первыми десантами прибыл в Остию, он был встречен жестоким огнем. Зажигательные и раздробительные орудия того времени значительно отличались от современных, и были несравненно более могущественны. Но Карл, энергичный от природы и доведенный до бешенства такой ужасной гибелью сына, не остановился ни перед какими потерями, и в тот же день высадил свои десанты.

Первым делом его было объявление Коллегии кардиналов низложенной и требование покорности Римского населения. В то же время он затребовал как из собственных владений, так и из всех союзных держав самой спешной доставки возможно большего количества зажигательных и стенобитных снарядов и орудий. С первых же часов стало ясно, что его задачей будет не простой арест кардиналов, а усмирение целого громадного города, обладающего огромными средствами защиты. В Риме уже было сосредоточено двести тысяч человек войска, и это количество быстро возрастало. Пятидесятитысячный экспедиционный корпус был бы раздавлен при попытке занять город, а между тем действовать нужно было немедленно, так как король Карл получил от Коллегии кардиналов дерзкий отказ подчиниться решениям Конгресса, а городское управление Рима ответило, что его законное правительство – Коллегия Кардиналов, которой оно только и подчиняется. Оставляя до времен бесплодные попытки занять город, король Карл поспешно стягивал отовсюду зажигательные и стенобитные снаряды и располагал их в удобных местах с тем, чтобы сразу нанести сокрушительный удар.

Наблюдая действия обеих враждующих сторон и огромные транспорты снарядов, с утра до ночи высаживающиеся в Остии, де Клермон теперь и сам уже видел, что над вечным городом нависла феноменальная гроза. Своим военным чутьем он угадывал план Карла и понял, что нужно очень торопиться. По его соображениям, наиболее разумно будет произвести сразу нападение на все тюрьмы, с началом бомбардировки, которая должна произвести в городе общий беспорядок. Он разделил своих партизанов на небольшие группы, по числу тюрем, и

начал вводить их в Рим. Старец Иоанн служил для каждого отряда молебствие, окропля партизанов святой водой, и отпускал на подвиг со своим благословением. Торжественны были эти богослужения среди безграничной шири зеленых полей Кампаньи. Партизаны, идя на смерть за братьев, молились так усердно, как, может быть, никогда в жизни. В молитве участвовали почти всегда и группы христиан, убежавших из Рима. Некоторые из беглецов, помоложе и покрепче, покидали своих сотоварищей и присоединялись к отрядам партизанов. Старец Иоанн одушевлял и успокаивал всех: "Не бойтесь, дети. Бог поможет вам спасти мучеников-узников. Немногим из вас суждена славная кончина. Возвратитесь благополучно, освободив узников и воздав жрецам сатанинским по их делам. Смело идите на дело ваше". Де Клермон со своей стороны объяснял каждому отряду план операции, которую ему предстояло выполнить, и всем внушал, что бросаться на тюрьмы нужно не раньше начала бомбардировки и действовать быстро, чтобы уйти из города раньше, чем она разовьется в полную силу.

Многие партизаны понаклеили себе фальшивые марковские значки, но и без них не трудно было укрываться в скоплениях народа, возбужденно снующего по улицам, и в настоящую минуту совсем не думающего о христианах. Но не долго им пришлось прятаться. Уже на третий день, перед восходом солнца, король Карл загредел своими перунами. Их действие было с первого же момента ужасно. Де Клермон не мог предвидеть, что король хочет не просто напугать население, а навести на него ужас, так чтобы оно впредь не осмеливалось и шевельнуться против него. Громадные снаряды, в огромном количестве, сыпались на город, разбивая стены, зажигая все, что способно было гореть. Де Клермон испугался, как бы его партизаны не были наполовину перебиты, и разослал по всем отрядам приказ действовать как можно быстрее. Но они и так не теряли времени. В то время, когда жители в стороны разбегались с улиц, воображая укрыться в домах своих, партизаны врываются в тюрьмы, выламывали ворота и двери, выпускали узников и выпроваживали их на улицу с советом убежать поскорее за город. Всех сопротивляющихся стражей - избивали без всякой пощады. Та же участь постигала тюремное управление и так называемое "духовенство" Вавилонской блудницы, множество которого ютилось по тюремным квартирам. Вид орудий пытки, попадавших там и сям, и тела замученных, уже окончивших жизнь, приводили партизанов в такое ожесточение, что они, рискуя погибнуть в развалинах, всюду разыскивали "антихристовых слуг", убивая всех, кого удавалось захватить...

Сам Клермон находился при отряде, бросившемся на башню св. Ангела. Страшное и величественное зрелище открывалось тут с высоты. Король Карл засыпал вечный Рим снарядами, как будто расплавленным градом извержения вулкана. Но не одни снаряды разрушали город. Сильные подземные удары землетрясения довершили ужас положения. Дома обрушивались и загорались еще сильнее. Густые клубы дыма окутывали город. Сама башня св. Ангела обрушивалась в десятках мест, так что партизаны с трудом успели вывести узников. Вдали виднелись толпы народа, бегущие за город. Проходя Ватиканом, де Клермон видел те же картины разрушения. Дворцы пылали, рассыпались и превращались в груды развалин. И надо всем этим неумолчно ревел адский грохот огненных снарядов... На пути отряду попало несколько экипажей с бегущими кардиналами, их свитой, их чиновниками: всех их партизаны перебили без разбора. На улицах и во дворах валялось множество и других трупов. Величественное здание бывшего собора св. Петра превратилось в руину. Знаменитого купола уже не было и следа, и сквозь бреши стен можно было различить изуродованные статуи Люцифера и Антиоха. Но статуя перед собором, около которой пролилось столько крови человеческих жертв, все еще высилась во весь рост. Де Клермон кликнул партизанов, и Люцифер тяжело рухнул под их ударами... Однако пора была и убираться из этого ада. "Братья, - крикнул он отряду, - уходите кто как может за город. Собираться - в лагере, в Кампанье. Я пойду один".

И он повернул к Тибру. Несмотря на неблагоразумие этого, де Клермон не мог устоять против желания посмотреть центральные части города. Страшная судьба Рима наполняла его неизъяснимым чувством. Это была как бы миниатюра конца мира. Гуго шел медленно, невольно вглядываясь в черно-красное небо и зарево пожара, какого не видал сам Нерон. Проходя близ Квиринала, он заметил на улице растрепанную девушку, бегавшую без смысла взад и вперед. Она казалась сумасшедшей. Клермон с трудом узнал в ней красавицу Фрину.

- Что Вы здесь делаете? Где Ваш отец? - крикнул ей он.

Она смотрела безумными глазами.

- Где Ваш отец? - повторил он подходя.

- Ах, вынесите его.... Он весь разломан, голова в крови, мозга разбросаны... Вон, вон - его куски... И Анджело там, сторожит его...

Она потащила де Клермона в сторону. Разорванный на куски каким-то снарядом, здесь валялся труп Лармения, совершенно неузнаваемый. Рядом с ним раскинулся труп молоденького паж, с длинными кудрями в пыли и крови.

- Идите за мной, - сказал де Клермон Фрине. Она замахала руками.

- А отца кто уведет? Его нужно собрать и увести, а то его здесь убьют!

Де Клермон схватил было ее за руку, но она вырвалась, присела на корточки около Лармения, и прикладывала один к другому куски его тела:

- Анджело, помогай же, - кричала она.

День склонялся к вечеру, когда де Клермон выходил из города. Гром бомбардировки стих, но Рим весь шипел и гудел шумом своей гибели. Он горел, как гигантский костер, раскинувшийся на десятки верст. Де Клермон не в состоянии был оторваться от этого зрелища, которому отказывались верить глаза. Еще на восходе солнца этого рокового дня ничего подобного нельзя было вообразить. Он остановился на пригорке, и неподалеку увидел на камне старца Иоанна, вдохновенным взором смотревшего на разливающееся перед ним море огня.

- Благословите, батюшка, - сказал Гуго.

- Бог благословит воина Христова. Истинны и праведны суды его. Он осудил великую любодеецу, которая растлила землю любодейством своим. Он взыскал кровь рабов своих от руки ее. Горе, горе тебе, великий город Вавилон, одетый в виссон и порфиру, и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными, ибо в один день погребло такое богатство. В один день пришли на нее казни, смерть и плач, и голод, и сожжена она огнем. Не слышно будет в тебе голоса играющих на гусях и поющих, и свет светильника не появится в тебе, ибо волшебством твоим введены в заблуждение все народы, и в тебе найдена кровь пророков и святых [4].

- А ты, воин Христов, знай, что уже седьмой Ангел вылил чашу гнева Божия [5], и до конца совершились судьбы. Истреблена Любодееца, и чистая Невеста приготовила себя. Наступает брак Агнца и он уже идет с небесным ополчением. Уводи своих воинов, готовьтесь к радостной встрече. Иду и я к нему.

В то время, когда де Клермон подходил к своему отряду, армия короля Карла со всех сторон

вступала в пылающий Рим, где ей нельзя было уже найти и пристанища. Он отдал приказ хватать кардиналов и всех их чиновников, а также лиц римского муниципалитета, и всех на месте предавать смертной казни. Однако, когда его гнев несколько насытился, Карл сам спрашивал себя, не слишком ли далеко зашел он в истребительной каре? Таково же было мнение союзных правителей. К чему было, говорили они, разрушать так беспощадно прекрасный и богатый город, не имевший себе равного? Только Антиоху было не до этой критики. Перед ним стоял вопрос - быть или не быть - его походу к Армагеддону.

Сверх того, в самой гибели Рима дело не обошлось без участия стихийных сил, в котором Антиох усматривал наступательные действия Небес против себя. Удары землетрясения, способствовавшие разрушению вечного города, были лишь отголоском более страшных вулканических явлений, имевших, по-видимому, даже космический характер и, быть может, находившихся в связи с тем развитием солнечного жара, от которого так страдали люди последнее время. Действительно, беспрецедентное в истории землетрясение внезапно встряхнуло всю землю. Целый ряд городов разрушился, а с неба пал необычайный град, наделавший множество бед. Антиоха утешало только одно: что никакие кары свыше не пробуждали в людях раскаяния и вызывали в них только хулы на Бога.

И неукротимый враг Божий продолжал посылать рать за ратью к Армагеддону, к последнему концу и завершительному акту мировой истории.

См.: Откровение 18, 2 ^

См.: Откровение 18, 6 ^

См.: Откровение 18, 7 ^

См.: Откровение 18, 21-22 ^

См.: Откровение 16, 17 ^

XXXII

Еще стояла на своем месте Земля, хотя и потрясаемая до оснований, еще шли обычным порядком ее многогрешные дела, но если бы кто-нибудь захотел узнать нечто о том, в чем видимое и осязаемое уже перемешивалось с невидимым и неосязаемым, - тот должен был поспешить, вместе с Эстер, в старое убежище Лидии, силой Божией сохраняемое невредимо от всех бедствий последних времен.

Эстер ехала туда, посланная мужем, который остался в Иерусалиме помогать патриарху Боруху в проповеди между евреями. Лидия же, вместе с Валентином, жила в Бетсалеми, имея на своем попечении детей, сирот мучеников. Сам старец Иоанн благословил их на это последнее служение в земной жизни. Они так и жили окруженные детьми, которые не уставали слушать рассказы Лидии о Христе, о наступающей гибели Антихриста, о конце мира и Новом Иерусалиме, где они увидят воскресших родителей, умерщвленных за Христа.

Здесь, на скалистых высотах, окружающих Бетсалеми, жило целое население, мужчины, женщины, дети, напомилавшее древнюю христианскую общину. Они ожидали Христа и проводили время в молитвах. Все они собрались сюда из разных стран мира, волнуемого бедствиями, испытали эти бедствия, многие потерпели и муки за Христа. Время от времени к ним приходили и новые собратья с вестями о новых мучительствах Антихриста. Но здесь, в Бетсалеми, не было никакого мучительства и бедствий, сюда не достигала рука врагов Божиих, и здесь за последнее время перестали даже думать о событиях внешнего мира, всецело погружаясь в ожидание Христа. Бедна и скудна была жизнь отшельников. Им доставляли кое-какую пищу, кое-что они добывали сами, собирая дикие ягоды, выкапывая корни пустынных

растений. Но они мало думали о пище. Жили они под открытым небом, укрываясь на ночь где-нибудь в расщелинах скалы или в норах, а то и нигде не укрываясь. И днем, и ночью повсюду были видны группы молящихся, которые особенно любили собираться для этого на вершинах диких скал. Между ними было много людей, достигших высокой духовной прозорливости, которым уже была открыта жизнь небесная, и часто, среди молящихся, кто-нибудь начинал вдохновенно говорить о том, как на небесах открывается и закрывается скиния Божия, как выходят Ангелы, изливая на землю фиами гнева... Стихало тогда пение псалмов, и все окружающие погружались в благоговейное восприятие этих созерцаний.

Все чаще и чаще группы мужчин, женщин и детей усаживались на камнях высочайших утесов и молчаливо всматривались в синеющую даль Армагеддона, которого вершины и долины, хотя отстоящие на два-три десятка верст, отчетливо виднелись в прозрачном воздухе горных высот. В этой местности, обыкновенно безлюдной, стали с каждым днем сильнее проявляться признаки оживления. Там и сям показывались то отряды войск, то рабочие, насыпавшие какие-то подобия бастионов. Отряды то появлялись, то уходили, но в общем быстро умножались. Несколько раз они направлялись к скалам Бетсалема и, подойдя уже близко, поворачивали назад.

- Не допускает их сюда сила Божия, - заметил Валентин, обращаясь к Эстер.

Они все вместе, окруженные толпой детей, сидели на вершине горы. Эстер передала свежие новости о том, что делается в мире. Лидия слушала радостно. Ее душа была поглощена рассветом вечного будущего. Валентин расспрашивал. А там, в мире преходящего, подводились последние итоги. Антиоховцы свирепствовали. Христиан хватали и казнили. Покончили земную жизнь епископы Августин и Викентий... Оба пали на постах своих. Викентий был схвачен на собрании своей паствы, которой внушал крепко стоять за веру. Августин разносил пищу больным христианам; сыщики подсмотрели это и, заподозрив в нем христианина, захватили, даже не подозревая важности своей добычи. Он, конечно, отказался идти к статуе, сам объявил, кто он такой, и был тут же убит. Викентия препроводили в тюрьму и там казнили. Но Папа и Патриарх здравствовали. Они решили оставаться при своей пастве в Иерусалиме и там ожидать пришествия Господа. Борух и Марк без усталости вели проповедь. Юсуф, по кончине Августина, уехал к отцу и матери, и вел проповедь среди арабов. Измаил Эфенди и Сеитов приняли христианство. Вообще магометане крестятся в большом числе. По их вероучению, на Страшном Суде - судить будет Иисус Христос, и множество арабов, татар и турок торопятся явиться перед ним христианами.

- Значит Страшного Суда начинают бояться больше, чем Антиоха, - заметил Валентин. - Тоже - признак времени. Ну а что же партизаны?

Партизаны по большей части стягиваются к Армагеддону, чтобы там сразиться с Антихристом. Но им нельзя совершенно покинуть христиан без помощи. А между тем и их поглощает мысль о Страшном Суде. Прежде все это представлялось как будто все еще отдаленно, а теперь всех охватывает предчувствие последнего конца, в сравнении с которым земная борьба кажется мелочной.

- И знаешь, Лидия, - прибавила Эстер с нервной дрожью, - мне самой ужасно страшно. Как подумаешь: загорится весь мир, небеса сольются. А впереди течет огненная река, и сядет Судия, который знает каждое движение твоего сердца... Умереть со страха можно...

- Милая моя, - сказала Лидия, обнимая ее, - разве ты не веришь в милость нашего Спасителя?

- Верю, верю, а все-таки сердце замирает. Уже и теперь какие страхи пришлось пережить. В

Иерусалиме земля раскололась на три части, по городу почти нет сообщения. И по другим городам, говорят, землетрясение наделало таких же ужасов. Я не знала, как вырваться. Снизу земля разверзается, сверху бьет град... А у вас тут как будто не заметно разрушений.

- Ах, Эстер, здесь жизнь совсем особенная. Она почти не земная. Но мне трудно выразить тебе...

Лидия смолкла, словно ища ответа во внутреннем созерцании.

- Да, - сказал Валентин, - тут жизнь именно почти уже не земная. Точно видишь необыкновенный сон. Побудете здесь - сами заметите. Так и кажется, что тут законы мира материального уже уступают место законам духовным. Прежде не было ничего подобного. Обратите внимание, вон взбирается на скалы старик: как легко он движется, как будто не чувствует тяжести, словно всплывает вверх. Видели Вы уже игры детей? Это что-то грациозно воздушное, как будто ангелы летают. Да они и видят ангелов. Раз как-то я услышал их крики: "Ангел, ангел пришел", и дети закружились в быстром хороводе. Я всеми силами всматривался, и даже заметил, - не глазами, а каким-то внутренним ощущением - как будто светлое пятно, около которого кружились дети. Спрашиваю: "С кем вы играете?" - "Ангел пришел, вон он". "Какой же он?" - спрашиваю. - "Да как всегда бывают ангелы, смотрите". Но я ничего не видал, а дети чувствуют. Они рассказывают, какие чудные райские песни поют им ангелы... Лидия тоже видит это и слышит. Она любит слушать ангельские песни.

- Лидия, - прервала Эстер, - неужто ты слышишь?

- Да, я часто слушаю...

- И хорошо?

- Век бы слушала. Я пробовала подпевать, но не выходит ничего. Воздух не передает этих звуков: они особенные.

- А ангелы какие?

- Милая, как я тебе скажу? Они не в телесном виде. Вот сама как-нибудь увидишь - будешь знать. Не спрашивай: я не умею рассказать.

- Здесь, Эстер, многие видят небесные события и рассказывают о них, - продолжал Валентин, - так что иногда мы заранее знаем, что будет. Однажды я был с детьми на скале, а рядом сидели два старика. Вдруг они оживились. "Вот открылся храм скинии. Ангелы выходят..." Оба упали на колени и стали молиться. Я ничего не видал, но дети обрадовались, всплеснули ручонками: "Ах, какой чудный храм. а ангелы светлые, одеяние блистает..." Начали считать и насчитали семь ангелов. Кричат: "А в руках у них золотые чаши, как хорошо".. Лидия была. тут же и говорит: "Только не радуйтесь, дети: в этих чашах язвы гнева Божия. Многие от них пострадают..." После этого, Эстер, как раз и начались бедствия Антиохова царства. Но здесь их совсем не чувствовали. Когда солнце начало так нестерпимо прожигать землю, - я был по делу у Клеффа и чуть не погиб от адской жары. Весь отряд спрятался в пещеры, но и в них мучился, как в преисподней. Но когда я возвратился в Бетсалем - здесь застал чудный прохладный воздух. То же самое при землетрясении... Многие тут говорили, что седьмой Ангел вылил свою чашу и что из небесного храма раздался голос: "Совершилось!". Лидия в ужасе шептала: "Какие страшные громы, какая ослепительная молния". Я же ничего не видел и не слышал. Но в этот миг началось ужасающее землетрясение. И что же? Все здесь, и я, видели, как шатались горы Армагеддонские, как провалилось несколько вершин. А здесь все было спокойно, не шевельнулся ни один камень... Вот как живет этот клочок земли, как будто выведенный изо

всех условий существования остальной части планеты... Впрочем, может быть, есть и другие такие же богохранимые места, не знаю...

Эстер слушала, притихши и оробевши. Скоро ей пришлось и самой увидеть эти чудеса, скоро и она стала заслушиваться ангельского пения.

А со стороны Армагеддона все росли и росли бесчисленные рои ополчений Антихриста. Упорствовал Сатана, упорствовал осатаневший человек. А на небесах уже все было измерено и взвешено.

XXXIII

...Клялся Ангел сильный, у которого лицо, как солнце, и ноги, как столпы огненные, клялся Живущим во веки, что времени уже не будет [1]. И сбылось по тому слову. Пришел конец времени и пространству. Все смешалось в состояние, для которого нет слов на языке человеческом.

Развертывается неисчислимое множество событий, но они следуют не одно за другим, а совершаются совместно, захватывают место каждое для себя, но не исключают других событий на этом самом месте, и в то же самое время. Изменяется характер, вид и формы временного бытия. Грохочет звук, неотличимый от цвета. Черный свет переливается со светящейся тьмой в пространстве без ширины, длины и высоты. Тысячи неведомых окрасок сменяют то, что мы называем цветом. Всюду реют предметы и существа без вида, отличимые отчетливее, чем нынешние определенные формы. Непредставимое и невыразимое является на место того, что можно теперь выразить и представить.

И это не хаос: это бытие вечное, не изменяемое ни временем, ни пространством, захватывает то, что было некогда выведено из него во время и пространство. Бледным ужасом охватывает это превращение тех, в ком нет причастия жизни вечной. Светлая блаженная радость наполняет сердце того, кто чуял в себе жизнь вечную, жаждал и искал ее, чья душа томилась на этом свете, полна чудным желанием другого, и не могла заменить звуков небес скучными песнями земли [2].

"Ей, гряди, Господи Иисусе", - непрерывно повторяла такая душа, и радостно отзывалось в ней обещание: "Ей гряди скоро". Но у Господа тысяча лет - как один день...

Как наступил желанный миг и совершилось чудное превращение - невозможно передать этого с ясностью. Они все, Лидия, Эстер, Валентин, дети и другие обитатели Бетсалема, сидели по обыкновению на своих скалах, вперили взоры в высоты Армагеддона, покрытые тучами антиоховых воинств. Они кишели всюду, как муравьи. Ставка самого антихриста помещалась со стороны Бетсалема, и картина гордого человеческого величия была видна, как на ладони. Антиох подъехал в золоченой открытой коляске, запряженной великолепными белыми конями, в сопровождении гвардии в золотых панцирях. Тысячи знамен развевались вокруг ставки, а навстречу повелителю раздавались звуки громадного оркестра, гремевшего гимн: "Слава покорителю небес".

Аполлоний вышел из коляски Человекобога и немедленно полетел прямо по воздуху осматривать свои батареи и батальоны. Его приветствовали громогласные клики войск, над которыми он пролетал.

- А бесов-то над ними сколько! Больше чем все эти ополчения, - произнес прозорливый старик.

- Так и реют, как мошки, до самых небес... Ей, гряди Господи Иисусе...

- Идет, идет, - вдруг радостно заторопилась Лидия.

- Господь идет! Дети, смотрите.

Она в восхищении упала на колени, и вся толпа благоговейно последовала ее примеру. Раздалось общее пение: "Слава в вышних Богу".

Валентин различал только светлое облако, которое все разрасталось в небесных вратах.

- Где Господь?, - тихо спросил он детей.

- А вон, вон, - отвечали шепотом детские голоса.

А за Ним воинство, ангелы на белых конях, одеяния белые, блестящие...

- Да очнись, Валентин, - прошептала Лидия, - теперь ты можешь увидеть: свершилось!

И вдруг громовыми раскатами весь мир потрясла труба Архангела. Валентин почувствовал, что в нем все затрепетало, прояснело, просветилось, и он увидел небесное, как видимое земное.

За мгновение перед этим в лагере Антиоха все было зашевелилось к бою, батареи начали действия. Но Ангел с солнца уже воскликнул: "Собирайтесь, птицы небесные, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, и всех великих и малых". И произошло невообразимое смятение. Сверху посыпались бесовские ангелы, поражаемые небесными ратями Архангела Михаила, закрутились в дыме ополчения Антиоха, как пыль, сдуваемая ветром, схвачены сами Антиох с Аполлоном и брошены в озеро огненное, чтобы гореть вечно с Люцифером и его приспешниками. В мгновение ока рухнули гордые мечты человеческого и сатанинского безумия. Совершилось. Воцарился Господь Вседержитель!

Рухнули мечты самоутверждения, дозревшие до безумия, а с ними разрушалась и прежняя тварь, которую безбожники вообразили самобытной. Весь мир запылал в огне. Небеса свертывались, как до конца исписанная хартия, уже более не нужная [3]. На их черном фоне, освещенном багровым пламенем, сыпались звезды и преображались миры. Былое отходило в небытие. Господь творил все новое, и все изменялось, все проникалось новой силой. Безграничный черно-красный купол упраздняемого космоса пронизывали золотисто голубые просветы Нового Иерусалима, сходящего свыше на то, что прежде было землей. Рождалось новое небо и новая земля.

А труба Архангела гремела, воскрешая мертвых и призывая их к отчету на Страшном Суде их Создателя. Неисчислимыми толпами вставали они из могил и вместе с живыми вольным полетом стремились туда, где была Иосафатова долина старого Иерусалима, где начинался великий суд Господень. И дивились мертвые своему воскресению, а живые внезапному изменению своего тела, ставшего легким и подвижным, как воздух.

- Дети милые, летим, - восклицала Лидия, - летим Валентин... А вон несутся и наши: Эдуард, Викентий, Августин, Франц... о как много их. Привет вам, воскресшие братья-мученики. А вот и родители ваши, дети. Радуйтесь, нет больше смерти, нет больше горя.

И мчались отовсюду толпы за толпами бывших живых, бывших мертвых, сравнивавшихся в общем преображении, одни светлые, другие мрачные, одни - в радости сбывшегося упования, другие - в изумленном недоумении, третьи - в безысходном отчаянии. Куда девалась земля, в которую

они вращались всей душой, и земные дела, о которых они только думали, не веря в единое на потребу? Куда скрылись сокровища земные, которые они так жадно собирали, яростно вырывая друг у друга? К чему послужили их страсти, из-за которых они плодили столько зла? Куда привело их слепое самоутверждение, для которого они презрели Волю Бога, стремясь жить по самовластному своему хотению? Роем темных призраков окружало их, проснувшись, воспоминание греха, пополнявшего их жизнь, и сознание неминуемого возмездия... И мчались толпы за толпами на общий суд. Среди них одни радостно оглядывались на спускающийся свыше Новый Иерусалим, сверкающий небесною красотой, на светлые райские селения, уже готовые принять достойных, на золотистые облака, готовые вознести их ко Христу. Они сами ускоряли свой полет, воспевая хвалу Создателю. Но не могли остановиться и трепетные, искаженные ужасом тени других, увлекаемые невидимой силой туда, где клокотала и бурлила огненная река, уже готовая поглотить осужденных [4].

Совершилось! Воцарился Господь Вседержитель.

См.: Откровение 10, 1-6 ^

Реминисценция из стихотворения М. Ю. Лермонтова "Ангел" (1830) ^

См.: Откровение 6, 14 ^

В Откровении грешников должно было поглотить огненное озеро ^